

МАЙКОВ

Г

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

основана
М. ГОРЬКИМ

МАЛАЯ СЕРИЯ
ИЗДАНИЕ ТРЕТЬЕ

ЛЕНИНГРАД

1 9 5 7

А. Н. МАЙКОВ

ИЗБРАННЫЕ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ

mmmmmm

советский
писатель

*Вступительная статья,
подготовка текста и примечания
Н. Степанова*

А. Н. МАЙКОВ

I

В русской поэзии XIX века Аполлон Майков занимает видное и давно упрочившееся место. Им пройден долгий писательский путь, отмеченный неустанным творческим трудом. Первые юношеские стихи Майкова были помещены в домашнем рукописном журнале еще при жизни Пушкина, а последние появлялись в 1890-е годы, на заре русского символизма.

Жизнь Майкова лишена была каких-либо значительных событий; ее ровное течение ничем не нарушалось. «Вся моя биография, — писал поэт М. А. Златковскому, — не во внешних фактах, а в ходе и развитии внутренней жизни, в ходе расширения моего внутреннего горизонта».

Аполлон Николаевич Майков родился 23 мая (4 июня) 1821 года в Москве, в старинной, культурной дворянской семье. Брат прадеда Василий Майков был видным писателем XVIII века, автором комической поэмы «Елисей, или Раздраженный Вакх». Дед Майкова являлся директором театра и был близок к литературным кругам. Детские годы будущего поэта прошли в подмосковном имении отца, под Загорском; они запечатлели в

памяти поэта картины русской природы. Отец его, Н. А. Майков, самоучкой выучился живописи и впоследствии получил звание академика живописи. С ранних лет А. Н. Майков рос и воспитывался в атмосфере, насыщенной искусством.

В доме Майковых, в особенности после переезда в 1834 году всей семьи в Петербург, постоянно собирались художники, литераторы, музыканты, велись оживленные беседы и споры по вопросам искусства и литературы. Об этой артистической атмосфере, которая царила в доме Майковых, вспоминал впоследствии И. А. Гончаров. Дом Майковых, по его словам, «кипел жизнью, людьми, приносившими сюда неистощимое содержание из сферы мысли, науки, искусств. Молодые ученые, музыканты, живописцы, многие литераторы из круга 30-х и 40-х годов — все толпились в не обширных, не блестящих, но уютных залах его квартиры, и все вместе с хозяевами составляли какую-то братскую семью или школу, где учились друг у друга, размениваясь занимавшими тогда русское общество мыслями, новостями науки, искусств». Среди постоянных посетителей Майковых — И. А. Гончаров, И. И. Панаев, В. П. Бенедиктов, а впоследствии — И. С. Тургенев, Д. В. Григорович, Ф. М. Достоевский.

Эта артистическая атмосфера определила чрезвычайно раннее начало художественной деятельности Майкова. Еще в детские годы он увлекся живописью, а с пятнадцатилетнего возраста стал писать стихи, помещая их в рукописном журнале

«Подснежник» и альманахе «Лунные ночи» (1836—1839), составлявшимися членами семьи Майковых и их друзьями — Бенедиктовым, молодым Гончаровым, поэтом В. Солоницыным и др. Некоторые из этих юношеских стихов впоследствии были напечатаны («Сон», «Сомнение» и др.).

В 1837 году Майков поступил на юридический факультет Петербургского университета, где особенно охотно и много работал по истории древней Греции и Рима, изучал латинский язык и классических поэтов (Горация, Овидия, Проперция и др.). В 1841 году А. Майков окончил университет, написав диссертацию «О характере первоначальных законов по источникам славянского права». Этим было положено начало в дальнейшем все усиливающемуся интересу его к истории славянства. По окончании университета Майков был зачислен на службу в департамент государственного казначейства.

В 1842 году вышел первый сборник стихотворений А. Майкова, с большим сочувствием встреченный критикой. В своих ранних стихах Майков выступил как поэт, страстно влюбленный в античность, в ее светлое и оптимистическое начало.

В. Г. Белинский горячо приветствовал появление молодого талантливого поэта: «Отстраняя все гадания, которые могут быть произвольны <...>, — писал Белинский, — мы скажем пока только, что многие из его стихотворений обличают дарование неподдельное, замечательное и нечто обещающее в будущем». Ожидания Белинского не во всем оправ-

дались, но прав был критик в основном, отметив достоинства ясной и пластической поэзии Майкова.

Своими первыми стихами А. Майков вошел в литературу как продолжатель традиций антологической поэзии, представленной в недавнем прошлом именами Пушкина, Дельвига, Батюшкова, Гнедича. Обращение к античности поэтов начала XIX века было весьма значительным и характерным явлением в истории русской поэзии. Воскрешая гуманистическое содержание античной культуры, русские поэты утверждали гуманизм, человечность, наперекор реакционно-охранительной политике царизма. В то же время обращение к античной культуре и искусству обогащало художественные возможности русской поэзии, придавая ей пластическую ясность античного искусства.

Гуманизм античного искусства, его обращение к гармоническому и прекрасному человеку подчеркнул Белинский. В своей статье о «Римских элегиях» Гете он писал, что «искусство греков — высочайшее искусство, норма и первообраз всякого искусства». Белинский дал также и высокую оценку русской антологической поэзии, унаследовавшей этот гуманизм античности, и в особенности антологическим стихам Пушкина. Тут же Белинский приводил и стихотворение Майкова «Сон», отмечая «глубокий смысл» этой «прекрасной картины». Такая высокая оценка антологической поэзии Белинским объяснялась всем положением русской поэзии. Майков выступил со своими стихами в годы начавшегося отхода от пушкинских принципов и традиций, в годы, когда ясность и пластическая выразитель-

ность пушкинского стиха и стиха поэтов его поры сменилась метафизической отвлеченностью философской лирики Хомякова, Шевырева, безвкусно-риторическим версификаторством идола петербургских чиновников — Бенедиктова, провозглашенного «поэтом мысли». В этой обстановке обращение к антологической традиции имело принципиальное значение, как продолжение пушкинского начала.

В трезвой ясности стихотворений Майкова, в его обращении к античности Белинский увидел противодействие тем реакционно-романтическим тенденциям в поэзии, которые сказались в стихах Бенедиктова, Шевырева, Хомякова и др.

Впоследствии, в 1850 году, сам Майков писал по поводу «Греческих стихотворений» Н. Щербины: «Антологическая поэзия в европейской и в нашей литературе в последнее время, по нашему мнению, оказала ту услугу, что постоянно служила противодействием туманному, мечтательному и неопределенному стремлению поэтов; она постоянно напоминала нам о красотах природы, которыми проникнуты были древние и которые постоянно забывали наши поэты второй руки, заключающиеся или в сферу собственного я, или постоянно гнавшиеся за выражением требований века романтики — очарованные и разочарованные».

В своих антологических стихах Майков обращается не только к жанровым формам античной поэзии, но и к ее содержанию, к мифологии, к «языческому», эпикурейскому мирозерцанию античности. Из противоречий окружающей его жизни он стремится уйти в мир радостной и гармониче-

ской красоты, обрести ясную трезвость, идеальное равновесие между жизнью человека и природой, нашедшие свое выражение в пластичности и простоте форм античного искусства. Говоря об антологической поэзии древних, Майков писал, что «...главная прелесть этих стихотворений в гармонии стиха и в законченности целого. У новейших поэтов — часто глубокая мысль жизни или искусства заключена в маленькой антологической пьеске; часто ~~целая драма, целая повесть, целый~~ психологический трактат».

Для А. Майкова античный мир полон той гармонии и красоты, которая недостижима в современности, это мир, в котором искусство и природа соединены в едином радостном и светлом чувстве гармонии. В этом понимании античности Майков сближался с Белинским, по словам которого «гармоническое единство с природою, проникнутое разумностию и изяществом», являлось одним из основных элементов «древнего мирозерцания».

В статье о стихотворениях А. Майкова Белинский прежде всего указал на «эллинское созерцание» как основной элемент его поэзии и мировоззрения, на то, что он «смотрит на жизнь глазами грека». Подобно древнеэллинской музе, — писал Белинский, — муза Майкова «из природы почерпает свои кроткие, тихие, девственные и глубокие вдохновения; подобно ей, в движениях и чувствах еще младенчески ясной души, еще в лоне природы непосредственно ощущающего себя сердца находит она неисчерпаемое содержание для своих благоуханно-гармонических и безыскусственно-изящных

песен». Критик увидел в стихах молодого поэта то же проникновение классическим духом, что и в антологических стихах Пушкина и в «Римских элегиях» Гете.

Для Майкова природа и жизнь человека сливаются в гармоническом единстве. Однако в его первой книге стихов еще много пассивной созерцательности. Человеческие радости и страдания, явления окружающей жизни — лишь отдаленные отзвуки, смягченные и умиротворенные красотой природы. Античные образы, барельефы, идеально гармонические фигуры богов и богинь античной скульптуры возникают в его стихах как образцы подлинно прекрасного. Сад из развесистых буков со статуей Приапа, обнаженная вакханка у темного грота, покоящаяся на мягком бархате мхов, горный ключ, в который погружают «девы» звонкие кувшины, — таковы зримые пластические образы поэзии Майкова. Он словно пытается передать в слове совершенные и гармонические пропорции и линии скульптуры и живописи. Даже сцена похорон «престарелым рыбаком» погибшего в море сына, и та превращается в античный барельеф, как бы высеченный на мраморе.

Поэт мечтает о «днях минувших, днях радости блаженной», когда «лились млеко и мед с божественных холмов» («Гезиод»). Это идиллическое представление об античной жизни Майков переносит и на окружающую действительность. Даже русский пейзаж, северная природа представляется ему сквозь искусственную призму античности: желтые нивы, покрытые скирдами, редкий тростник на

озере, застланном белеющими столпами паров, — приобретают прозрачность, умиротворенность и пластическую выразительность, подобные пейзажу древней Элады.

Первый сборник стихотворений Майкова — это замкнутый в себе мир античных образов, скульптурных фигур, условно-прекрасной гармонической природы, спокойных размышлений поэта о прекрасном. Потому-то такое большое место в этих стихах занимает тема искусства, поэзии. Ведь эта тема является для Майкова определяющей его понимание жизни. В стихотворении «Искусство» Майков рассказывает о рождении музыки, мелодии. «Старец прохожий» обрезал ствол тростника и сделал из него флейту, звуки которой наполнили окрестность. Тростник, оживленный дыханием человека, передает простую и прекрасную душу природы.

Искусство для Майкова — бесхитростное выражение природы, ее извечной и неизменной красоты, искусство пассивное, созерцательное, далекое от человеческих страстей и волнений. Искусство рождается само, почти независимо от человека, бессильного разгадать его тайну.

Художник лишь улавливает преходящие миги жизни, превращая их в создания искусства, обретая поэтическую форму, выражающую «божественные тайны» гармонии. В стихотворении «Октава» Майков особенно полно выразил свои эстетические взгляды. Поэзия для него непостижимое разумом начало, таинственная гармония, подсказанная поэту самой природой:

Гармонии стиха божественные тайны
Не думай разгадать по книгам мудрецов.

Лишь «дубравы говор» и «шептание тростников» могут подсказать «созвучие стихов», их «размерные октавы».

Даже тогда, когда А. Майков в своих антологических стихах говорит о страсти, о любви, — он пользуется скульптурными пластическими символами, стремится передать проявления чувства через описание поз, красок, движений. Обнаженная вакханка (в стихотворении «Вакханка») лежит на фоне темного грота, внимание поэта привлекают игра теней от листвы и солнечный луч, скользящие по ее мраморной груди. Сама природа предстает как античная декорация, как живописный фон, оттеняющий эти скульптурные изображения.

В отличие от благородной простоты антологических стихотворений Пушкина, А. Майков (а затем в еще большей степени Н. Щербина) создал эстетизованную, приукрашенную Элладу, поэтизируя внешние атрибуты античного мира. Именно эта преувеличенная красивость, ложная поза поэта-мыслителя, на деле не идущего дальше банальных рассуждений, была ядовито и беспощадно осмеяна в 1850-х годах в пародиях Козьмы Пруткова на «антологические стихотворения» (в том числе и на стихотворения Майкова).

В основе «антологических стихотворений» Майкова лежит эпикурейская философия жизни — наслаждения прекрасным, чуждая запросам и волнениям современности. Наслаждение искусством, природой,

любовью, вином — вот «мудрость жизни», как она представляется поэту. Эта откровенная проповедь эпикуреизма и отрешенности от жизненных тягот и волнений раздавалась в те годы, когда русская литература мучительно искала выхода из социальных противоречий. Одобрительно отозвавшийся об антологических стихах Майкова, видя в них «поэзию простоты», «пластические, благоуханные, грациозные образы», Белинский тогда же, в 1842 году, сурово осудил те стихотворения Майкова, в которых поэт выходит за пределы антологии и обращается к современным темам («Воробьевы горы», «Чудный век» и др.). «В этих стихотворениях, — писал Белинский, — мы желали бы найти поэта современного и по идеям, и по формам, и по чувствам, по симпатии и антипатии, по скорбям и радостям, надеждам и желаниям, но — увы! — мы не нашли в них, за исключением слишком немногих, даже и просто поэта...»

Белинский отметил и идейную узость антологических стихов Майкова, который воспринял лишь одну сторону античности, «не коснулся „трагического“ в древнем искусстве». Критик призывал поэта выйти за пределы его изящного эпикурейского мира «прекрасной природы» — к большим социальным темам. «Но придет время — и, может быть, в душе поэта совершится движение: прекрасная природа не будет больше заслонять от его глаз явлений высшего мира — мира нравственного, мира судеб человека, народов и человечества...» Однако последующее творческое и идейное развитие Майкова хотя и расширило тесные границы

антологической поэзии, но не оправдало надежд Белинского.

В русской поэзии второй половины XIX века Аполлон Майков занял место среди представителей того поэтического направления, которое выступало под знаменем «чистого искусства», стремясь противопоставить нараставшим социальным бурям тихую пристань безмятежных радостей, рождаемых созерцанием природы и любованием искусством.

Успех первой книги стихов решил выбор дальнейшего пути. Майков, до этого времени колебавшийся между живописью и литературой, окончательно избрал путь поэта. В конце 1842 года Майков отправился в первую поездку по Италии, давно привлекавшей его и как поэта, влюбленного в античность, и как художника, мечтавшего увидеть великолепие ее пейзажей. Впечатления от пребывания в Италии он передал в своих «Очерках Рима» (вышедших в 1847 году). На обратном пути из Италии Майков посетил Прагу, где познакомился с деятелями славянского движения — Ганкой и Шафариком. Это знакомство способствовало дальнейшему, все возрастающему интересу поэта к славянству.

В «Очерках Рима» Майков пытался выйти за пределы эстетской созерцательности и отрешенности своих антологических стихов. В его книге помещены не только пейзажные зарисовки, но даны и живые очерки римской жизни, уличные эпизоды,

жанровые картинки. Майков передает жанровые сценки, которые говорят о простом и беззаботном характере людей из народа. Палящее солнце юга, белоснежные колонны зданий, живописные руины, веселый, жизнерадостный народ — таково впечатление Майкова от Италии. И лениво раскинувшийся на площади нищий, и крестьянская девушка смуглянка Фьорина, и беспутный Лоренцо — показаны в их живописной декоративности, привлекающей внимание художника, глазами которого и смотрит на Италию Майков:

На пышной лестнице старинного собора,
Красиво развальясь на мраморных плитах,
Картинно голову прикрыв лохмотьем старым,
Казалось, он заснул. . .

(«Нищий»)

Правда, в этих эскизных зарисовках еще не хватает углубленности, знания подлинной народной жизни. Майков отдает предпочтение древнему, языческому Риму, память о котором хранят красноречивые обломки его бывшего великолепия, — перед мертвящей, проникнутой духом наживы современностью. Созерцание обломков некогда великолепного Рима напоминает Майкову о том, что античный мир отошел в прошлое, что в свои права вступает суетная современная жизнь, к которой он относится отрицательно. Современная Италия воспринимается поэтом на фоне древнего Рима, его величественных развалин («Campagna di Roma», «Игры», «Древний Рим» и др.), хранящих следы своего славного прошлого, память о минувшей свободе:

Ты пал, но пал как жил... В падении своем
Ты тот же, как тогда, когда, храня свободу,
Под знаменем ее ты бросил кров и дом,—
И клянялся сенат строптивому народу...

(«Древний Рим»)

Противопоставляя гражданскую доблесть Рима, дух античной культуры «мертвому сердцем» поколению, Майков приходит не только к эстетической, но и идеологической идеализации античного мира.

В «Очерках Рима» сказались либеральные настроения Майкова, хотя и весьма неопределенные и расплывчатые. В стихотворении, открывающем цикл «Очерков Рима» — «На пути», подчеркнута безыскусственная простота жизни альпийских крестьян, являвшихся наследниками античности, «гордых своей свободой». Обращаясь к «долин альпийских сыну», Майков завидует его «счастью»:

Ты любишь ближнего и, горд своей свободой,
Ты всё нашел, чего веками ждут народы...

Несмотря на артистическое, отрешенное от политических страстей отношение к современной Италии, Майков высказывает в стихотворении «Palazzo» свое горячее сочувствие национально-освободительному, народному движению под знаменами Гарибальди. Обращаясь к потомкам аристократических родов, вставших в ряды борцов за освобождение Италии, Майков приветствует их патристический, свободолюбивый подвиг:

И громко отреклись вы от даров судьбы —
От прав, украденных отцами у народа,
И вняли вы призыв торжественной борьбы,
И движет вами клик: «Италии свобода!»
И гордо шелестит за честь страны родной
Болонская хоругвь над вашей головой!

3

По возвращении из-за границы Майков попадает в круг Белинского. Воздействие передовых идей шло также и со стороны брата поэта, Валериана Майкова, заведывавшего в эти годы критическим отделом «Отечественных записок», в которых принимает участие и А. Н. Майков.

В обстановке нараставших социальных противоречий, начавшегося подъема передовой русской общественной мысли Майков не смог остаться на позициях прежнего эпикурейского отношения к действительности, пассивного любования античностью. Личное знакомство с Белинским и посещения собраний у него имели большое значение для Майкова. Прогрессивные идеи, стремление к усовершенствованию общества, вся накаленная атмосфера кружка Белинского способствовали обращению Майкова к современной теме. Именно в эти годы сближения с Белинским написаны поэмы «Две судьбы» и «Машенька», ряд стихотворений с явно выраженными гражданскими мотивами.

Майков становится также посетителем «пятниц» Петрашевского, с которым он вместе учился в университете. Однако в кругу петрашевцев Майков не

занимал сколько-нибудь определенной позиции, интересуясь не столько политическими, сколько литературными вопросами.

Недавно опубликован «Рассказ А. Н. Майкова о Ф. М. Достоевском и петрашевцах», сохранившийся в архиве А. Голенищева-Кутузова. Майков вспоминает здесь о предложении, сделанном ему Достоевским, стать членом особой группы, в которую должны были войти, помимо Достоевского, Спешнев, Момбелли, Филиппов и др. Этот кружок ставил своей целью организацию подпольной типографии для печатания книг и «даже журнала». На вопрос Майкова, с какой целью организуется это общество из восьми членов, Достоевский, по словам Майкова, отвечал: «Конечно, с целью произвести переворот в России». Испуганный Майков, вовсе далекий от решительных действий, категорически отказался от участия в таком обществе. «Я не только не желаю вступать в общество, — заявил он, — но и вам советую от него отстать. Какие мы политические деятели? Мы поэты, художники, не практики, и без гроша. Разве мы годимся в революционеры!» Хотя эти воспоминания относятся к позднему времени (к 1887 г.), тем не менее в них достаточно наглядно сказалась позиция Майкова, не отличавшегося особенной последовательностью убеждений.

Можно вполне поверить Майкову, что даже в то время его мало прельщали теории утопического социализма и фаланстеры Фурье, о чем он впоследствии не раз говорил. Напуганный репрессиями, Майков после разгрома петрашевцев решительно

порывает с идеями демократического лагеря. Но, при всей его кратковременности, сближение с Белинским и петрашевцами положительно сказалось на творчестве Майкова, содействовало приходу поэта к актуальным темам современности. В 1840-х годах Майков принимал участие в «Петербургском сборнике» Некрасова, в «Отечественных записках» и в «Современнике».

Либеральные настроения Майкова полнее всего отразились в поэмах «Две судьбы» (1845) и «Машенька» (1846). В поэме «Две судьбы» он изобразил разочарованного «пустотой душевною» героя своего времени — кающегося дворянина Владимира, который бежит от крепостнической действительности в страну античной красоты — Италию. Майков даже становится в этой поэме в позу общественного обличителя, клеймя «ничтожность, пустоту, тщеславие наследственного барства». Правда, герой поэмы, «лишний человек» 1840-х годов, показан не очень рельефно, его душевный разлад мало мотивирован и передан в сентиментально-смягченном аспекте.

Гораздо дальше в освоении реализма Майков пошел в другой своей поэме — «Машенька». Сюжет поэмы отдаленно напоминает пушкинского «Станционного смотрителя». Эта поэма Майкова, помещенная в некрасовском «Петербургском сборнике», являлась характерным произведением «натуральной школы». В «Машеньке» дано резкое осуждение безнравственности и бездушия представителей светского общества, рассказана трагическая судьба хорошей, преданно любящей девушки, обольщенной

офицером-аристократом. В основе поэмы — показ глубокого отцовского чувства; старый чиновник прощает свою дочь, брошенную офицером, и помогает ей этим залечить тяжелую душевную рану. Белинский в своем отзыве о «Петербургском сборнике» выделил поэму Майкова, называя ее «прекрасной», отметив верность в изображении характеров, в особенности отца Маши, «уменье представлять жизнь в ее истине».

По своей гуманно-демократической направленности поэма примыкала к тематике и художественным принципам «натуральной школы». Демократический пафос обличения дворянских верхов, подчеркнуто бытовой колорит, выписанность реалистических деталей сочетались с сентиментально-филантропическими, гуманными мотивами, столь характерными для многочисленных очерков и повестей о «бедных людях» (Достоевского, Некрасова, Григоровича, Буткова и других писателей 1840-х годов).

Майков передает в поэме прозаическую, повседневную историю бедной, обесчещенной девушки, неприглядные стороны современной жизни. Подчеркнутость бытовых подробностей, жалостливое описание «маленького человека» отличают поэтику «натуральной школы», сочетавшей сентиментально-демократическую тенденцию с элементами натуралистического изображения. Таков облик старика чиновника, отчаявшегося в возвращении своей дочери:

Вот сад, скамья, поросшая травой,
Под ветвями широкими берез.

На ней старик. Последний клоч волос
Давно уж выпал. Бледный, он казался
Одним скелетом. Ветхий вицмундир
Не снят: он, видно, снять не догадался,
Придя от должности. . .

К «Машеньке» примыкает и небольшая поэма «Барышне», написанная в том же 1846 году. Здесь Майков выступает обличителем и сатириком бес-
содержательной, бессмысленной жизни провин-
циального дворянского общества. Поэт рассказы-
вает о типичной судьбе провинциальной барышни,
ставшей лишь «товаром торга» на ярмарке люд-
ской суеты. Она погубила свое «сердце, жадное
восторга», и в обеспеченном и скучном довольстве
превратилась в ленивую и пустую сплетницу. Но
сатира Майкова лишена злости и остроты некра-
совских сатир. Она моралистична, призвание са-
тирика явно оказалось Майкову не по плечу, и его
редкие выступления в этом жанре не принесли ему
успеха.

Эти поэмы важны не только для понимания на-
строений Майкова середины 1840-х годов, но и для
осмысления художественных принципов таких более
поздних его произведений, как поэма «Княжна ***»,
и стихотворений «После бала», «Мать и дочь»,
«Приданое» и др. (из цикла «Житейские думы»).
В них чувствуется манера писателей гоголев-
ской школы с их любовью к бытовому колориту и
обнаженностью моралистической тенденции.

Хотя сближение Майкова с Белинским и писа-
телями 1840-х годов, группировавшимися вокруг

Белинского, и было кратковременным и непрочным, тем не менее оно благотворно сказалось на творчестве поэта. Это воздействие послужило для Майкова толчком в развитии реалистических тенденций его творчества. С особенной полнотой они сказались в стихах о русской природе. Но и в обращении поэта к современной жизни проявилось стремление к реалистической трактовке тем и образов. Ему чужды романтическая субъективность, тяготение к передаче неуловимых ощущений, столь характерное для Фета или Полонского. Однако Майков далек и от реализма демократической поэзии Некрасова. Поверхностность реалистических принципов Майкова сказалась как в идейной узости, ограничивавшей понимание явлений современной действительности и прошлого, так и в его стремлении к «украшательству», к красивости.

4

По возвращении из-за границы в 1844 году Майков занял место помощника библиотекаря при Румянцевском музее, находившемся тогда в Петербурге. В 1852 году он перешел на службу в Комитет иностранной цензуры, в котором пробыл около сорока пяти лет, сначала на должности цензора, а впоследствии и председателя Комитета.

К этому времени Майков, как было сказано, отделился от своих либеральных увлечений. Уже в начале 1850-х годов он сближается с М. П. Погодиным, а в дальнейшем все более тесно смыкается

с консервативными кругами, хотя и не всегда разделяя реакционный курс правительственной политики.

В кружке Белинского и у петрашевцев Майков чувствовал себя чужим, находя подлинных единомышленников в своем семейном, домашнем кругу, где он встречался с Дудышкиным, Гончаровым, Цейдлером. Впоследствии, вспоминая о своих бывших увлечениях, Майков рассказывал в письме к П. А. Висковатову: «Выросли мы бессознательно на христианской и русской почве и в действиях своих были, конечно, христианами и русскими, но свои отношения к миру приравнивали то к тому, то к другому философскому учению. Вдруг налетела буря Белинского: новые идеи о браке <...>, о социальных условиях; старый мир с его религией, устройством общества отживает, нужен новый... словом, западничество дохнуло своей силой и охватило, конечно, и меня». Однако, как признается сам Майков в этом же письме, семейные «рыцарские», дворянско-патриархальные традиции направили его в другую сторону. Уже в это время «пленило» его «другое веяние» — веяние погодинского «Москвитянина». Сближение с Погодиным, занятия русской историей, «открытие славянского мира», идеи русской государственности — привлекают Майкова. К началу 1850-х годов он сближается с «молодой редакцией» «Москвитянина». В неопубликованном письме к сыну конца 1880-х годов Майков так рассказывал об этом: «В молодой редакции... принят был как свой, и был счастлив, что нашел себе свою среду, не могши тоже вполне

принять славянофилов первой формации, с отрицанием Петра. В таких воззрениях укрепил меня Погодин».

Эти воззрения Майкова получили свое выражение в поэме «Клермонтский собор» (1853), которая явилась не только откликом на события, предшествовавшие крымской войне, но и поэтической декларацией новых, консервативных позиций самого поэта. Нарисовав картину возникновения первого крестового похода, Майков проводит историческую аналогию с современным положением вещей. Он напоминает европейским державам о той роли оплота от орд Чингисхана, которая выпала на долю России:

Восток чреват был Чингисханом!
И Русь одна тогда была
Сторожевым Европы станом...

В своей поэме Майков в патетических тонах ратует за христианство, видит в России преемницу Византийской империи. Идея русской государственности и вера в будущее России сочетаются с патриотической гордостью за русский народ, составляя основной пафос поэмы. Майков верит,

Что из России ледяной
Еще невиданное выйдет
Гигантов племя к ним грозой,
Гигантов — с ненасытной жаждой
Бессмертья, славы и добра,
Гигантов — как их мир однажды
Зрел в грозном образе Петра.

Крымская война еще более содействовала повороту вправо в идейных позициях и мировоззрении Майкова. Он пишет ряд стихотворений, в которых откликается на события 1854 года. Небольшой сборник стихов Майкова под названием «1854» являлся выражением патриотических чувств поэта, в ряде случаев окрашенных в монархические тона. К сборнику непосредственно примыкает и написанное в марте 1854 года реакционно-монархическое стихотворение «Коляска», угоднически восхвалявшее Николая I. Это стихотворение заслуженно вызвало возмущение передовой части тогдашнего общества и надолго доставило поэту нелестное прозвание «Аполлон Коляскин». В стихотворении «Арлекин», помещенном в сборнике, Майков выступал против революционной Франции и всего демократического движения, оцениваемого им теперь в духе «официальной народности», как западная зараза, как результат отрыва от родной почвы и забвения исторического назначения России. Отойдя от тех передовых идей, которым он еще сам недавно следовал, Майков нападает на «слепых фанатиков», думавших повлиять на «ход века».

В 1858 году Майков принял участие в морской экспедиции, направленной в Грецию и Архипелаг на корвете «Баян». Отправляясь в эту экспедицию, он специально изучил новогреческий язык. Результатом этой поездки явились два цикла стихотворений: «Неаполитанский альбом» и «Новогреческие песни».

Зарисовки и жанровые сценки «Неаполитанского

альбома» грешат излишней нарядностью, а принятый Майковым иронический «гейневский» тон мало свойствен его поэтической манере. Гораздо удачнее «Новогреческие песни», в которых Майков передал безыскусственное народное начало, героизм маленького народа, самоотверженно боровшегося с поработителями за свою свободу и национальную независимость. «Колыбельная песня» из этого цикла стала одной из популярнейших песен, подкупая своим лиризмом и народностью образов.

В 1858 году вышло двухтомное собрание стихотворений Майкова, переизданное с новыми дополнениями в 1872 году. В 1860-х годах А. Н. Майков перевел «Слово о полку Игореве» (напечатано в 1870 году).

Давнишний интерес к русской истории сблизил писателя с рядом историков — К. Н. Бестужевым-Рюминым, Е. А. Беловым, филологом М. В. Праховым. Все они были сторонниками теории решающего значения для истории России монархической власти, объединившей русские земли и славянские племена, — эти идеи во многом определили и идейные позиции Майкова. Он все чаще выступает как защитник дворянской монархии, видя в ней залог «единства» и опору против обостряющихся социальных противоречий.

Ограниченность благонамеренных взглядов Майкова чрезвычайно суживала границы его поэзии, нередко приводила к срывам. Достаточно напомнить такое стихотворение, как «После бала». «Обличительный» пафос поэта не подымается здесь выше сентиментально-моралистического «возмущения»

«хулой и ложью дам», «золотым позором» «модной лъвицы».

Пресловутое «освобождение» крестьян в 1861 году было восторженно встречено Майковым, полностью удовлетворило его. Он расценивает значение реформы с либерально-дворянской точки зрения, видя в ней начало новой жизни, и призывает народ к смирению, к вере в лучшее будущее. В таких стихотворениях, как «Картинка», «Поля», «Нива», Майков умиляется «счастьем» крестьян и мечтает об их «просвещении», рисуя чувствительно-идиллическую «картинку» крестьянского благополучия. Вокруг «девочки-малютки» собрались в кружок пожилые «мужички», а она читает им, «пальчиком водая», царский манифест об «освобождении». Майков кончает стихотворение словами о «просвещении» народа, в котором видит залог его светлого будущего:

Воля, братья, — это только
Первая ступень
В царство мысли, где сияет
Вековый день.
(«Картинка»)

Эти сентиментально-дворянские умиления и мечтания противостояли программе революционных демократов, их отрицательному отношению к правительственной реформе и вызвали негодование Салтыкова-Щедрина. В отзыве о стихотворениях Майкова Щедрин резко высмеял его «Картинку» за фальшь, за «балетный обман»: «Здесь что ни слово,

то фальшь. Г. Майков сумел соорудить водевильно-грациозную картину даже из такого дела, которое всего менее терпит водевильную грациозность <...>. И, может быть, он действительно успел бы в своем намерении, если б не сбили его с толку так называемые современные тенденции и если б он местом действия для картинки выбрал не избу, а коттедж досужих людей».

Идеализируя историческое развитие России, приписывая в нем главенствующую роль монархии и дворянству, Майков критически относился к буржуазно-капиталистическому порядку. Защитник традиций «рыцарских веков», он выступал против господства денежного мешка, осуждал «безнравственность» буржуазно-капиталистического века «Астарты и Ваала». Это отношение к капитализму являлось, однако, критикой справа, критикой, которую можно найти и у славянофилов и у Достоевского, хотя у Майкова она лишена глубины и последовательности. Такая оппозиция поступательному движению капитализма была совершенно бессильна. Майков и сам сознает в 1890-х годах бессилие своего протеста, свой политический «донкихотизм»:

Мы выросли в суровой школе,
В преданьях рыцарских веков

Поэт той школы и закала,
Во всеоружии всегда,
В сей век Астарты и Ваала
Порой смешон, быть может... Да!

Один он — с поднятым забралом —
На площади — пред всей толпой —
Швырнет Астартам и Ваалам
Перчатку с вызовом на бой.

(«Мы выросли в суровой школе...»)

С этих консервативных позиций Майков полемизирует в поэме «Княжна ***» (1877) с дворянским либеральным космополитизмом и с революционно-демократическим движением. Осуждая «княжну», представительницу европеизировавшейся аристократии, за отрыв от почвы, от патриархальных традиций, Майков еще резче обрушивается на дочь ее — «нигилистку», мечтавшую о жизни «без государств и без различья рода». Он противопоставляет им обеим образ няни, олицетворяющей в его представлении народ, кроткого и много-терпящего «хранителя истины Христовой». Благодаря этой ложной идейной направленности образы поэмы получились фальшивыми и художественно бледными.

Теория «искусства для искусства» не мешала Майкову выступать с проникнутыми консервативной тенденцией стихотворениями, писать «антинигилистические» поэмы и прославлять в юбилейные дни особ царствующего дома. Правда, эти «злободневные» отклики принадлежат к числу самого слабого, что написано Майковым, и не в них, конечно, ценность его творчества.

Стремление к патриархальности сказалось и в идеализации тех черт народного характера, кото-

рые поэт противопоставлял развращенности привилегированных слоев общества. Но какие это черты? Это смирение, покорность судьбе, душевная чистота. В небольшой поэме «Дурочка» (1851), названной им идиллией, Майков рассказывает о грустной судьбе чистой сердцем деревенской девочки-подростка, наивно поверившей в прекрасную, ей неведомую жизнь. Для Майкова выход из фальши, несправедливости окружающего его общества — лишь в нравственном стоицизме, возвращении к патриархальным нравам. Н. А. Добролюбов в 1860 году иронизировал над этой попыткой обращения Майкова к «народности» в поэме «Дурочка», говоря, что к изображению народной жизни потянулись даже такие писатели, «которые до того были насквозь пропитаны духом классической древности или полусветских салонов» и «которым до народа и дела-то никогда не было».

Характерно, что, в то время как в литературе демократического лагеря центральной темой являлся русский крестьянин, его жизнь и судьба, Майков лишь изредка, вскользь касался крестьянской темы: его внимание привлекали прежде всего дворянский и поместный круг, средние слои города. Обращение к современности, «отклики жизни», как их называл сам поэт, чаще всего невысоки и по своему художественному достоинству. Здесь Майков становится многословен и дидактичен, поэтические образы утрачивают свою художественную выразительность, превращаются в бледные зарисовки.

Большое место в творчестве Майкова занимает историческая тема. Обращаясь к истории, Майков, однако, не понимал обусловленности исторических событий, социального и духовного прогресса в жизни народов, представляя все эпохи замкнутыми в неизменном кругу «вечных» идей и тем, которые получали лишь различное внешнее выражение у разных народов. Поэтому в его исторических произведениях на первое место выступают не социальные, а отвлеченно-философские и моральные проблемы, самая историчность его исторических драм и стихотворений остается во многом внешней, декоративной. Не история народов, а отдельные личности находятся в основе произведений писателя, считающего, что именно отдельные герои, а не массы, творят историю. Майков с особым сочувствием останавливается на таких личностях, как Александр Невский, Иван IV, Петр I. Именно в них и в их деятельности он видит наиболее последовательных и решительных создателей русского государства.

В стихотворениях, посвященных прошлому России, страницам ее истории — «В Городце в 1263 году» об Александре Невском, «У гроба Грозного» (1887), «Стрелецкое сказание о царевне Софье Алексеевне» (1867) и др., — Майков подчеркивает прежде всего роль отдельной исторической личности. Он с равным сочувствием говорит о царевне Софье, пытавшейся сохранить старые феодальные порядки, и о Петре, выступавшем как

смелый и прогрессивный деятель. Такое понимание исторического процесса нередко приводило Майкова к стилизации, приукрашиванию исторического прошлого.

Запад для Майкова — символ буржуазно-капиталистической культуры; он чреват угрозой социальной революции. Этому «западному» пути развития Майков противопоставлял «особые» начала России, видя их в своеобразии русского исторического прошлого. Симпатизируя славянофилам, разделяя их идею «всеславянства», он, однако, остается «государственником», выделяя положительную роль самодержавия в создании русского государства и, в частности, высоко ценя реформы Петра Великого, чей образ не раз возникает в его произведениях («Кто он?»). Поэтому он относится отрицательно к «крайностям» славянофильства и солидаризируется с «государственниками» — Погодиным и Катковым.

Майков считал, что создание централизованного государства являлось главным делом русского народа. В собирании русской земли он видел основной смысл истории России, приписывая решающую роль в этом процессе самодержавию. Таков его Александр Невский, который защищал русскую землю от иноземных врагов, спасая ее от немцев и татар, таков образ Ивана Грозного, показанного дальновидным политиком и строителем централизованного государства, во имя чего он и ведет борьбу с родовитым феодальным боярством. Майков рисует Грозного лишь основоположником русской государственности, оставляя за пределами сво-

ей характеристики его жестокий деспотизм, массовые казни и преследования. (Ср. еще стихотворения «Ломоносов», «Карамзин» и др.)

Однако, несмотря на ограниченность исторических воззрений, Майков как художник во многом дополняет историка, создает яркие портреты деятелей прошлого; выступая как исторический живописец, рисует широкие картины русской истории.

Внимание Майкова привлекали различные эпохи и народы, и в ряде циклов под такими характерными названиями, как «Века и народы», «Отзвуки истории», «Страны и народы» и т. п., он рисует драматические эпизоды мировой истории. Таковы его стихотворения и поэмы — «Клермонтский собор», «Савонарола», «Смерть Люция» и др., посвященные императорскому Риму, средним векам Италии, Германии, славянским странам. Обращаясь к прошлому, к истории, Майков стремился раскрыть идею гуманности, уловить проявления той человечности, которая торжествовала вопреки жестоким предрассудкам и заблуждениям.

Майков сохранил тот гуманизм, то ясное и светлое приятие жизни, которое возникло у него из обращения к античной культуре. Этот гуманизм, это утверждение жизни с ее радостями и наслаждениями особенно наглядно сказались в таких поэмах, как «Савонарола» (1851) и «Приговор» (1860). В них Майков противопоставляет жестокому религиозному фанатизму, мертвящей догматике средневековья гуманистическое оправдание жизни, красоты, искусства.

Эта гуманная идея с особой силой сказалась в поэме «Приговор», в которой Майков выразил горячее сочувствие гуситскому движению. Сцена суда на Констанцском соборе, изображение католических мракобесов, приговаривающих к смерти Гуса, полна возмущения и едкого сарказма по адресу папских кардиналов, осудивших Гуса на сожжение во имя христианской веры, в «назиданье христианам». Мрачное судилище прелатов и епископов, выносящих приговор Яну Гусу, осмелившемуся нарушить церковные догматы, на момент проникается каким-то человеческим чувством, услышав через открытое окно донесшуюся песню соловья. Так мастерски найденная лирическая деталь оттеняет мрачную и холодную обстановку суда, напоминая о жизни, о ее торжестве над смертью.

Оправдание жизни с ее чувственными радостями в противовес мертвенной догматике религии передано в поэме «Савонарола». Майков осуждает мрачный аскетизм Савонаролы, сжигавшего на кострах во имя Христова произведения искусства, книги, предметы роскоши. Он осуждает проявление средневекового фанатизма, провозглашая торжество гуманизма, науки и искусства. Однако эта гуманная тенденция в творчестве Майкова имела чаще всего не протестующий, а описательный характер. Даже изображая фанатического изувера Савонаролу, он готов и для него найти слова оправдания.

Одно из лучших стихотворений Майкова — его историческая баллада «Емшан». Лирическое волнение, теплота патриотического чувства выделяют это стихотворение среди весьма нередких у Майкова

рассудочных, резонерских стихов. Пучок степной травы напомнил хану Отрб́ку родину, благоухание степи, и это чувство родины ему дороже богатства и славы на чужбине. Поэт нашел запоминающийся лирический образ, сделал конкретной и взволнованной свою мысль. Отказавшись от парадной исторической декорации, Майков обратился здесь к лирической теме, раскрыв ее также через удачно найденную деталь.

В стихах, посвященных «векам и народам», Майков воссоздавал национальный и исторический колорит, раскрывал яркие и своеобразные особенности национальной истории и культуры каждого народа. Древний Рим, Флоренция XV века, средневековая Чехия, Клермонтский собор во Франции, Испания времен инквизиции, суровые мифы Скандинавии — возникают в стихах Майкова в своем национальном своеобразии. Но в то время как Пушкин необычайно полно перевоплощался в национальный характер тех народов, к прошлому которых он обращался, Майков в своих исторических произведениях нередко достигал лишь внешней эффектности и декоративности. Обычно он подчеркивает лишь внешние признаки эпохи, ее исторический колорит, переодевает своих героев в различные национальные наряды, но во всем этом чувствуется больше стилизации, чем перевоплощения, как это было у Пушкина.

Необходимо отметить и обширную деятельность Майкова как поэта-переводчика. Переводы из Гете, Гейне, Лонгфелло, Шенье, Мицкевича, не говоря уже о переводах античных поэтов, свидетельствуют

многосторонности поэтических интересов и вкуса Майкова. Особое место среди этих переводов занимают переводы из Гейне, широко переводимого в 1840—1860-е годы русскими поэтами.

Существенное место в творчестве Майкова занимает его обращение к славянским народам. Интерес к славянству, возникший у Майкова еще в 1840-е годы, во время посещения славянских стран, проходит через всю его писательскую деятельность. Помимо ряда стихотворений, посвященных историческому прошлому славянских народов («Приговор», «Никогда!», цикл стихов «Из славянского мира»), Майков неоднократно выступал и как переводчик славянских поэтов и славянского фольклора.

Таковы его белорусские песни с их демократическим содержанием, переводы сербских песен и былин («Сабля царя Вукашина», «Сербская церковь», «Радойца» и др.), чешское предание («Любуша и Премысл») и т. д. С обращением к народному творчеству связан и перевод «Слова о полку Игореве» — один из наиболее удачных в русской литературе. Однако обращение Майкова к фольклору нередко сводилось к стилизации народных мотивов и фольклорной поэтики, без глубокого проникновения в самый дух народного творчества.

Начав свой творческий путь с антологических стихотворений и «подражаний древним», проникнутых влюбленностью в красоту и гармонию античного искусства, пафосом гуманности, Майков неоднократно возвращался к теме античности. Но в начальный период творчества молодого

поэта привлекала прежде всего Греция с ее культом гармонического и прекрасного начала в искусстве и человеке, то впоследствии, сохраняя эту влюбленность в античное искусство, Майков обратился к истории Рима, импонировавшей ему своим государственным строем и прочностью своих политических устоев.

В предисловии к трагедии «Два мира» Майков писал, что его еще в юности поразила «картина столкновения древнего греко-римского мира, в полном расцвете начал, лежавших в его основании, с миром христианским, принесшим с собою новое, совсем иное начало в отношениях между людьми». Первой попыткой изобразить это столкновение была поэма «Олинф и Эсфирь» (1840), более зрелой и вообще одной из лучших вещей Майкова — поэма «Три смерти» (часть первая, 1852). Лишь в 1863 году Майков написал ее вторую часть — «Смерть Люция». В «Трех смертях» Майков показал античную культуру и ее представителей как носителей эпикурейски-«языческого» отношения к жизни, с их влюбленностью в красоту, с их равнодушием к смерти.

В конце творческого пути Майков вновь обратился к темам этой поэмы и создал философско-лирическую драму «Два мира» (напечатанную в 1880 году), как бы подводя итог своим прежним поискам в этом направлении.

В своей драме Майков пытался создать образ героя, который «должен был, — по его словам, — вмещать в себя все, что древний мир произвел великого и прекрасного». Могучему духом «римскому

патриоту» Майков противопоставил христианский мир. Деций защищает все великое и прекрасное в античном мировоззрении, является представителем той высшей формы государственности и культуры, которая была создана Римом.

В противовес развращенному и эгоистическому миру римской аристократии показан мир рабов-христиан, готовых на самопожертвование, проникнутых идеалами любви к ближнему. Но насколько художественно-убедительными получились у Майкова образы римлян эпикурейцев и рационалистов, носителей высокой культуры, настолько риторическими и схематичными являются у него образы христиан. Недаром реакционная критика упрекала Майкова в том, что ему не удалось проникнуть в дух христианской идеи, что сам поэт в глубине души остался «язычником».

Противопоставлением античного «язычества» христианству не исчерпывается идейное содержание «Трех смертей» и «Двух миров».

Особенное внимание Майкова привлекает древний Рим накануне распада Римской империи. Образы императорского Рима эпохи упадка привлекали Майкова и тем, что он видел в них аналогию с современностью, остро переживая разложение дворянской культуры, падение нравов, напоминавшее ему последний этап существования Рима. Конечно, эта аналогия была исторически неверной, но она во многом объясняет настойчивое обращение писателя к теме императорского Рима.

Майков переносит в историческую обстановку свое понимание современности, подчеркивая общ-

ность между римским обществом времен Нерона и современной поэту действительностью. Исходя из идеалистического представления о том, что история «одна и та же в духе» и разница между эпохами «почти только в костюмах», т. е. чисто внешняя, Майков в своей пояснительной записке к «Двум мирам» проводит аналогию между развращенным, погибающим от неверия, праздности и эгоизма римским обществом времен Нерона и современностью: «И нынешнего старого развратного сановника, балетного завсегдатая и весьма неразборчивого в способах приобретения, узнаешь в Публии, беззубом проконсуле <...> у которого от предков остались только фамильные пороки и имя». Майков хотел этим сопоставлением показать глубокую развращенность, цинизм, безверие современного ему буржуазно-дворянского общества, в первую очередь — его привилегированных верхов.

Поэтому столь злободневно звучали монологи его героев, клеймивших разврат и разложение, господство выскочившего в чины «сброда», тогда как потомки старых родов, «которых предки Риму были отцами», оказались оттертыми на задний план.

От этой сволочи презренной
Мы устроились и смиренно
Живем в провинциях, в полях;
На Рим, пока он в их руках,
Глядим извне, как чужестранцы...

— говорит Деций. Для Майкова, так же как и для его героя, дорог «старый дух отцов», прежняя доблесть Рима, утраченные в эпоху упадка и разложе-

ния. Эти настроения Майкова связаны с его идеологической позицией, с его обращением к патриархально-дворянским традициям, с его враждебностью к наступлению века капитализма.

Последний период творчества Майкова (с 1870-х годов) ознаменован все большим и большим усилением религиозных настроений, пришедших на смену артистическому эпикуреизму. В то же время и самый стих Майкова постепенно теряет свою эластичность, становится все более отвлеченным. На первое место выступает религиозно-философская тематика, противопоставленная современности с ненавистным ему наступлением капиталистической эры (циклы «Вечные вопросы», «Excelsior», «Из Аполлодора Гностика» и др.).

В 1882 году Майкову за драму «Два мира» была присуждена Академией наук Пушкинская премия. В 1888 году было торжественно отмечено пятидесятилетие поэтической деятельности поэта. Последние годы жизни А. Н. Майков писал немного: из крупных вещей закончил и обработал поэму «Брингильда», подготовил новое собрание своих произведений, вышедших в издании А. Ф. Маркса в 1893 году.

Умер А. Н. Майков 8(20) марта 1897 года, в возрасте 76 лет.

6

Поэтические принципы и эстетические воззрения А. Майкова сложились еще в 1840-х годах. Культ античности и признание непререкаемого совершенства античной поэзии, в которой он видел

идеальную норму, во многом определили и весь дальнейший характер его творчества.

Еще в стихотворении 1839 года «Мысль поэта» Майков провозгласил требование автономности искусства:

О мысль поэта! ты вольна,
Как песня вольной гальционы!
В тебе самой твои законы,
Сама собою ты стройна!

Искусство для Майкова прежде всего прекрасная форма, в которую художник отливает преходящие миги жизни, превращая их в вечные создания искусства благодаря найденной им «божественной тайне», «гармонии стиха». Из этого понимания формы родилась у Майкова аналогия поэзии со скульптурой и живописью, та «пластичность» его поэзии, о которой неоднократно говорила критика. В противовес импрессионистической зыбкости романтической поэзии Майковым выдвигается скульптурная статика образа, живописная декоративность поэтической картины.

Майков был одним из представителей поэзии «пластической формы», как называл его стихи Белинский. Он не выдвигает «лирическое я» поэта на первое место, как это делали Фет или Полонский, а дает зрительно-наглядное описание. Он все время стремится выйти за пределы субъективно-эмоционального восприятия мира.

Относясь к поэтическому слову как к материалу,

как к технике, Майков уподобил его краске в живописи. «Самое важное, — говорил он, — это найти надлежащий тон, размер... Иной раз начинаешь писать и сам чувствуешь, как все это не то: не тот размер, какой нужно. В живописи — то же: не тот колорит, не та краска, и все ни к чему!»

Уже Белинский отметил как основную особенность таланта Майкова его «живописность». «Талант г. Майкова, — писал он в рецензии на «Очерки Рима», — по преимуществу живописный: его поэзия — всегда картина, блещущая всею истинною черт и красок природы».

Пластичность стихов Майкова, зрительная рельефность его образов, ясность и точность слова создавали впечатление законченности, гармонического спокойствия, «объективности» его поэзии. Здесь сказался Майков-художник, для которого особенно важно было зрительное восприятие живописца, фиксирующего линии, формы и краски предметов. Об этой пластичности, скульптурности в отделке стиха, как условии завершенности его формы, говорит и сам поэт:

Вот безжизненный отрубок
Серебра: стопи его
И вместительный мне кубок
Слей искусно из него.

.
Отчекань: в саду пустынном,
Между лоз, толпы менад,

Выжимающих созрелый,
Налитой и пожелтый
С пышной ветки виноград...
(«Барельеф»)

Скульптурность и живописность образа в значительной мере сохраняется Майковым и в его более поздних стихах, хотя в них он и отказывается уже от античных сюжетов. Так, в «Неаполитанском альбоме» на первое место выступает живописная «картинность» образа:

Ах, чудное небо, ей-богу, над этим классическим
Римом!

Под таким небом невольно художником станешь.
Природа и люди здесь будто другие, как будто
картины

Из ярких стихов антологии древней Эллады.

Недаром сам Майков озаглавливал разделы своих стихов: «Камен», «Акварели», тем самым подчеркивая принцип изображения.

О «совершенстве формы» и «объективности» поэзии Майкова писал в 1858 году А. В. Дружинин, говоря о его «спокойно-объективном методе в поэзии» и противопоставляя «пластическое спокойствие» Майкова «субъективно-поэтическому настроению» стихов Тютчева и Фета: «Сосредоточенная наблюдательность внешних проявлений природы, наблюдательность живописца, чуткого к красоте красок и линий, видимо превышала в нем то безотчетно-восторженное стремление к воссозда-

нию словом поэтических моментов нашей жизни, — стремление, которым уже в то время отличался г. Тютчев и с которым г. Фет готовился выступить в нашу литературу. Оба названные нами поэта имели над г. Майковым перевес в лиризме, точно так же как он имел над ними перевес в художественной отделке стиха, в законченности и образности своих произведений».

Майков стремился объективировать свои переживания, передать их в сюжете или в пластически «живописном» образе. Так, в неопубликованном письме к С. С. Дудышкину (1858) он писал: «Страшное еще это чувство объективности. Верь мне, что каждая пьеса, хотя бы она взята была из чуждого мира, возникла вследствие личного впечатления, положения и чувства, но во мне есть способность личному впечатлению дать эпическую важность и восторг, волнение и слезы, сопровождающие рождение всякой почти пьесы, скрытой под спокойным и живописным стихом».

В своих стиховых формах Майков чаще всего следует традиции пушкинской эпохи. Большинство стихотворений написано четырехстопным ямбом: Майков не стремился к оригинальности рифмы, к подчеркнутости одного какого-либо художественного приема.

Майков смотрел на свое творчество как на продолжение пушкинской традиции. Но восприятие им стихов Пушкина одностороннее, ограничено пониманием их лишь как «гармонии», «чистого искусства». В стихотворении «Перечитывая Пушкина» Майков писал:

Его стихи читая — точно я
Переживаю некий миг чудесный:
Как будто надо мной гармонии небесной
Вдруг пронеслась нежданная струя...

Пушкин для Майкова прежде всего пример «гармонии», совершенного мастерства. Однако идейная сторона его творчества, его художественные принципы и пушкинский реализм, в сущности, остались за пределами творческих возможностей Майкова. При всем преклонении перед Пушкиным, следование пушкинским традициям имело у Майкова внешний характер.

Поэзия Майкова большей частью статична, описательна. Его привлекают не нюансы, не внутренний подтекст стихотворения, не его музыкальная сторона, как у Тютчева, Фета, Полонского, а точность и сюжетная определенность темы. Таковы его стихотворения из циклов «Отзывы жизни» или «Отзывы истории», в которых доминирующую роль играет сюжет. «Дурочка», «Бабушка и внучка», «Кто он?», «Приговор» и многие другие стихотворения — это рассказы в стихах, в них главное место занимает описание конкретных событий.

В рецензии на «Греческие стихотворения» Н. Щербины Майков писал: «Поэт, проникнувшись этим началом (т. е. античным мировоззрением. — Н. С.), уловив и прочувствовав точку, с которой древний человек смотрел на жизнь, изобразит нам какое-нибудь явление из древней жизни,

или посмотрит глазами известной эпохи на мир и на разнообразные явления жизни; и притом будет говорить с нами как наш современник, чувствуя, по своему поэтическому инстинкту, какая черта характеризует древность и какая, хотя исторически верная, ей противоречит».

Отличительная черта стихотворений Майкова — их тематическая и жанровая определенность. Жанровая разграниченность сказалась прежде всего в том, что Майков, печатая свои стихи в собраниях сочинений, постоянно разделял их на циклы. «В антологическом роде», «Подражания древним», «Очерки Рима», «Житейские думы», «Камеи», «Из странствий», «Страны и народы», «Отзывы жизни», «Отзывы истории» — таковы разделы и циклы стихов, как их озаглавливал сам поэт. Жанровое различие, точное определение темы и характера стихотворения, подчеркнутость заглавия наглядно характеризуют поэтику Майкова.

Обращение Майкова к истории, разнообразие и богатство культурно-исторического материала в его стихах сочетались с декоративной пышностью в изображении исторических эпох. Эту эффектность отметил Фет, писавший Я. Полонскому о стихах Майкова: «Это скорее оптовый магазин, чем переносная лавочка; но в этом магазине не найдешь той бархатной наливки, какую подчас угостит русская хозяйка, не претендующая ни на какие отличия. Если муз следует титуловать, то к нашим следует писать: Ваше Благородие, а Майковскую надо титуловать: Ваше Высочество».

Поэзия Майкова проникнута рассудочной ясностью, хотя эта ясность и конкретность зачастую идут от внешнего, эмпирического восприятия мира, лишены реалистической глубины и обобщенности.

Стихи Майкова о природе, занимающие большое место в его творчестве, отмечены зоркостью подлинного художника. Такие стихотворения, как «Весна! выставляется первая рама», «Сенокос» («Пахнет сеном над лугами...»), «Под дождем», «Осень», «Ласточки» и многие другие, принадлежат к лучшим образцам его поэзии. Здесь он находит верные краски, те тонкие оттенки, которые придают задумчивую мягкость и лиричность точным и ясным картинам природы, как бы написанным рукой живописца. Сверкающая на изумрудном лугу, извивающаяся серебряной полосой речка, тенистый зеленый лес, весенний пейзаж, последний снежок, сквозь который пробивается чистый голубой цветок подснежника, сирень в саду, ранним утром обрызганная холодной росой, зыблющееся цветами поле — таков пейзаж Майкова, скромный и чистый пейзаж средней полосы России.

Это проникновенное понимание русской природы, ее простой, скупой прелести отличает лучшие стихи Майкова. В них он не стремится к нарочитой эффектности своих итальянских пейзажей, к внешней декоративности образов. Такие стихотворения скромны по своим краскам, но в то же время передают очарование русской природы — луг, пах-

нуший свежескошенным сеном, блеск солнца, оза-
ряющий пламенные краски осенней природы, треск
запоздалых кузнечиков. В этих бесхитростных кар-
тинах природы Майков сохраняет свой дар живо-
писца, но это уже не эффектная декорация, а изящ-
ные, прозрачные акварели, которые ему удаются
нередко гораздо больше, чем монументальные по-
лотна, часто излишне официальные и парадные.

Созерцательность поэзии Майкова, о которой не-
однократно писала критика, не означала отказа от
авторского отношения к изображаемому. Но Май-
ков предпочитает не показывать своего авторского
лица, не становится лирическим героем своих сти-
хотворений. Он предпочитает описание, спокойное
эпическое повествование эмоциональному напря-
жению, подчеркнуто-субъективному выражению
своих чувств и переживаний.

Майков, однако, не только бесстрастный наблю-
датель природы, он вносит в свои пейзажи лири-
ческую ноту, выделяет определенный эмоциональ-
ный мотив. И хотя его пейзаж не одухотворен, не
многопланен, как у Тютчева или Фета, но, при
всей статичности и объективизме изображения, в
нем выделяются близкие сердцу поэта-художника
детали. В своей статье о выставке картин Айвазов-
ского Майков писал: «...на душу зрителя дей-
ствует не столько выбранная богатая местность,
сколько душа художника, выразившаяся в его по-
нимании природы сердцем и ответе сердца на ее
движения».

Там, где Майков обращается к природе, стре-
мится запечатлеть в стихе ее краски и оттенки,

зорко подмеченные им взглядом художника, — там он вновь обретает поэтическую силу и уверенность мастера. Таково одно из лучших его стихотворений «Рыбная ловля» (1855), напоминающее по своей эпической простоте и цельности идиллии Феокрита, воскрешенные на русской почве Дельвигом и Гнедичем. Здесь поэт снова в кругу любимой им природы, в сфере своих житейских интересов. В посвящении к «Рыбной ловле» первым назван автор «Записок об ужении рыбы» С. Т. Аксаков, с такой любовью описавший искусство рыболова. Правдивая картина русской природы, полная прелести в своих точно найденных деталях, завершается воспоминанием об античном мире как колыбели человечества, мире, прекрасном своей простой мудростью, гармоническим растворением человека в природе:

И в миг, когда спадет с природы тьмы завеса
И солнце вспыхнет вдруг на пурпуре зари,
Со всеми криками и шорохами леса
Сама в моей душе ты с богом говори!
Да, просветлен тобой, дыша, как часть природы,
Исполнюсь мощью я н счастьем той свободы,
В которой праотец народов, дни катя
К сребристой старости, был весел, как дитя!

Это эллинистическое восприятие природы, облагораживающей и очищающей человека, переносится Майковым и на простой, скромный, типично русский пейзаж.

Майков не пытается увидеть в природе таинст-

венный мир символов, неясных и неопределенных ощущений, а рисует реальную и зрительно конкретную картину. Это пейзаж, изображенный художником академической школы, безукоризненно точный, тщательно выписанный, но в то же время зорко и любовно увиденный:

Я целый час болотом занялся.
Там белоус торчит, как щетка, жесткий;
Там точно пруд зеленый разлился;
Лягушка, взгромоздясь, как на подмости,
На старый пень, торчащий из воды,
На солнце нежится и дремлет... Белым
Пушком одеты тощие цветы;
Над ними мошки выются роем целым;
Лишь незабудок сочных бирюза
Кругом глядит умильно мне в глаза...

(«Болото»)

Изображая картину природы, Майков рисует этюд, щедро пользуясь красками и живописными деталями. Вот одно из отличных его стихотворений — «Гроза». Оно все основано на яркости и живописной красочности образов, словно изображенных на картине художника. Здесь и тени, бегущие по золотым хлебам, и солнечные лучи, встающие «серебряным карнизом», «воротами» через «полнеба», и сизый занавес туч, за которым «сквозят и блеск и темнота». Великолепно изображение внезапного мрака от подошедшей тучи:

Вдруг словно скатерть парчевую
Поспешно сдернул кто с полей,
И тьма за ней в погоню злую,
И всё свирепей и быстрей.

Майков и в этом случае дает живописное изображение пейзажа:

Уж расплылись давно колонны,
Исчез серебряный карниз...

Передача пейзажа в его многокрасочной гамме цветов сочетается с зрительной точностью и подлинным чувством природы в таких стихах, как «Нива», «Осень», «Гроза» и многие другие. Будет ли это эффектно освещенная панорама грозы:

Встают с серебряным карнизом
Чрез всё полнеба ворота,
И там, за занавесом сизым,
Сквозят и блеск и темнота
(«Гроза»)

или осенний пейзаж:

Мох не приподнят, не взрыт
Грудой кудрявых груздей,
Около пня не висит
Пурпур брусничных кистей
(«Осень»)

— всюду сказывается художник-живописец, с его острым восприятием красок, света и тени, с его

зрительно-конкретным видением природы. Поэтому для Майкова так важна чисто зрительная, декоративная сторона стихотворения — линии, краски, так привлекает его каждая чисто живописная деталь:

...вокруг гнилого пня,
Над муравейником, алеет земляника,
И ветки спелые манят к себе меня...
Но вижу — разобрав тростник сухой и тонкий,
К пурпурным ягодам две бледные ручонки
Тихонько тянутся...

(«И город вот опять!...»)

В стихотворениях, передающих картины природы, полнее всего сказались реалистические тенденции творчества Майкова, его стремление к смысловой ясности, к точному и конкретному образу, давшие ему возможность создать целый ряд замечательных по своей законченности и художественной цельности стихотворений.

Многие стихотворения Майкова («Колыбельная песня», «Весна», «Октава» и др.) были положены на музыку Чайковским, Римским-Корсаковым и др. и приобрели широкую популярность в вокальном исполнении. Небезынтересно отметить и то, что Майков написал ряд арий для оперы А. Н. Серова «Юдифь».

Большое место занимают в творчестве Майкова эпические, сюжетные произведения. Он постоянно выходит за пределы лирики, создавая исторические баллады («Емшан», «Кто он?»), бытовые жанро-

вые картинки и сценки, небольшие поэмы («Клермонтский собор», «Приговор», «Савонарола» и др.). О тяготении к большим, монументальным произведениям, о стремлении выйти за пределы лирики нагляднее всего говорят поэмы и стихотворные драмы Майкова («Две судьбы», «Машенька», «Странник», «Пульчинель», «Княжна», «Смерть Люция», «Два мира», «Брингильда» и др.). Однако многие поэмы и драмы Майкова значительно уступают по своим художественным достоинствам его антологическим и лирическим стихам и балладам. Та рассудочность, риторичность, которые нередко проступают и в его лирике, особенно сильно сказываются в эпических вещах, часто превращающихся в многословные рассуждения и риторическую декламацию.

Объективность изображения не равносильна типичности. Сюжеты и образы, изображенные Майковым в его поэмах, далеко не всегда выражают основные, существенные черты мира. Нередко его произведения иллюстративны, лишены внутренней глубины. В стихах Майкова все точно и наглядно очерчено, в них нет намеков и полутеней, предметы выступают перед нами при полном дневном освещении.

В своих «Отзывах истории», исторических поэмах и балладах, Майков стремится воссоздать минувшее, перенося его на большое живописное полотно. В «Клермонтском соборе» или в «Приговоре» особенно наглядна эта пышная декоративность, самая композиция массовых сцен рассчитана на зрительный, живописный эффект. Вот, например,

описание площади перед Клермонтским собором, словно воспроизводящее тщательно выписанное историческое полотно:

Луч солнца ярко озарял
Знамена, шарфы, перья, ризы,
Гербы, и ленты, и девизы,
Лазурь, и пурпур, и металл.
Под златотканым балдахином,
Средь духовенства властелином
В тиаре папа восседал.

Эти разноцветные ткани, металл кольчуг и шлемов, златотканый балдахин — чисто зрительно, красочно выделяются в солнечном луче.

Подобный живописный эффект применен и в поэме «Приговор», когда под сумрачные готические своды собора, в котором судили Яна Гуса, неожиданно ворвался в окошко солнечный луч, осветивший зловещим красным тоном мрачный судейский синклит:

Он <паж> глядел, как мрак густеет
По готическим карнизам;
Как скользят лучи заката
Вдруг по мантиям и ризам;

Как рисуются на мраке,
Красным светом облитые,
Ус задорный, череп голый,
Лица добрые и злые...

Эти световые эффекты, подчеркнутая декоративность изображения, роскошь зримых красок — одно из характернейших свойств поэзии Майкова. Самый эпитет у Майкова по большей части цветовой: *даль голубая, лазурь темная, костер багровый, отблеск розовый, серебряное море, синяя молния, бирюзовая глубина, сизый занавес.*

* * *

Поза художника, свободного от других требований к себе, кроме требования служения искусству, в условиях 1860-х годов означала отказ от общественной роли искусства.

Эстетизм Майкова, культ «чистого искусства» (не мешавший Майкову неоднократно выступать с политическими стихами и откликаться на «злобы дня») противостоял радикально-демократическому лагерю 1860—1870-х годов, требовавшему от поэзии революционной направленности.

Выдвигая на первое место политически действенную и реалистическую поэзию, служащую интересам народа, Некрасов, Добролюбов, Чернышевский боролись со сторонниками «чистого искусства», с отрывом искусства от жизни, характеризовавшим в значительной мере поэзию Майкова, Фета, Щербины и других представителей лагеря «чистой художественности».

Выступая против сторонников реакционно-идеалистической теории «чистого искусства» и поэтов, находившихся под ее воздействием, Добролюбов

писал в 1860 году, что «художественный индифферентизм к общественной жизни и нравственным вопросам, в котором так счастливо прежде покоились гг. Фет, Майков (до своих патриотических творений) и другие, теперь уже совсем не удастся новым людям, выступающим на стихотворном поприще. Кто и хотел бы сохранить прежнее бесстрастие к жизни, и тот не решается, видя, что «чистая художественность» теперь привлекает общее внимание единственно только в творениях Козьмы Пруткова». Иронизируя над пристрастием сторонников «чистой художественности» к «красивому» «поэтическому» реквизиту, Добролюбов подчеркивал идейную бедность этой поэзии, в первую очередь поэзии Майкова.

Консервативная идеологическая позиция Майкова вызвала враждебное отношение к нему со стороны радикально-демократического лагеря. Пристрастие поэта к внешней красоте едко высмеивалось в многочисленных пародиях.

Салонный характер творчества Майкова зло и решительно был осмеян и Салтыковым-Щедриным в его рецензии на «Новые стихотворения» Майкова, помещенной в 1864 году в «Современнике». Щедрин причислил стихи Майкова к тому «плоду досужества», который предназначен услаждать «досуги досужих людей», «это сообщало ему тот чистенький аристократический характер, который составляет необходимую принадлежность всякого рода успокоительных веяний и усладительных слов».

В русскую поэзию Майков, однако, вошел не

этими отвлеченно-риторическими рассуждениями, не казенно-официальными стихами «на случай», а теми произведениями, в которых звучал голос поэта, где сказалось его подлинное чувство и мастерство.

Из обширного поэтического наследия Майкова значение и поэтическую жизненность сохранили далеко не все произведения. К числу лучших стихов Майкова прежде всего должны быть отнесены исторические баллады, антологические стихи и в особенности стихотворения о русской природе, в которых с наибольшей полнотой отразились сильные стороны его поэтического таланта. Многие из этих стихов («Весна», «Летний дождь», «Сенокос» и др.) давно стали достоянием школы, были положены на музыку выдающимися русскими композиторами и по праву вошли в основной фонд русской классической литературы.

Н. Степанов

СТИХОТВОРЕНИЯ

ОКТАВА

Гармонии стиха божественные тайны
Не думай разгадать по книгам мудрецов:
У берега сонных вод, один бродя, случайно,
Прислушайся душой к шептанью тростников,
Дубравы говору; их звук необычайный
Прочувствуй и пойми... В созвучии стихов
Невольно с уст твоих размерные октавы
Польются, звучные, как музыка дубравы.

1841

РАЗДУМЬЕ

Блажен, кто под крылом своих домашних лар
Ведет спокойно век! Ему обильный дар
Прольют все боги: луг его заблещет; нивы
Церера озлатит; акации, оливы
Ветвями дом его обнимут; над прудом
Пирамидальные, стоящие венцом,
Густые тсполи взойдут и засребрятся,
И лозы каждый год под осень отягчатся
Кистями сочными: их Вакх благословит...
Не грозен для него светильник Эвменид:
Без страха будет ждать он ужасов Эреба;
А здесь рука его на жертвенники неба
Повергнет не дрожа плоды, янтарный мед,
Их роз гирляндами и миртом обовьет...
Но я бы не желал сей жизни без волненья:
Мне тягостно ее размерное течение.
Я втайне бы страдал и жаждал бы порой
И бури, и тревог, и воли дорогой,
Чтоб дух мой крепнуть мог в борении
мятежном
И, крылья распустив, орлом широкобежным,
При общем ужасе, над льдами гор витать,
На бездну упадать и в небе утопать.

СОН

Когда ложится тень прозрачными клубами
На нивы желтые, покрытые скирдами,
На синие леса, на влажный злак лугов;
Когда над озером белеет столп паров,
И в редком тростнике, медлительно качаясь,
Сном чутким лебедь спит, на влаге
отражаясь, —
Иду я под родной соломенный свой кров,
Раскинутый в тени акаций и дубов;
И там, в урочный час, с улыбкой уст
приветных,
В венце дрожащих звезд и маков темноцветных,
С таинственных высот воздушною стезей
Богиня мирная являясь предо мной,
Сияньем палевым главу мне обливает
И очи тихую рукою закрывает,
И, кудри подобрав, главой склонясь ко мне,
Лобзает мне уста и очи в тишине.

1839

Вхожу с смущением в забытые палаты,
Блестящий некогда, но ныне сном объятый
Приют державных дум и царственных забав.
Всё пусто. Времени губительный устав
Во всем величии здесь блещет: всё
мертвеет!

В аркадах мраморных молчанье цепенеет;
Вкруг гордых колоннад с старинною резьбой
Ель пышно разрослась, и в зелени густой,
Под сенью древних лип и золотых акаций,
Белеют кое-где статуи нимф и граций.
Гремевший водомет из пасти медных львов
Замолк; широкий лист висит с нагих
столбов,
Качаясь по ветру... О, где в аллеях спящих
Красавиц легкий рой, звон колесниц
блестящих?

Не слышно уж литавр бряцанья; пирный звук
Умолк, и стих давно оружия бранный стук;
Но мир, волшебный сон в забытые чертоги
Вселились, — новые, неведомые боги!

Ораниенбаум
1839

ВОСПОМИНАНИЕ

В забытой тетради забытое слово!
Я всё прожитое в нем вижу опять;
Но странно, неловко и мило мне снова
Во образе прежнем себя узнавать...
Так путник приходит чрез многие годы
Под кровли отеческой мирные своды.
Забор его дома травой оброс,
И привязи псов у крыльца позабыты;
Крапива в саду прорастает меж роз,
И ласточек гнезда над окнами свиты;
Но всё в тишине ему кажется вдруг,
Что жив еще встарь обитавший здесь дух.

1838

ГЕЗИОД

Во дни минувшие, дни радости блаженной,
Лились млеко и мед с божественных холмов
К долинам бархатным Аонии священной
И силой дивною, как нектаром богов,
Питали гения младенческие силы;
И нимфы юные толпою легкокрылой,
Покинув Геликон, при блеске звезд златых,
Руками соплетясь у мирной колыбели,
Венчанной розами, плясали вокруг и пели,
Амброзией дитя поили и в густых
Дубравах, где шумят из урн каскада воды,
Лелеяли его младенческие годы...
И рано лирою певец овладевал:
И лес и водопад пред нею умолкал,
Наяды, всплыв из волн, внимали ей стыдливо,
И львы к стопам певца златой склонялись
гривой.

1839

ЭХО И МОЛЧАНИЕ

Осень срывала поблекшие листья
С бледных деревьев, ручей покрывала
Тонкою слюдой блестящего льда...
Грустный, блуждая в лесу обнаженном,
В чаще глубокой под дубом и елью
Мирно уснувших двух нимф я увидел.
Ветер играл их густыми волосами,
Веял, клубил их зеленые ризы,
Нежно их жаркие лица лобзая.
Вдруг за горами послышался топот,
Лаянье псов и охотничьи роги.
Нимфы проснулись: одна за кустами,
Шумом испугана, в чащу сокрылась,
Робко дыханье тая; а другая,
С хохотом резким, с пригорка к пригорку,
С холма на холм, из лощины в лощину
Быстро кидалась, и вот, за горами,
Тише и тише... исчезла... Но долго
По лесу голос ее повторялся.

1840

И в гроте ждал тебя в урочный час.
Но день померк; главой качаясь сонной,
Заснули тополи, умолкли гальционы, —
Напрасно!.. Месяц встал, сребрился и угас;
Редела ночь; любовница Кефала,
Облокотясь на рдяные врата
Младого дня, из кос своих роняла
Златые зерна перлов и опала
На синие долины и леса, —
Ты не являлась...

1841

На мысе сем диком, увенчанном бедной осокой,
Покрытом кустарником ветхим и зеленью сосен,
Печальный Мениск, престарелый рыбак,
схоронил

Погибшего сына. Его возлелеяло море,
Оно же его и прияло в широкое лоно,
И на берег бережно вынесло мертвое тело.
Оплакавши сына, отец под развесистой ивой
Могилу ему ископал и, накрыв ее камнем,
Плетеную вершу из ивы над нею повесил —
Угрюмой их бедности памятник скудный!

1840

Всё думу тайную в душе моей питает:
Леса пустынные, где сумрак обзтает,
И грот таинственный, откуда струйка вод
Меж камней падает, звенит и брызги бьет,
То прыгает змеей, то нитью из алмаза
Журчит между корней раскидистого вяза,
Потом, преграду пней и камней раздробив,
Бежит средь длинных трав, под сенью

темных ив,

Разрозненных в корнях, но сплетшихся

ветвями. . .

Я вижу, кажется, в чаще, поросшей мхом,
Дриад, увенчанных дубовыми листьями,
Над урной старика с осоковым венком,
Сильвана с фавнами, плетущего корзины,
И Пана кроткого, который у ключа
Гирлянды вешает из роз и из плюща,
У входа тайного в свой грот темнопустынный.

1840

(ИЗ АНДРЕЯ ШЕНЬЕ)

Я был еще дитя; она уже прекрасна...
Как часто, помню я, с своей улыбкой ясной
Она меня звала! Играя с ней, резвясь,
Младенческой рукой запутывал не раз
Я локоны ее. Персты мои скользили
По груди, по челу, меж пышных роз и
лилий. . .

Но чаще посреди поклонников своих,
Надменная, меня ласкала, а на них
Лукаво-нежный взор подняв как бы случайно,
Дарила поцелуй, с насмешливостью тайной,
Устами алыми младенческим устам.
Завидуя в тиши божественным дарам,
Шептали юноши, сгорая в неге страстной:
«О, сколько милых ласк потеряно
напрасно!»

1840

ОВИДИЙ

Один, я погребен пустыней снеговою.
Здесь всем моих стихов гармония чужда,
И некому над ней задуматься порою,
Ей нет ни в чьей душе отзвука и следа.
Зачем же я пою? Зачем же я слагаю
Слова в размерный стих на языке родном?
Кто будет их читать и чувствовать?..

О, знаю,

Их ветер разнесет на берегу пустом!
Лишь эхо повторит мои мечты и муки!..
Но всё мне сладостно обманывать себя,
Я жажду услышать страны родимой звуки,
Свои элегии читаю громко я,
И думаю (дитя!), что это голос друга,
Что я в кругу друзей... зову их имена, —
И вот — мне кажется, что дымная лачуга
Присутствием гостей невидимых полна.

1841

ИСКУССТВО

Срезал себе я тростник у побережья
шумного моря.
Нем, он забытый лежал в моей хижине
бедной.
Раз увидал его старец прохожий, к ночлегу
В хижину к нам завернувший. (Он был
непонятен,
Чуден на нашей глухой стороне.) Он обрезал
Ствол и отверстий наделал, к устам
приложил их,
И оживленный тростник вдруг исполнился
звуком
Чудным, каким оживлялся порою у моря,
Если внезапно зефир, зарябив его воды,
Трости коснется и звуком наполнит поморье.

1841

Муза, богиня Олимпа, вручила две
звучные флейты
Рощ покровителю Пану и светлому Фебу.
Феб прикоснулся к божественной флейте,
и чудный
Звук полился из безжизненной трости.
Внимали
Вкруг присмирившие воды, не смея
журчаньем
Песни тревожить, и ветер заснул между
листьев
Древних дубов, и заплакали, тронуты
звуком,
Травы, цветы и деревья; стыдливые нимфы
Слушали, робко толпясь меж сильванов
и фавнов.
Кончил певец и помчался на огненных
конях,
В пурпуре алой зари, на золотой колеснице.
Бедный лесов покровитель напрасно старался
припомнить
Чудные звуки и их воскресить своей
флейтой:
Грустный, он трели выводит, но трели
земные! ..

Горький безумец! ты думаешь, небо
 не трудно
Здесь воскресить на земле? Посмотри:
 улыбаясь,
С взглядом насмешливым слушают нимфы
 и фавны.

1841

ВАКХАНКА

Тимпан, и звуки флейт, и плески вакханалий
Молчанье дальних гор и рощей потрясали.
Движеньем утомлен, я скрылся в мрак дерев;
А там, раскинувшись на мягкий бархат мхов,
У грота темного вакханка молодая
Покоилась, к руке склонясь, полунагая.
По жаркому лицу, по мраморной груди
Луч солнца, тень листов скользнули,
трепетали;
С аканфом и плющом власы ее спадали
На кожу тигрову, как резвые струи;
Там тирс изломанный, там чаша золотая...
Как дышит виноград на персях у нея,
Как алые уста, улыбкою играя,
Лепечут, полные томленья и огня!
Как тихо все вокруг! лишь слышны из-за дали
Тимпан, и звуки флейт, и плески
вакханалий...

1841

ЭПИТАФИЯ

Здесь, в долине скорби, в мирную обитель
Нас земля приемлет:
Мира бедный житель отдохнуть приляжет
На груди родимой.
Скоро мох покроет надпись на гробнице,
И сотрется имя;
Но для тех бессильно времени крушение,
Чье воспоминанье
Погрузит в раздумье и из сердца слезы
Сладкие исторгнет.

1841

МЫСЛЬ ПОЭТА

❶ мысль поэта! ты вольна,
Как песня вольной гальционы!
В тебе самой твои законы,
Сама собою ты стройна!
Кто скажет молнии: браздами
Не раздирай ночную мглу?
Кто скажет горному орлу:
Ты не ширяй под небесами.
На солнце гордо не смотри
И не плещи морей водам!
Своими черными крылами
При блеске розовой зари?

1839

ВАКХ

В том гроте сумрачном, покрытом виноградом,
Сын Зевса был вручен элидским ореадам.
Сокрытый от людей, сокрытый от богов,
Он рос под говор вод и шелест тростников.
Лишь мирный бог лесов над тихой колыбелью
Младенца услаждал волшебною свирелью...
Какой отрадою средь сладостных забот
Он нимфам был! Глухой внезапно ожил грот.
Там, кожей барсовой одетый, как в порфиру,
С тимпаном, с тирсом он являлся божеством.

То в играх хмелем и плющом
Опутывал рога, при смехе нимф, сатиру,
То гроздия срывал с изгибистой лозы,
Их связывал в венок, венчал свои власы,
Иль нектар выжимал, смеясь, своей ручонкой
Из золотых кистей над чашей среброзвонкой,
И тешился, когда струей ему в глаза
Из ягод брызнет сок, прозрачный, как слеза.

1840

ЗИМНЕЕ УТРО

Морозит. Снег хрустит. Туманы над полями.
Из хижин ранний дым разносится клубами
В янтарном зареве пылающих небес.
В раздумии глядит на обнаженный лес,
На дома, крытые ковром молодого снега,
На зеркало реки, застынувшей у берега,
Светила дневного кровавое ядро.
Отливом пурпурным блестит снегов сребро;
Иглистым инеем, как будто пухом белым,
Унижена кора по ветвям помертвелым.
Люблю я, сквозь стекла блистательный узор,
Картиной новою увеселять свой взор;
Люблю в тиши смотреть, как раннюю порою
Деревня весело встречается с зимою:
Там по льду гладкому и скользкому реки
Свистят и искрятся визгливые коньки;
На лыжах зверолов спешит к лесам дремучим;
Там в хижине рыбак пред пламенем трескучим
Сухого хвороста худую сеть чинит,
И сладостно ему вспомнить прежний быт,
Взирая на стекло окованной пучины, —
Про зори утренни и клики лебедины,
Про бури ярые и волн мятежный взрыв,
И свой хранительный под нивами залив,

И про счастливый лов в часы безмолвной
ночи,
Когда лишь месяца задумчивые очи
Проглянут, озлатят пучины спящей гладь
И светят рыбаку свой невод подымать.

1839

ДУМА

Жизнь без тревог — прекрасный светлый
день;

Тревожная — весны молодые грозы.

Там — солнца луч и в зной оливы сень,

А здесь — и гром, и молния, и слезы...

О! дайте мне весь блеск весенних гроз

И горечь слез и сладость слез!

1841

СОМНЕНИЕ

Пусть говорят — поэзия мечта,
Горячки сердца бред ничтожный,
Что мир ее есть мир пустой и ложный,
И бледный вымысл — красота;
Пусть нет для мореходцев дальних
Сирен опасных, нет дриад
В лесах густых, в ручьях кристальных
Золотовласых нет наяд;
Пусть Зевс из длани не низводит
Разящей молнии поток,
И на ночь Гелиос не сходит
К Фетиде в пурпурный чертог;
Пусть так! но в полдень листьев шепот
Так полон тайны, шум ручья
Так сладкозвучен, моря ропот
Глубокомыслен, солнце дня
С такой любовью приемлет
Пучина моря, лунный лик
Так сокровен, что сердце внемлет
Во всем таинственный язык;
И ты невольно сим явлениям
Даруешь жизни красоты,
И этим милым заблуждениям
И веришь и не веришь ты!

1839

СВИРЕЛЬ

Вот тростник сухой и звонкой...
Добрый Пан! Перевяжи
Осторожно нитью тонкой
И в свирель его сложи!
Поделись со мной искусством
Трели в ней перебирать,
Оживлять их мыслью, чувством,
Понижать и повышать,
Чтоб мне в зной полдня золотого
Рощи, горы усыпить
И из волн ручья лесного
В грот наяду приманить.

1840

Я знаю, отчего у этих берегов
Раздумье тайное объемлет дух пловцов:
Там нимфа грустная с распущенной косою,
Полузакрытая певучей осокою,
Порою песнь поет про шелк своих волос,
Лазурь заплаканных очей, жемчуг зубов
И сердце, полное любви неразделенной.
Проедет ли челнок — пловец обвороженный,
Ее заслушавшись, перестает грести;
Замолкнет ли она — но долго на пути
Ему всё чудятся напевы над водою
И нимфа в камышах, с распущенной косою.

1841

ДИОНЕЯ

Право, завидно смотреть нам, как любит
тебя Дионея.
Если ты в цирке на бой гладиаторов
смотришь, иль внемлешь
Мудрым урокам в лицее, иль учишься
мчаться на кóнях, —
Плачет, ни слова не скажет! Когда же
в пыли ты вернешься, —
Вдруг оживет, и соскочит, и кинется
с воплем,
Крепче, чем плющ вокруг колонны, тебя
обвивает руками,
Слезы на длинных ресницах, в устах
поцелуй и улыбка.

1840

НА ПАМЯТНИКЕ

Он рано уж умел перебирать искусно
Свирели скважины; то весело, то грустно
Звучала трель его; он пел про плеск ручья,
Помоной щедрою убранные поля,
Про ласки юных дев и сумрачные гроты,
И возраста любви тревожные заботы.

1842

Дитя мое, уж нет благословенных дней,
Поры душистых лип, сирени и лилей;
Не свищут соловьи, и иволги не слышно...
Уж полно! не плести тебе гирлянды пышной,
И незабудками головки не венчать;
По утренней росе уж зорек не встречать,
И поздно вечером уже не любоваться,
Как легкие пары над озером клубятся
И звезды смотрятся сквозь них в его стекле.
Не вереск, не цветы пестреют по скале,
А мох в расселинах пушится ранним снегом.
А ты, мой друг, всё та ж: резва, мила...
Люблю,
Как, разгоревшись и утомившись бегом,
Ты, вея холодом, врываешься в мою
Глухую хижину, стряхаешь кудри снежны,
Хохочешь и меня целуешь звонко, нежно!

1841

Пусть полудикие скифы, с глазами, налитыми
 кровью,
Бьются, безумные, кубками пьяного пира —
Други! оставимте им, дикарям кровожадным,
 обычай
Сладкие Вакховы вина румянить пирующих
 кровью...
Бранные копыа средь кубков и факелов пира!..
Где мы, скажите?.. Какое безумство! веселье —
 и битва!
Полноте спорить! умолкните, други! вражду
 утопите
В чашах, у коиx, чем более пьете, всё глубже
 и глубже
Кажется звонкое дно. Возлежите и пейте смиренно,
На руку мудрые головы важно и тяжко уставив.

1841

ПОЭЗИЯ

Люби, люби камен, кури им фимиам!
Лишь ими жизнь красна, лишь ими милы нам
Панорма небеса, Фетиды блеск неверный,
И виноградники богатого Фалерна,
И розы Пестума, и в раскаленный день
Бландузия кристалл, и мир его прохлады,
И Рима древнего священные громады,
И утром ранний дым сабинских деревень.

1840

БАРЕЛЬЕФ

Вот безжизненный отрубок
Серебра: стопи его
И вместительный мне кубок
Слей искусно из него.
Ни Кипридиных голубок,
Ни медведиц, ни плеяд
Не лепи по стенкам длинным.
Отчекань: в саду пустынном,
Между лоз, толпы менад,
Выжимающих созрелый,
Налитой и пожелтый
С пышной ветки виноград;
Вкруг сидят умно и чинно
Дети возле бочки винной;
Фавны с хмелем на челе;
Вакх под тигровою кожей
И Силен румянорожий
На споткнувшемся осле.

1842

Е. П. М.

Люблю я целый день провести меж гор
и скал...

Не думай, чтобы я в то время размышлял
О благодати небес, величии природы,
И, под гармонию ее, я строил стих.
Рассеянно гляжу на дремлющие воды
Лесного озера и верхи сосн густых,
Обрывы желтые в молчаньи их угрюмом;
Без мысли и ленив, смотрю я, как с полей
Станицы тянутся гусей и журавлей
И утки дикие ныряют в воду с шумом;
Бессмысленно гляжу я в зыблемых струях
На удочку, забыв о прозе и стихах...

Но после, далеко от милых сих явлений,
В ночи, я чувствую, передо мной встают
Виденья милые, пестреют и живут,
И движутся, и я приветствую их тени,
И узнаю леса, и дальних гор ступени,
И озеро... Тогда я слышу, как кипит
Во мне святой восторг, как кровь во мне горит,
Как стих слагается и прозябают мысли...

1842

Подражания древним

Сафо

1

Зачем венком из листьев лавра
Себе чело я обвила
И лиру миртом убрала? . .
Так! Мне оракул Эпидавра
Предрек недаром чашу мук:
Ты мне неверен, милый друг!
Ты очарован новой страстью
У ног красавицы другой.
Но овладеть она тобой,
Скажи, какой умела властью?
Ничто, ни мысль, ни чувство, в ней
Границ холодных не преступит;
Она бессмысленных очей
Не озарит огнем страстей
И вдруг стыдливо не потупит;
Не может локонов убрать
Небрежно, но уловкой тайной.
Ни по плечам, как бы случайно,
Широко ризы разметать.

1841

Звезда божественной Киприды!
 Люблю я ранний твой восход,
 В часы, как ночь своей хламидой
 Восток туманный обовьет.
 Твоя блестящая лампада
 Трапезы наши золотит,
 Где Вакх, в венце из винограда
 И тигра кожу покрыт,
 С кипящей чашей председатель.
 Ты мир вселяешь средь дубров,
 Где нимфа робко пробегает,
 За ней влюбленный бог лесов.
 Твой луч дрожащий вызывает
 Гимн Филомелы над ручьем.
 Милей в сиянии твоём
 Любви мечтательность и нежность,
 И взором отраженный взор,
 Одежды легкая небрежность
 И полускромный разговор.

Анакреон

Пусть гордится старый дед
Внуков резвою семьею,
Витязь — пленников толпою
И трофеями побед;
Красота морей зыбучих —
Паруса судов летучих;
Честь народов — мудрый круг
Патриархов в блеске власти;
Для меня ж милей, мой друг,
В пору бури и ненастий,
В теплой хижине очаг,
Пня дубового отрубок
Да в руках тяжелый кубок,
В кубке хмель и хмель в речах.

1843

Г о р а ц и й

1

Скажи мне: чей челнок к скале сей
приплывает?
Кто этот юноша, в венке из алых роз,
Укрыв свой челн в кустах, взбегают на утес
И в гроте на скале тебя он обнимает?..
Как счастлив он!.. Любовь в очах его
горит!..
Но он, неопытный, не знает, как неверно
То море! Как оно обманчиво блестит,
Подобно женщине, темно и лицемерно!
Твоя золотая речь — крыло его ладьи.
Он думает найти любовь и наслаждение;
Но, боже мой! он бурь не слышит
приближенья,
Свирепых моря бурь и страшных бурь любви!
Но мне уж этих гроз не страшно дуновенье:
Я вышел на берег, во храм; богам своим
Гирлянды возложил на жертвенник спасенья
И ризы влажные развесил перед ним.

1841

Легче лани юной ты
 Убегаешь предо мною.
 Залепечут ли листы,
 Ветерок ли над водою
 Пробежит, или в кустах
 Слышен ящерицы шорох —
 Уж ее объемлет страх,
 Гнутся ноги, огонь во взорах.
 Но я жду, что на бегу
 Ты оглянешься к врагу,
 И замедлишь шаг, и рядом
 Вдруг очутишься со мной,
 Страх забыв, потупясь взглядом,
 Мне внимая всей душой!

1841

О в и д и й

ПОСЛАНИЕ С ПОНТА

Здорово, добрый друг! Здорово, консул новый!
Я знаю — в пурпуре и с консульским жезлом,
И в сонме ликторов покинул ты свой дом,
И в храм Юпитера течешь теперь, готовый
Пролить пред алтарем дымящуюся кровь...
Уверен, что купил народную любовь,
Взираешь ты, как чернь бросается толпами
На жареных быков с злачеными рогами...
Но если вдруг тебе твой раб письмо вручит,
Начертанное здесь изгнанника рукою, —
Как встретишь ты его? Чем взор твой
заблестит?

Кивнешь ли вестнику приветно головою,
Иль кинешь гневный взор дрожащему рабу?
Что б ни было! Ты всё стоишь передо мною
Как прежний добрый друг... и я клянусь судьбу,
Стократ ее клянусь, что разлучен с тобою,
Что нет на торжестве твоём моих даров;
Что мне не суждено с сверкающим фалерном
Подняться со скамьи и голосом неверным —
От чувства полноты — прочесть тебе стихов!
Увы! мне самый стих латинский изменяет!

Уж мысль моя двойной одеждой щеголяет...

Уже Авзонии блестящие цветы

Бледнеют предо мной, а мирная долина,

Пустынные брега шумящего Эвксина

Да быта скифского суровые черты

Мне кажутся венцом высокой красоты!..

А песни дикарей!.. Меж скифов, в их

пустыне,

Я сам стал полускиф. Поверишь ли, я ныне

Их диким языком владею, как своим!

Я приучил его к себе, как зверя. Им

Я властвую: в ярмо он выю преклоняет,

Я правлю, и на Пинд как вихорь он взлетает...

Пойми меня, мой друг! Пойми: мой грубый

стих

Не втуне уж звучит среди пустынь нагих,

А принят, повторен и понят человеком!

И скифы дикие, подобно древним грекам,

С улыбкою зовут меня своим певцом!

Поэму я сложил их варварским стихом;

Для них впервые я воспел величье Рима

И всё, с чем мысль моя вовек

неразлучима...

О дивном Августе звучала песнь моя...

Я пел Германика, им Друза славил я;

Я пел, как, победив батавов и тевтонов,

Они вступали в Рим, и пленные цари,

Окованные, шли среди римских легионов,

И сыпались цветы, дымились алтари,

И Август их встречал, подобный полубогу,

И слезы лил тайком на праздничную тогу...

Еще не кончил я, а эти дикари

Сверкали взорами, колчаны потрясали
И, изумленные, в восторге повторяли:
«Ты славись Августа — зачем же ты не
с ним?»
То скифы говорят, — а вот семь лет уж
ныне,
Как, всеми позабыт, томлюся я в пустыне...

1842

ИСПОВЕДЬ

Так, ветрен я, друзья! Напрасно я учусь
Себя обуздывать: всё тщетно! Тяжких уз
Мой дух чуждается... Когда на взор мой
Улыбку вижу я в устах у девы скромной, —
Я сам не свой! Прости Сенека, Локк и Кант,
И пыльных кодексов старинный фолиант,
Лицей блистательный и портик величавый,
И знаменитый ряд имен, венчанных славой!
Опять ко мне придут игривая мечта,
И лики бледные, и имя на уста,
И взоры томные, и трепет сладкой неги,
И стих таинственный задумчивых элегий.

1841

О чем, в тиши ночей, таинственно мечтаю,
О чем, при свете дня, всечасно помышляю,
 То будет тайной всем, и даже ты, мой стих,
 Ты, друг мой ветреный, улада дней моих,
 Тебе не передам души своей мечтанья,
 А то расскажешь ты, чей глас в ночном
молчаньи
 Мне слышится, чей лик я всюду нахожу,
 Чьи очи светят мне, чье имя я твержу.

1841

МРАМОРНЫЙ ФАВН

Бродил я в глубине запущенного сада.
Гас красный блеск зари. Деревья без листов
Стояли черные. Осенняя прохлада
Дышала в воздухе. Случайно меж кустов
Открыл я статую: то фавн был, прежде белый,
Теперь в сору, в пыли, во мху, позеленелый.
Умильно из ветвей глядел он, а они,
Качаясь по ветру, в лицо его хлестали
И мраморного пня подножие скрывали.
Вкруг липы древние теснились; в глубине
Иные статуи из-за деревьев мелькали;
Но мне была видна, обнятая кустом,
Одна лишь голова с смеющимся лицом.

Я долго идолом забытым любовался,
И он мне из кустов лукаво улыбался.
Мне стало жаль его. «Ты некогда был бог,
Цинический кумир! Тебе, при флейте звонкой,
Бывало, человек костер священный жег,
На камне закалал с молитвою ягненка
И кровью орошал тебя... О! расскажи:

Что, жаль тебе тех дней? Как ты расстался
с властью,
Развеичанный? Тогда — бывали ближе ль
к счастью

Младые племена? Иль это умной лжи
Несбытный вымысел, их мир и наслажденья?
Иль век одни и те ж земные поколенья?..

Ты улыбаешься?.. Потом была пора,
Ты был свидетелем роскошного двора;
Тебя в развалинах как чудо отыскиали,
Тебе разбили сад; вокруг тебя собрали
Тритонов и наяд, афинских мудрецов,
И римских цезарей, и греческих богов;
А всё смеялся ты, умильно ослабляясь...
Ты видел бальный блеск. По саду

разливаясь,
Гремела музыка. В аллее темной сей
Чета любовников скрывалась от гостей:
Ты был свидетелем их тайного свиданья,
Ты видел ласки их, ты слышал их
лобзанья...

Скажи мне: долго ли хранились клятвы их
Ненарушимыми? Любовь в сердцах у них
Горела вечно ли, и долее ль, чем имя
И уверенья их, на мраморе твоём
Напечатленные и... смытые дождем?
Иль, может быть, опять под липами
твоими

Являлись они, условившись, с другими?
И твой лукавый смех из-за густых ветвей
С любви их не сорвал предательскую маску,

Не бросил им в лицо стыда живую краску?

.

Так, молча, взором я статую вопрошал,
А циник мраморный язвительно смеялся.

1841

Очерки Рима

НА НУТИ

Долин альпийских сын, хозяин мирный мой,
С какою завистью гляжу на домик твой!
Не здесь ли счастье? Лишь с юною весною
Нагорные ручьи журчащею струею
С холмов меж зеленью молодою утекут,
Твой стол обеденный искусно уберут
Младыми розами и почками лилеи
Подруги дней твоих игривые затеи,
И стадо дар несет, с полей его собрав,
Дышащий запахом новорожденных трав;
И голос соловья в саду звучит и блещет.
И ласточек семья под кровлею щебечет,
И пчелы шумною гирляндю летят
К цветущим яблоням, в твой благовонный сад...
Ты любишь ближнего и, горд своей свободой,
Ты всё нашел, чего веками ждут народы...

1843

CAMPAGNA DI ROMA ¹

Пора, пора! Уж утро славит птичка,
И свежестью пахнуло мне в окно.
Из города зовет меня давно
К полям широким старая привычка.
Возьмем коней, оставим душный Рим,
И ряд дворцов его тяжеловесных,
И пеструю толпу вдоль улиц тесных,
И воздухом подышим полевым.

О! как легко! как грудь свободно дышит!
Широкий горизонт расширил душу мне...
Мой конь устал... мысль бродит в тишине,
Земля горит, и небо зноем пышет...
Сабинских гор неровные края,
И Апеннин верхи снеговенчанны,
Шум мутных рек, бесплодные поля,
И, будто нищий с ризою раздранной,
Обломок башни, обвитой плющом,
Разбитый храм с остатком смелых сводов
Да бесконечный ряд водопроводов

¹ Римская Кампанья (итал.). — *Ред.*

Открылися в тумане голубом...
Величие и ужас запустенья...
Угрюмого источник вдохновенья...
Всё тяжело спит, всё умерло почти...
Лишь простучит на консульском пути
По гладким плитам конь поселянина,
И долго дикий всадник за горой
Виднеется в плаще и с палкой длинной,
И в шапке острой... Вот в тени руины
Еще монах усталый и босой,
Окутавшись широким капюшоном,
Заснул, склонясь на камень головой,
А вдалеке, под синим небосклоном,
На холме мазанка из глины и ветвей,
И кипарис чернеется над ней...

Измученный полудня жаром знойным,
Вошел я внутрь руин, неизвестных мне.
Я был объят велнчем их спокойным.
Глядеть и слушать в мертвой тишине
Так сладостно!.. Тут целый мир видений!
То цирк был некогда; теперь он опустел,
Полынь и терн уселись на ступени,
Там, где народ ликующий шумел;
Близ ложи цезарей еще лежали
Куски статуй, курильниц и амфор,
Как будто бы они здесь восседали
Еще вчера, увеселяя взор
Ристанием... но по арене длинной
Цветистый мак пестреет меж травой,
И тростником, и розой полевой;
И рыщет ветер, один, что конь пустынный.

Лохмотьями прикрыт, полунагой,
Глаза как смоль и с молниєю взгляда,
С чернокудрявой, смуглой головой,
Пасет ребенок коз пугливых стадо.
Трагически ко мне он руку протянул,
«Я голоден, — со злобою зывая. —
Я голоден!..» Невольно я вздохнул
И, нищего и цирк обзревая,
Промолвил: «Вот она — Италия святая!»

Рукой охватив осторожно кувшин на
 облитой
 Вечерним лучом голове... Художник
 (должно быть, германец)
 Спешит срисовать их, довольный, что
 случай неожиданно
 В их позах сюжет ему дал для картины,
 и вовсе не мысля,
 Что я срисовал в то же время и чудное
 небо,
 И плющ темнолистый, фонтан и свирепую
 рожу тритона,
 Альбанок и даже — его самого с его
 кистью!

AMOROSO ¹

Выглянь, милая соседка,
В окна комнаты своей!
Душит запертая клетка
Птичку вольную полей.

Выглянь! Солнце, потухая,
Лик твой ясный озарит
И угаснет, оживляя
Алый блеск твоих ланит.

Выглянь! глазками легонько
Или пальчиком грозя,
Где ревнивец твой, тихонько
Дай мне знать, краса моя!

О, как много б при свиданье
Я хотел тебе сказать;
Слышать вновь твое признание
И ревнивца поругать...

Чу! твой голос! песни звуки...
И гитары тихий звон...

¹ Любовник (итал.). — *Ред.*

Усыпляй его, баюкай...
Тише... Что? .. заснул уж он?

Ты в мантилье, в маске черной
Промелькнула пред окном;
Слышу, с лестницы проворно
Застучала башмачком...

1845

На дальнем севере моем
Я этот вечер не забуду.
Смотрели молча мы вдвоем
На ветви ив, прилегших к пруду;
Вдали синел лавровый лес,
И олеандр блестел цветами;
Густого мирта был над нами
Непроницаемый навес;
Синели горные вершины;
Тумана в золотой пыли
Как будто плавали вдали
И акведуки и руины...
При этом солнце огнем,
При шуме водного паденья,
Ты мне сказала в упоеньи:
«Здесь можно умереть вдвоем...»

1844

НИЩИЙ

Джузеппе стар и дряхл; на площадях лежит
С утра до вечера, читает вслух каноны
И молит помощи он именем мадонны;
И в тридцать лет себе, как то молва гласит,
Два дома выстроил, и третий кончит скоро,
Женил двух сыновей, и внучек любит — страх.
На пышной лестнице старинного собора,
Красиво развалясь на мраморных плитах,
Картинно голову прикрыв лохмотьем старым,
Казалось, он заснул... А тут, в его ногах,
Сидела девочка. Под этим жгучим жаром —
С открытой шеею, с открытой головой,
С обрывком на плечах какой-то ткани

грубой,
Но волосы, глаза, и точно перлы зубы,
И взгляд, поднявшийся на нас как бы
с мольбой

«Его не разбудить». Худые ноги, руки —
Мурильо!.. Но старик Джузеппе не дремал:
Во всем величии отчаянья и муки
Он вдруг приподнялся и глухо простонал:
«Я три дня голодал»... Ресницы опустила
Невольно девочка — и точно охватила

Ее внезапная и жгучая тоска...
Она вся вспыхнула и что-то нам хотела,
Казалось, сказать — но говорить не смела,
И — быстро спряталась в лохмотья старика...

1844

В ОСТЕРИИ

Пеппо, выпьем!.. Видишь, буря
Разыгралася в горах!
В блеске молний, очи жмуря,
Кони бесятся впотьмах.

Что колпак остроконечный
Ты надвинул на глаза?
Или есть недуг сердечный,
Иль на совести гроза?

Знаю, за дурное слово,
За обиду острый нож,
Не боясь суда людского,
Прямо в сердце ты воткнешь;

Знаю, ты вина за чаркой,
За повадливую речь,
Смело в бой полезешь жаркой
И готов в могилу слечь...

Ведь таков и лев свирепый;
Был Андрокл... слышал ли ты?..
Нет? Так выпьем лучше, Пеппо,
Без ученой пустоты!

1844

FORTUNATA ¹

Ах, люби меня без размышлений,
Без тоски, без думы роковой,
Без упреков, без пустых сомнений!
Что тут думать? Я твоя, ты мой!

Всё забудь, всё брось, мне весь отдайся!..
На меня так грустно не гляди!
Разгадать, что в сердце, — не пытайся!
Весь ему отдайся — и иди!

Я любви не числю и не мерю;
Нет, любовь есть вся моя душа.
Я люблю — смеюсь, клянусь и верю...
Ах, как жизнь, мой милый, хороша!..

Верь в любви, что счастьем не умчаться,
Верь, как я, о гордый человек,
Что нам век с тобой не расставаться
И не кончить поцелуя век...

1845

¹ Счастливая (итал.). — *Ред.*

«Скажи мне, ты любил на родине своей?
Признайся, что она была меня милей.
Прекраснее?» — Она была прекрасна... —
«Любила ли она, как я тебя, так страстно?
Скажи мне, у нее был муж, отец иль брат,
Над чьим дозором вы смеялись заочно?
Всё расскажи... и как порою полуночной
Она спускалася к тебе в тенистый сад...
Могла ль она, как я, так пламенно руками,
Как змеи сильными, обвить тебя? Уста,
Ненасытимые в лобзаньи никогда,
С твоими горячо ль сливались устами?
В те ночи тайные, когда б застали вас,
Достало ли б в ней сил, открыто, не страшась,
В глаза им объявить, что ты — ее владенье,
Жизнь, кровь, душа ее? На строгий суд людей
Глядела ли б она спокойным, смелым
взором?
Гордилась ли б она любви своей позором?...
Ты улыбаешься... ты думаешь о ней...
О, хороша она... и образ ненавистой
Я вырвать не могу из памяти твоей!...»
— Ах, не брани ее! Глубоко, бескорыстно
Любили мы. Но верь, ни разу ни она,

Ни я, любви своей мы высказать не смели.
Она была со мной как будто холодна;
Любя, друг друга мы стыдились и робели;
Лишь худо скрытый вздох, случайный,
беглый взор
Ей изменял. У нас всегда был разговор
Незначащ, о вещах пустых, обыкновенных;
Но как-то в тех словах, в той болтовне
пустой
Угадывали мы душою смысл иной
И голос слышали страданий сокровенных.
И только раз уста мои ее руки
Коснулись; но потом мне стыдно, больно
было,
Когда она ко мне безмолвно обратила
Взор, полный слез, мольбы, укора
и тоски...
Тот взор мне всё сказал; он требовал
пощады...
Он говорил мне: нам пора, расстаться
надо...
«И вы расстались?»
— Расстались. Я сказать
Хотел ей что-то, и она, казалось, тоже;
Но тут вошли — должны мы были
замолчать...
«Любить! Молчать! !.. И вы любили?!
боже, боже! !..»

ХУДОЖНИК

Кисти ты бросил, забыл о палитре и
красках,
Проклял ты Рим и лилово-серебристые горы;
Ходишь как чумный; на дев смуглолицых
не смотришь;
Ночью до утра сидишь в оsterии за
кружкой,
Хмурый, как родина наша... И Лора горюет,
Тщетно гадая, о чем ты тоскуешь, и смотрит
В очи тебе, и порой ловит бред твой
сквозь-сонный.
Что? не выходит твой Рим на картине?
Что? воздух
Тонкой струей не бежит между листьев?
солнце
Легким, игривым лучом не скользит по
аллее?
Горы не рдятся в легкую дымку туманов
полудня?
Руку, художник! ты тайну природы
постигнешь!
Думать будет картина — ты сам, негодуя,
Выносил в сердце тяжелую думу.

1845

FIORINA ¹

«Смуглянка милая, я из страны далекой,
И здесь в развалинах блуждаю одинокой,
И всё-то чудно мне... Скажи, ты рождена
В долине здесь: скажи, какое это зданье?
Ты знаешь, ангел мой, как говорит преданье,
Кем строено, зачем, в какие времена?»

— Не знаю, мы сюда за земляникой ходим,
А на зиму стада пастись сюда приводим.

Бывают многие и смотрят. Кардинал
Сюда с двором своим намерен приезжал.

Я ягод подала ему; он взял немного,
Благословил меня, велел молиться богу,

Красавицей меня и умницей назвал...

На мне в тот день венок был из листков

дубовых,

А в косы я вплела нить бисеров перловых.

1845

¹ Фиорина (итал.). — *Ред.*

LORENZO ¹

С лава богу, деньги есть.
Шляпу на́ брови надвину,
Плащ широкий перекину
Через плечо... войду я в честь.

Встретит князь меня с почтеньем,
И поклонится аббат,
И маркизы с приглашеньем
Мне навстречу полетят.

Я высок, красив и ловок...
Речь — серебряная нить;
Знаю тайну всех уловок
Сердце женщины дразнить.

В будуар благоуханный
В ночь прокрадусь я тайком...
Потоскует сердце Нанны,
Знаю я... да что ж мне в том?

Деньги выйдут... что ж за дело?
Молоток возьму я свой,

¹ Лоренцо (итал.) — *Ред.*

Буду сечь я мрамор белый
У скульптора в мастерской.

А наскучит — повалюся
Я на паперти церквей
И калекой притворюся,
Мол, уродец с детских дней!

Стыдно, что ль? Пускай пеняют,
Что казны не клал под спуд!..
А маркизы?.. Не узнают!
А узнают — прочь пойдут.

Что мне в них? всегда от Начны,
Будь в чести ль, в лохмотье ль я,
Я услышу: «Друг желанный,
Гость мой милый, я твоя!»

1845

АНТИКИ

О мрамор, хранилище мысли былых поколений!
В могилах тебя отыскиали средь пепла и камней;
Художник сложил воедино разбитые члены,
Трудясь с любовью, как будто бы складывал
вместе
Куски драгоценные писем от милой, безумно
Разорванных в гневе... Израненный, ныне пред
нами
Стоишь ты в чертогах, и люди к тебе издалека
Стремятся, как к чудной святыне толпы
пилигримов...
Творцы твои были, быть может, честимы и славны,
На площади града венчанны шумящим народом,
В палаты царей приходили как лучшие гости!..
Иль, может быть, в жизни узнали лишь горе
да голод,
Труда вдохновенные ночи, да творчества
гордость,
И ныне их имя погребло, и, может быть, поздно
Узнали их гений... и им неизвестно осталось,
Какой фимиам воскурен им далеким потомством,
Нелживый и чистый, подобный тому, что курили
В Афинах жрецы алтарям неизвестного бога...

ДРЕВНИЙ РИМ

Я видел древний Рим: в развалине печальной
И храмы, и дворцы, поросшие травой,
И плиты гладкие старинной мостовой,
И колесниц следы под аркой триумфальной,
И в лунном сумраке, с гирляндою аркад,
Полуразбитые громады Колизея...
Здесь, посреди сих стен, где плющ растет,
чернея,

На прахе Форума, где у телег стоят
Привязанные вокруг коринфской капители
Рогатые волы, — в смущеньи я читал
Всю летопись твою, о Рим, от колыбели,
И дух мой в сладостном восторге трепетал.
Как пастырь посреди пустыни одинокой
Находит на скале гиганта след глубокой,
В благоговении глядит, и, полн тревог,
Он мыслит: здесь прошел не человек,

а бог, —

Сыны печальные бесцветных поколений,
Мы, сердцем мертвые, мы, нищие душой,
Считаем баснею мы век громадный твой
И школьных риторов созданием твой
гений! ..

Иные люди здесь, нам кажется, прошли
И врезали свой след нетленный на земли —
Великие в бедах, и в битве, и в сенате,
Великие в добре, великие в разврате!
Ты пал, но пал как жил... В падении

своем
Ты тот же, как тогда, когда, храня
свободу,
Под знаменем ее ты бросил кров и дом, —
И кланялся сенат строптивому народу...

Та[.]ки[.]м[.] же[.] кон[.]чил[.] ты[.]... Пу[.]ска[.]й[.] со[.] все[.]й[.]
вселе[.]нной

Пороков и злодейств неслыханных семья
За колесницею твоею позлащенной
Вползла в твой вечный град, как хитрая
змея;

Пусть голос доблести уже толпы не движет;
Пусть Лициния она целует прах,
Пусть Лициний сам следы смиренно лижет
Сандалий Клавдия, бьет в грудь себя;

в слезах
Пред статуей его пусть падает в молитве —
Да полный урожай полям он ниспошлет
И к пристани суда безвредно приведет;
Ты духу мощному, испытанному в битве,
Искал забвения... достойного тебя.
Нет, древней гордости в душе не истребля,
Старик своих сынов учил за чашей яду:
«Покуда молоды — плюща и винограду!
Дооблачных палат; танцовщиц и певцов!
И бешеных коней, и быстрых колесниц,

Позорищ ужаса, и крови, и мучений!
Взирая на скелет, поставленный на пир,
Вконец исчерпай всё, что может дать нам мир!
И, выпив весь фиал блаженств и
наслаждений,
Чтоб жизненный свой путь достойно
увенчать,
В борьбе со смертию испробуй духа
силы, —
И, вокруг созвав друзей, себе открывши жилы,
Учи вселенную, как должно «умирать».

PALAZZO¹

Войдемте: вот чертог с богатыми столбами,
Земным полубогам сооруженный храм.
Прохлада царствует меж этими стенами,
Лениво бьет фонтан по мраморным плитам;
Террасы убраны роскошными цветами,
И древние гербы блистают по стенам —
Эмблемы доблести фамилий, гордых властью:
Кабаньи головы да львы с открытой пастью.

Здесь всё еще хранит следы времен былых;
Везде минувшего остатки вековые.
Вот груды пышные доспехов боевых,
И исполинский меч, и латы пудовые,
И Палестины ветвь, и кость мощей святых;
Там пыток варварских орудья роковые,
Колеса и зубцы; вокруг дивный дар руин,
Антики желтые и длинный ряд картин:

То предки гордые фамилии высокой.
Там старцы: латы их изрублены в боях,
И страшен яркий взгляд, с улыбкою
жестокой. . .

¹ Дворец (итал.). — *Ред.*

Там красный кардинал, в маститых седилах,
Коленопреклонен с молитвою глубокой
Перед мадонною с младенцем на руках;
Там юноша, средь муз, любимый

Аполлоном,
Венчанный миртами лукавым Купидоном.

Там жены: та бела, как мрамор гробовой,
В потускшем взгляде скорбь и ужас
затаенный...

То жизнь, убитая боязнью и тоской,
То жалоба души, судьбою обреченной
Служить для деспота свирепого рабой
И сластолюбия забавою презренной;
Как будто говорит она: «Здесь дни губя,
Жила и умерла я в муках, не любя...»

Та — жизни полная, и в блеске
самовластья —
Сомкнутые уста, нахмуренная бровь...
Обыкновенных жен ей мало было счастья,
И гордая душа прорвалась из оков;
Служили ей кинжал, и яд, и сладострастье
На шумных оргиях, и мщенье, и любовь —
И взор ее горит насмешкой иступленной,
Всей гордостью души, глубоко оскорбленной...
.

И ныне пусто всё в блестящей галерее...
На этих мраморах густая пыль лежит;
Оборванный лакей, в истасканной ливрее,
На креслах бархатных раскинувшись, храпит;

И в залах, как среди развалин Колизея,
Семейство англичан кочует и шумит.
А вы — вы кинули отцов чертог печальный,
Наследники их прав и чести феодальной?

Благословенье вам! не злато, не гербы
Вам стали божеством, а разум и природа,
И громко отреклись вы от даров судьбы —
От прав, украденных отцами у народа,
И вняли вы призыв торжественной борьбы,
И движет вами клик: «Италии свобода!»
И гордо шелестит за честь страны родной
Болонская хоругвь над вашей головой!

Благословенье вам! Италии спасенной
В вас избавителей увидеть суждено!..
Но тише... Здесь живут: раскинут стол
зеленый,
Вчера здесь пир был: всё исписано сукно;
Там дребезги стекла... бокал
неосушенный...
И солнце облило лучами, сквозь окно,
Перчатки женские и бюст Сократа важный,
Накрытый шляпкою красавицы продажной.

1847

Житейские думы

ПОСЛЕ БАЛА

Мне душно здесь! Ваш мир мне тесен!
Цветов мне надобно, цветов,
Веселых лиц, веселых песен,
Горячих споров, острых слов.
Где б был огонь и вдохновенье,
И беспорядок, и движенье,
Где б походило всё на бред,
Где б каждый был хоть миг — поэт!
А то — сберетесь вы чинно;
Гирлянды дам сидят в гостиной;
Забава их — хула и ложь,
Танцует в зале молодежь —
Девушки с уст улыбку гонят,
По лицам их не разберешь —
Тут веселятся иль хоронят...
Вы сами — бьетесь в ералаш,
Чинопоклонствуете, лжете,
Торгуете и продаете —
И это праздник званный ваш!
Недаром, с бала исчезая
И в санки быстрые сядясь,
Как будто силы оправляя,
Корнет кричит: пошел в танцкласс!

А ваши дамы и девицы
Из-за кулис бросают взор
На пир разгульной модной львицы,
На золотой ее позор!

1850

(Отрывок)

Над прахом гения свершать святую тризну
Народ притек. Кто холм цветами осыпал,
Кто звучные стихи усопшего читал,
Где радовался он и плакал за отчизну;
И каждый повторял с слезами на глазах:
«Да, чувства добрые он пробуждал
в сердцах!»
Но вдруг среди толпы ужасный крик
я внемлю...
То наземь кинулся как жердь сухой старик.
Он корчился, кусал и рыл ногтями землю,
И пену ярости точил его язык.
Его никто не знал. Но старшие в народе
Припомнили, что то был старый клеветник,
Из тех, чья ненависть и немощная злоба
Шли следом за певцом, не смолкли и у
гроба,
Дерзая самый суд потомства презирать.
И вот, поднявшись и бормоча без связи,
На холм могильный стал кидать он комья
грязи;
Народ, схватив его, готов был растерзать,

Но Вождь мой удержал. «Ваш гнев певца
обидит, —
Сказал. — Стекайтесь, как прежде, совершать
Поминки над певцом и гроб его венчать,
А сей несчастный — пусть живет
и видит!»

НА СМЕРТЬ М. И. ГЛИНКИ

Еще печаль! опять утрата!
Опять вопрос в душе заныл
Над прахом бедного собрата:
Куда ж он шел? зачем он жил?

Ужель затем, чтоб сердца муки
На песни нам перевести,
Нам дать в забаву эти звуки
И неразгаданным уйти? ..

Я эти звуки повторяю —
Но песням, милым с давних дней,
Уже нначе я внимаю...
Они звучат уже полней...

Как будто в них теперь всецело
Вошла, для жизни без конца,
Душа, оставившая тело
Их бездыханного творца.

1857

ФИЛАНТРОПЫ

Они обедали отлично;
Тепло возвращается их кровь,
И к человеку безгранично
Их разгорелася любовь.

Они — и мухи не погубят!
И — дай господь им долги дни! —
Мне даже кажется, что любят
Друг друга искренно они!

1853

МАТЬ И ДОЧЬ

Прятный домик... сад с плодами...
Беседки, грядки, цветнички...
И всё возделывают сами
Мои соседи-старички.

Они умеют достохвально
Соединить в своем быту
И романтизм сентиментальный
И старых нравов простоту.

Полна высоких чувств святыней
И не растратив их в глуши,
Старушка верует и ныне
В любовь за гробом, в жизнь души.

Чужда событий чрезвычайных,
Вся жизнь ее полна была
Самопожертвований тайных
И угождений без числа.

Пучки цветов, венки сухие
Хранятся в комнате у ней;
Она святит в них дорогие
Воспоминанья прошлых дней;

Порою в спальню к дочке входит;
Рукою свечку заслоня,
Глядит и плачет... и приводит
Себе на память, день от дня,

Всё прожитое... там всё ясно!
О чем же сетует она?
Иль в сердце дочери прекрасной
Она читает и сквозь сна!

Старушка мучится сомнением,
Что чужд для дочки отчий кров,
Что дочь с упрямым озлобленьем
Глядит на ласки стариков;

Что в ней есть странная забота...
Отсталый лебедь — точно ждет
Свободной стаи перелета,
И клик заслышит — и вспорхнет!..

Но не вспорхнет она на небо!
Уж демон века ей шептал,
Что жизнь — не мука ради хлеба,
Что красота есть капитал!..

Ей снится огненная зала...
Ей снятся тысячи огней,
За ней следящих в шуме бала,
Как за царицей бальных фей...

Полночный пир... шальные речи...
Бокалы вдребезги летят...

Покровы прочь! Открыты плечи,
Язвит и жжет прекрасный взгляд —

И перед нею на коленях
Толпа вельмож и богачей
В мольбах неистовых и пенях —
И сыплют золото пред ней!

Уйди, старушка!.. Бог во гневе
Шлет бич нам в детище твоём
За попеченье лишь о чреве,
И зло карает тем же злом!

Великолепные чертоги
Твою возлюбленную ждут;
К ней века денежные боги
На поклонение придут,

И — осмеявшие стремленья
Любви мечтательной твоей,
Узнают жгучие мученья
В крови родившихся страстей!

И будут, млея в жажде страстной,
Искать божественной любви
Под этой маской вечно ясной,
Под этой грацией змеи!

Напрасно! Нет!.. один уж лопнет,
Другой пойдет открыто красть,
Острог за третьим дверь захлопнет,
Кто пулю в лоб... благая часть!

Одна владычица их мира —
Она лишь блеском залита...
Спокойный профиль... взгляд
 вампира...
И неподвижные уста...

1857

СТАРЫЙ ХЛАМ

В мебельной лавчонке, в старомодном хламе,
Старые портреты в полинялой раме.

Всё-то косы, пудра, мушки и румяны,
Через плечи ленты, с золотом кафтаны:

Дней давно минувших знатные вельможи —
Полны и дородны, жир сквозит под кожей.

Между ними жены с лебединой шеей:
Грудь вперед, как панцырь, мрамора белее.

Волосы горою над челом их взбиты,
Перьями, цветами пышно перевиты...

И во всех-то лицах выразил искусно
Гордость ловкий мастер... И смешно,
и грустно!

Кто они такие? Этих лиц не видно
В пышных галереях, где почет завидный

Век наш предкам добрым воздает исправно,
Где живут в портретах старины недавной

Главные актеры, главные актрисы...
Эти ж, видно, были веку лишь кулисы!

Высших потешали пошлым обезьянством,
Низших угнетали мелочным тиранством;

А сошли со сцены — всем вдруг стали чужды,
И до их портретов никому нет нужды,

И стоят у лавки, точно как привратник,
Старая кокетка, ветреный развратник!..

Но — вот лик знакомый, и свежее краски...
Скоро ж до печальной дожил он развязки!

Грубо намалеван — а ведь образ чудный!
И его никто-то в час развязки трудной

Не сберег от срама, — и свезен жидами
Он с аукциона вместе с зеркалами!..

Крышку ль над прекрасной гроб уже
Биржа ль изменила? Откуп, что ли, лопнул?
захлопнул?

В Риме и Афинах Фрины были, Лиды,
Ветреные жрицы пламенной Киприды;

Но с Кипридой музы в двери к ним влетали,
И у них Сократа розами венчали...

Злая Мессалина, в диком сладострастье,
В вандале косматом обнимала счастье...

Ныне чужды музам корифейки оргий;
Чужды Мессалинам страстные восторги;

Через них карьеру создают франты,
И связей и денег ищут спекулянты...

Узнаю в портрете этом я торговку!
Вряд ли разрешала страсть у ней снуровку;

Но она немало жертв с сумой пустила,
И еще робевших воровать учила!

Помню я, бывало, как сидит в театре —
Ей партер дивится, точно Клеопатре.

Плечи восковые, голова Медеи,
Смоляные косы сплетены как змеи;

Руку на коленях на руку сложивши,
Смотрит исподлобья, губу закусивши,

И из полумрака, в углубленьи ложи —
Точно выбирает жертву в молодежи, —

Так вот и казалось — кинется тигрица!
Не любви, а денег жаждала блудница!

ПРИДАНОЕ

По городу плач и стенанье...
Стучит гробовщик день и ночь...
Еще бы ему не работать!
Просватал красавицу дочь!

Сидит гробовщица за крепом,
И шьет — а в глазах, как узор,
По черному так и мелькает
В цветах подвенечный убор.

И думает: «Справлю ж невесту,
Одену ее, что княжну, —
Княжен повидали мы вдоволь —
На днях хоронили одну:

Всё розаны были на платье,
Почти под венцом померла;
Так, в брачном наряде, и клали
Во гроб-то... красotka была!

Оденем и Глашу не хуже,
А в церкви все свечи зажжем;
Подумают: графская свадьба!
Уж в грязь не ударим лицом!...»

Мечтает старушка — у двери ж
Звонок за звонком... «Ну, житье!
Заказов-то — господи боже!
Знать, Глашенька, счастье твое!»

1859

РОЗЫ

Вся в розах — на груди, на легком платье
белом,
На черных волосах, обвитых жемчугами, —
Она покоилась, назад движеньем смелым
Откинув голову с открытыми устами.
Сияло чудное лицо живым румянцем...
Остановился бал, и музыка молчала,
И — соблазнительным ошеломленный танцем,
Я на другом конце блистательного зала
С красавицею вдруг очами повстречался...
И — как и отчего, не знаю! — мне в мгновенье
Сорренто голубой залив нарисовался,
Пестумский красный храм в туманном
отдаленье,
И вилла, сад и пир времен гораццианских...
И по заливу вдруг, на золотой галере,
Плывет среди толпы невольниц африканских,
Вся в розах — Лидия, подобная Венере...
И что ж? обманутый блистательной мечтою,
Почти с признанием очнулся я от грезы
У ног красавицы... Ах, вы всему виною,
О розы Пестума, классические розы!..

1857

ДОПОТОПНАЯ КОСТЬ

Я с содроганием смотрел
На эту кость иного века...
И нас такой же ждет удел:
Пройдет и племя человека...

Умолкнет славы нашей шум;
Умрут о людях и преданья;
Всё, чем могуч и горд наш ум, —
В иные не войдет созданья.

Оледенелою звездой
Или потухнувшим вулканом
Помчится, как корабль пустой,
Земля небесным океаном.

И, странствуя между миров,
Воссядет дух мимолетающий
На остов наших городов,
Как на гранит неговорящий...

Так разум в тайнах бытия
Читает нам... но сердце бьется,
Надежду робкую тая —
Авось он, гордый, ошибется!

1857

ИМПРОВИЗАЦИЯ

Мерцает по стене заката отблеск рдяный,
Как уголь искряся на раме золотой...
Мне дорог этот час. Соседка за стеной
Садится в сумерки порой за фортепьяно,
И я слежу за ней внимательной мечтой.
В фантазии ее любимая есть дума:
Долина, сельского исполненная шума,
Пастушеский рожок... домой стада идут...
Утихли... разошлись... земные звуки мрут
То в беглом говоре, то в тишине одинокой —
И в плавном шествии гармонии широкой
Я ночи, сыплющей звездами, слышу ход...
Всё днем незримое таинственно встает
В сиянии месяца, при запахе фиалок,
В волшебных образах каких-то чудных грез,
То фей порхающих, то плещущих русалок
Вкруг остановленных на мельнице колес...

Но вот торжественной гармонии разливы
Сливаются в одну мелодию, и в ней
Мне сердца слышатся горячие порывы,
И звуки говорят страстям души моей.
Crescendo...¹ вот мольбы, борьба и шепот
страстный,

¹ Усиливаясь (итал.) — *Ред.*

Вот крик пронзительный и — ряд аккордов
ясный,
И всё сливается, как сладкий говор струй,
В один томительный и долгий поцелуй.

Но замиравшие опять яснеют звуки...
И в песни страстные вторгается струей
Один тоскливый звук, молящий, полный
муки...
Растет он, всё растет, и льется уж рекой...
Уж сладкий гимн любви в одном воспоминанье
Далеко трелится... но каменной стопой
Неумолимое идет, идет страданье —
И каждый шаг его грохочет надо мной...
Один какой-то вопль в пустыне беспредельной
Звучит, зовет к себе... увы! надежды нет!..
Он поет... и среди громов ему в ответ
Лишь жалобный напев пробился
колыбельной...

Пустая комната... убогая постель...
Рыдающая мать лежит, полуживая,
И бледною рукой качает колыбель,
И «баюшки-баю» поет изнемогая...
А вокруг гроза и ночь... вдали под этот вой
То колокол во тьме гудит и призывает,
То, бурей вырванный, из мрака залетает
Вакхический напев и танец удалой...
Несется оргия, кружась в вальсе диком,
И вот страдалница ему отозвалась
Внезапно бешеным и судорожным криком
И в пляску кинулась, безумно веселясь...

Порой сквозь буйный вальс звучит чуть слышным эхом,
Как вопль утопшего, потерянный в волнах,
И «баюшки-баю», и песнь о лучших днях,
Но тонет эта песнь под кликами и смехом
В раскате ярких гамм, где каждая струна
Как веселящийся хохочет сатана —
И только колокол в пустыне бесконечной
Гудит над падшею глаголом кары вечной...

1856

СОН В ЛЕТНЮЮ НОЧЬ

(Апол. Алекс. Григорьеву)

Долго ночью вчера я заснуть не могла,
Я вставала, окно отворяла...
Ночь немая меня и томила и жгла,
Ароматом цветов опьяняла...

Только вдруг шелестнули кусты под окном,
Распахнулась, шумя, занавеска —
И влетел ко мне юноша — светел лицом,
Точно весь был из лунного блеска.

Разодвинулись стены светлицы моей,
Колоннады за ними открылись;
В пирамидах из роз вереницы огней
В алебастровых вазах светились...

Чудный гость подходил всё к постели моей;
Говорил он мне с кроткой улыбкой:
«Отчего предо мною в подушки скорей
Ты нырнула испуганной рыбкой!

Оглянися — я бог, бог видений и грез,
Тайный друг я застенчивой девы...
И блаженство небес я впервые принес
Для тебя, для моей королевы...»

Говорил — и лицо он мое отрывал
От подушки тихонько руками;
И щеки моей край горячо целовал,
И искал моих уст он устами...

Под дыханьем его обессилела я...
На груди разомкнулися руки...
И звучало в ушах: «Ты моя! ты моя!»
Точно арфы далекие звуки...

Протекали часы... я открыла глаза...
Мой покой уж был облит зарею...
Я одна... вся дрожу... распустилась коса...
Я не знаю, что было со мною...

АНАКРЕОН

(И. А. Гончарову)

В день сбиранья винограда
В дверь отворенного сада
Мы на праздник Вакха шли
И — любимца Купидона —
Старика Анакреона
На руках с собой несли.

Много юношей нас было,
Бодрых, смелых, каждый с милой,
Каждый бойкий на язык;
Но — вино сверкнуло в чашах —
Мы глядим — красавиц наших
Всех привлек к себе старик!..

Дряхлый, пьяный, весь разбитый,
Череп розами покрытый —
Чем им головы вскружил?
А они нам хором пели,
Что любить мы не умели,
Как когда-то он любил!

1852

ЮНОШАМ

Будьте, юноши, скромнее!
Что за пыл! Чуть стал живее
Разговор — душа пиров, —
Вы и вспыхнули, как порох!
Что за крайность в приговорах,
Что за резкость голосов!

И напиться не сумели!
Чуть за стол — и охмелели,
Чем и как — вам всё равно!
Мудрый пьет с самосознанием,
И на свет и обоняньем
Оценивает он вино.

Он, теряя тихо трезвость,
Мысли блеск дает и резвость,
Умиляется душой,
И, владея страстью, гневом,
Старцам мил, приятен девам,
И — доволен сам собой.

1852

АЛКИВИАД

Внучек, верь науке деда,
Верь — над женщиной победа
 Нам трудней, чем над врагом.
Здесь всё случай, всё удача!
Сердце женское — задача,
 Не решенная умом!

Ты слышал ли имя Фрины?
Покорялися Афины
 Взгляду гордой красоты, —
Но на нас она взирала,
Как богиня с пьедестала
 Недоступной высоты.

На пирах ее быть званным —
Это честь была избанным;
 Принимала, как сатрап!
Всем серебряные блюда
И хрустальные сосуды,
 И за каждым — черный раб!

Раз был пир... то пир был граций!
Острых слов, импровизаций
 И речей лился каскад...

Мне везло: приветным взглядом
Позвала уж сесть с ней рядом —
Вдруг вошел Алкивиад.

Прямо с оргии он, что ли!
Но, крича, как варвар в поле,
Сшиб в дверях двух скифов с ног,
Оттолкнул меня обидно
И к красавице бесстыдно
На плечо лицом прилег!

Были тут послы, софисты,
И архонты, и артисты...
Он беседой овладел,
Хохотал над мудрецами
И безумными глазами
На прекрасную глядел.

Что тут делать?.. Полны злости,
Расходиться стали гости...
Смотрим — спит он! Та — молчит
И не будит... Что ж? добился!
Ей повеса полюбился,
Да и нас потом стыдит!

АСПАЗИЯ

Что скажут обо мне теперь мои друзья?
Владычица Афин, Периклова подруга,
Которую Сократ почтил названьем друга,
Как девочка, люблю, томлюсь и плачу я...
Всё позабыто — блеск, правленье,
государство,
Дела, политики полезное коварство,
И даже самые лета... но, впрочем, нет!
У женщин для любви не существует лет;
Хоть, говорят, глупа последней страсти
вспышка,
Пускай я — женщина, а он еще мальчишка,
Но счастье ведь не в том, чтобы самой
любить,
И чувством пламенным сгорать
и наслаждаться;
Нет, счастьем его дышать и любоваться,
И в нем неопытность к блаженству
приучить...
А он — он чистое подобье полубога!...
Он робок, он стыдлив и даже дик немного,
Но сколько гордости в приподнятых губах,
И как краснеет он при ласковых словах!
Еще он очень юн: щека блестит атласом,

Но рано слышится в нем страсть повелевать,
И позы любит он героев принимать,
И детский голос свой всё хочет сделать
басом.

На играх победив, он станет как Ахилл!
Но, побежденный, он еще мне больше мил:
Надвинет на чело колпак он свой

фригийский,
И, точно маленький Юпитер Олимпийский,
Глядит с презрением, хотя в душе гроза
И горькою слезой туманятся глаза...
О, как бы тут его прижать к горячей груди
И говорить: «Не плачь, не плачь, то злые
люди...»

В ланиты, яркие румянцем внешних роз,
И в очи целовать, блестящие от слез,
Сквозь этих слез уста заставить улыбаться,
И вместе плакать с ним, и вместе с ним
смеяться!

ПРЕТОР

Как ты мил в венке лавровом,
Толстопузый претор мой,
С этой лысой головой
И с лицом своим багровым!
Мил, когда ты шуришь глаз
Перед пленницей лесбийской,
Что выводит напоказ
Для тебя евну́х сирийский;
Мил, когда тебя несут
Десять ликторов на форум,
Чтоб творить народу суд
И внушать покорность взором!
И люблю я твой порыв,
В миг, когда, в носилках лежа,
С своего ты смотришь ложа,
Как под гусли пляшет скиф,
Выбивая дробь ногами,
Вниз потупя мутный взгляд
И подергивая в лад
И руками и плечами.
Вижу я: ты выбивать
Сам готов бы дробь под стать —
Так и рвется дух твой пылкий!

Покрывало теребя,
Ходят ноги у тебя,
И качаются носилки
На плечах рабов твоих,
Как корабль средь волн морских.

1857

АРКАДСКИЙ СЕЛЯНИН ПУТЕШЕСТВЕННИКУ

Здесь сатиры прежде жили;
Одного мы раз нашли
И живого изловили,
И в деревню привели.

Все смотреть пришли толпами;
Он на корточках сидел
И бесцветными глазами
На людей, дичась, глядел.

Страх однако же унялся;
С нами ел он, пил вино,
Объедался, опивался,
Впрочем, вел себя умно.

Но весна пришла — так мочи
Нам не стало от него.
Не пройдет ни дня, ни ночи
Без лихих проказ его...

Женщин стал ловить и мучить!..
Чуть увидит — задрожит,
Ржет, и лает, и мяучит,
Целоваться норовит.

Стали бить его мы больно;
Он исправился совсем,
Стал послушный, богомольный,
Так что любо было всем.

Бабы с ним смелее стали
Обходиться и играть,
На работы в поле брали,
Стали пряников давать.

Не прошло, однако, года,
Как у всех у нас — дивись —
В козлоногого уroda
Ребятишки родились!

Да! у всех на лбу-то рожки
С небольшой лесной орех,
Козьи маленькие ножки,
Даже хвостики у всех.

К нам в деревню прошлым летом
Русский барин заезжал.
Обо всем услыша этом,
Усмехнувшись, он сказал:

«Хорошо, что мы с папашей
Без хвоста и с гладким лбом,
Быть нначе б дворне нашей
И с рогами и с хвостом».

1853

Послания

Я. И. ПОЛОНСКОМУ

Полонский! суждено опять судьбою злою
Нам розно дни влачить;
Меж тем моя душа сроднилась уж с тобою —
Ей нужно так любить!
Да! в мире для нее нужна душа другая,
Которой бы порой
Хоть знак подать, что мы, друг друга понимая,
Свершаем путь земной!
И часто я, когда иду лесной опушкой
И, прячась за ель,
Стараюсь обмануть искусственной мушкой
Пугливую форель,
И предо мной шумит ручей студенородный,
А ров, где льется он,
Уж тени полн, и пар над ним бежит холодный,
Меж тем как озарен
Вверху растущий лес последним солнца
светом, —
От сердца полноты
Я б перемолвиться желал тогда с поэтом,
И думаю — где ты?
Где ты?.. О, боже мой! ты там, где в оны годы
Беспечно я бродил...

Прости невольный вздох!.. полуденной природы
И Рим я не забыл!..
Обломки красные средь рощи кипарисной,
Под небом голубым, —
Величием своим и грязью живописный,
Он по душе мне, Рим!
Как часто на конях мы римскою долиной
Неслись во весь опор;
Коней остановив, снимали вид руины
И очерк дальних гор,
И града вечного в тумане купол гордый,
А там водопровод
И черных буйволов к нам поднятые морды
В осоке, из болот...
И эти городки, куда в веселье диком,
Как будто ошалев,
Врывались мы потом, преследуемы криком
Старух, детей и дев...
Там с громом подскакав к радушной австории,
Суровых поселян
Напаивали мы, крича «ура!» России,
Ругая Ватикан
И вековой союз монахов и германцев...
А пламенный народ
На ветреную речь безвестных чужестранцев,
Бывало, слезы льет...
Средь этих шалостей высокий труд и дума,
Вазари и Тацит,
И сладостный певец Тибура и Пестума,
И Дант, и Феокрит...
А ночи лунные в руинах Колизея!..
Мне кажется теперь,

Что игры зверские я видел и, немея,
Внимал, как злится зверь,
Как шумно валит чернь, толкаясь на ступени,
При кликах торжества,
А на арене две белеющие тени
Ждут, обнимаясь, льва...
О, дни волшебные! О, годы золотые!
О, как светла тогда
Казалась наших дней над милою Россией
Всходившая звезда!
Где ж сверстники мои? Где Штернберг?
Где Иванов?
Ставассер милый мой?
Где наши замыслы? Где ряд блестящих планов?
Где гений их живой?
Где пышные мечты о русском пантеоне,
Где б наших имена
Сиять должны в веках, как звезды
в небосклоне,
Как вечная весна?...
О, милые мои!.. Слезой не провожая,
Как чуждых всем сирот,
Их Рим похоронил, кого, увы! не зная
Земле он предает!..
А брат мой, милый брат... ах, многие почили!
И имя их звучит
Воспоминанием какой-то чудной были,
И сердце мне щемит...
Все сгибли, полные надеждами святыми
И в блеске сил своих,
И я, осиротев, я плачу и над ними
И над мечтами их!..

Ах, жизнь моя уже печальями богата;
Уже за мной в пути
Есть несколько могил, есть горе и утрата...
Прости мне, друг, прости...
Я больше наводить тоски тебе не буду
Непрошенной слезой,
И в воды быстрые закидываю уду,
На всё махнув рукой.

1858

М. Л. МИХАЙЛОВУ

Урала мутного степные берега,
Леса, тюльпанами покрытые луга,
Амфитеатры гор из сизого порфира,
Простые племена, между которых ты
Сбирал предания исчезнувшего мира,
Далекая любовь, пустынные мечты
Возвысили твой дух: прощающим, любящим
Пришел ты снова к нам — и, чутко
 слышу я,
В стихах твоих, ручьем по камешкам
 журчащим,
Уж льется между строк поэзии струя.

1857

И. А. ГОНЧАРОВУ

Море и земли чужие,
Облик народов земных —
Все предо мной, как живые,
В чудных рассказах твоих.

Север наш бледный, но милый,
Милый затем, что родной,
Ныне опять мне унылой
Вдруг показался тюрьмой.

В сердце судьбы оскорбленья
Злее, что раны горят,
И золотые виденья
В даль голубую манят...

Так над рекою ширяя,
В город, где пыль и гранит,
Белая чайка морская
В солнечный день залетит;

Жадно следим мы очами
Гости нежданной полет —
Точно в тот миг перед нами
Воздухом с моря пахнет.

На воле

ВЕСНА

Голубенький, чистый
Подснежник-цветок!
И подле сквозистый,
Последний снежок...

Последние слезы
О горе былом,
И первые грезы
О счастье ином...

1857

Весна! выставляется первая рама —
И в комнату шум ворвался,
И благовест ближнего храма,
И говор народа, и стук колеса.

Мне в душу повеяло жизнью и волей:
Вон — даль голубая видна...
И хочется в поле, в широкое поле,
Где, шествуя, сыплет цветами весна!

1854

Боже мой! вчера — ненастье,
А сегодня — что за день!
Солнце, птицы! блеск и счастье!
Луг росист, цветет сирень...

А еще ты в сладкой лени
Спишь, малютка!.. О, постой!
Я пойду, нарву сирени,
Да холодной росой

Вдруг на сонную-то брызну...
То-то сладко будет мне
Победить в ней укоризну
Свежей вестью о весне!

1855

Поле зыблется цветами...
В небе льются света волны...
Вешних жаворонков пенья
Голубые бездны полны.

Взор мой тонет в блеске полдня...
Не видать певцов за светом...
Так надежды молодые
Тешат сердце мне приветом...

И откуда раздаются
Голоса их, я не знаю...
Но, им внемля, взоры к небу,
Улыбаясь, обращаю.

1857

ПОД ДОЖДЕМ

Помнишь: мы не ждали ни дождя, ни грома,
Вдруг застал нас ливень далеко от дома;
Мы спешили скрыться под мохнатой елью...
Не было конца тут страху и веселью!
Дождик лил сквозь солнце, и под елью

мшистой

Мы стояли точно в клетке золотистой;
По земле вокруг нас точно жемчуг прыгал;
Капли дождевые, скатываясь с игол,
Падали, блистая, на твою головку,
Или с плеч катились прямо под снуровку...
Помнишь — как всё тише смех наш

становился...

Вдруг над нами прямо гром перекатился —
Ты ко мне прижалась, в страхе очи жмурия...
Благодатный дождик! золотая буря!

1856

ЗВУКИ НОЧИ

О ночь безлунная! . . Стою я, как влюбленный,
Стою и слушаю, тобой обвороженный. . .
Какая музыка под ризою твоей!
Кругом — стеклянный звон лиющихся ключей;
Там — листик задрожал под каплею
алмазной;
Там — пташки полевой свисток однообразный;
Стрекозы, как часы, стучат между кустов;
По речке, в камышах, от топких островов,
С разливом хоры жаб несутся, как глухие
Органа дальнего аккорды басовые,
И царствует над всей гармонией ночной
По ветру то звончей, то в тихом замиранье,
Далекой мельницы глухое клокотанье. . .
А звезды. . . Нет, и там, по тверди голубой,
В их металлическом сияньи и движеньи
Мне чувствуется гул их вечного течения.

1856

В ЛЕСУ

Шумит, звенит ручей лесной,
Лиясь блистающим стеклом
Вокруг ветвей сосны сухой,
Давно, как гать, лежащей в нем.
Вкруг темен лес и воздух сыр;
Иду я, страх едва тая...
Нет! здесь свой мир, живущий мир,
И жизнь его нарушил я...
Вдруг всё свершавшееся тут
Остановилось при мне,
И все следят за мной и ждут,
И злое мыслят в тишине;
И точно любопытный взор
Ко мне отовсюду устремлен,
И слышу я немой укор,
И дух мой сдавлен и смущен.

1857

Маститые, ветвистые дубы,
Задумчиво поникнув головами,
Что старцы древние на вече пред толпами,
Стоят, как бы решая их судьбы.
Я тщетно к ним прислушиваюсь шуму:
Всё не поймать мне тайны их бесед...
Ах, жаль, что подле них тут резвой речки нет:
Она б давно сказала мне их думу...

1870

ГОЛОС В ЛЕСУ

Давно какой-то девы пенье
В лесу преследует меня,
То замирая в отдаленье,
То гулко по лесу звеня.

И возмущен мечтой лукавой,
Смотрю я в чашу, где средь мглы
Блестят на солнце листья, травы
И сосен красные стволы.

Идти ль за девой молодою?
Иль сохранить, в душе тая,
Тот милый образ, что мечтою
Под чудный голос создал я?..

1856

Всё вокруг меня как прежде —
Пестрота и блеск в долинах...
Лес опять тенист и зелен,
И шумит в его вершинах...

Отчего ж так сердце ноет,
И стремится, и болеет,
Неиспытанного просит
И о прожитом жалеет?

Не начать ведь жизнь с начала —
Даром сила растерялась,
Да и попусту растратишь
Ту, которая осталась...

А вокруг меня, как прежде,
Пестрота и блеск в долинах!
Лес опять тенист и зелен,
И шумит в его вершинах!..

1857

ЖУРАВЛИ

От грустных дум очнувшись, очи,
Я поднимаю от земли:
В лазури темной к полуночи
Летят станией журавли.

От криков их на небе дальном
Как будто благовест идет —
Привет лесам патриархальным,
Привет знакомым плесам вод!..

Здесь этих вод и лесу вволю,
На нивах сочное зерно...
Чего ж еще? ведь им на долю
Любить и мыслить не дано...

1855

БОЛОТО

Я целый час болотом занялся.
Там белоус торчит, как щетка, жесткий;
Там точно пруд зеленый разлился;
Лягушка, взгромоздясь, как на подмости,
На старый пень, торчащий из воды,
На солнце нежится и дремлет... Белым
Пушком одеты тощие цветы;
Над ними мошки вьются роем целым;
Лишь незабудок сочных бирюза
Кругом глядит умильно мне в глаза,
Да оживляют бедный мир болотный
Порханье белой бабочки залетной
И хлопоты стрекозок голубых
Вокруг тростинки тощих и сухих.
Ах! прелесть есть и в этом запустенье!..
А были дни, мое воображение
Пленял лишь вид подобных тучам гор,
Небес глубоких праздничный простор,
Монастыри да белых вилл ограда
Под зеленью плюща и винограда...
Или луны торжественный восход
Между колонн руины молчаливой,
Над серебром с горы падучих вод...

Мне в чудные гармоний переливы
Слагался рев катящихся зыбей;
В какой-то мир вводил он безграничный,
Где я робел душою непривычной,
И радостно присутствие людей
Вдруг ощущал, сквозь этот гул упорный,
По погремушкам выючных лошадей,
Тропинкою спускающихся горной...
И вот — теперь такую же мечтой
Душа полна, как и в былые годы,
И так же здесь заманчиво со мной
Беседует таинственность природы.

1856

ПЕЙЗАЖ

Люблю дорожкой лесною,
Не зная сам куда, брести;
Двойной глубокой колею
Идешь — и нет конца пути...
Кругом пестреет лес зеленый;
Уже румянит осень клены,
А ельник зелен и тенист;
Осинник желтый бьет тревогу;
Осыпался с березы лист
И, как ковер, устлал дорогу...
Идешь как будто по водам —
Нога шумит... а ухо внемлет
Малейший шорох в чаще, там,
Где пышный папоротник дремлет,
А красных мухоморов ряд
Что карлы сказочные спят...
Уж солнца луч ложится косо...
Вдали проглянула река...
На тряской мельнице колеса
Уже шумят издалека...
Вот на дорогу выезжает
Тяжелый воз — то промелькнет
На солнце вдруг, то в тень уйдет...

И криком кляче помогает
Старик, а на возу — дитя,
И деда страхом тешит внучка;
А хвост пушистый опустя,
Вкруг с лаем суетится жучка,
И звонко в сумраке лесном
Веселый лай идет кругом.

1853

ЛАСТОЧКИ

Мой сад с каждым днем увядает;
Помят он, поломан и пуст,
Хоть пышно еще доцветает
Настурций в нем огненный куст...

Мне грустно! меня раздражает
И солнца осеннего блеск,
И лист, что с березы спадает,
И поздних кузнечиков треск.

Взгляну ль по привычке под крышу —
Пустое гнездо над окном;
В нем ласточек речи не слышу;
Солома обветрилась в нем...

А помню я, как хлопотали
Две ласточки, строя его!
Как прутики глиной скрепляли
И пуху таскали в него!

Как весел был труд их, как ловок!
Как любо им было, когда
Пять маленьких, быстрых головок
Выглядывать стали с гнезда!

И целый-то день говоруньи,
Как дети, вели разговор...
Потом полетели, летуньи!
Я мало их видел с тех пор!

И вот — их гнездо одиноко!
Они уж в иной стороне —
Далеко, далеко, далеко...
О, если бы крылья и мне!

1856

Осенние листья по ветру кружат,
Осенние листья в тревоге вопят:
«Всё гибнет, всё гибнет! ты черен и гол,
О лес наш родимый, конец твой пришел!»

Не слышит тревоги их царственный лес.
Под темной лазурью суровых небес
Его спеленали могучие сны,
И зреет в нем сила для новой весны.

1864

ОСЕНЬ

Кроет уж лист золотой
Влажную землю в лесу...
Смело топчу я ногой
Вешнюю леса красу.

С холоду щеки горят:
Любо в лесу мне бежать,
Слышать, как сучья трещат,
Листья ногой загребать!

Нет мне здесь прежних утех!
Лес с себя тайну совлек:
Сорван последний орех,
Свянул последний цветок;

Мох не приподнят, не взрыт
Грудой кудрявых груздей;
Около пня не висит
Пурпур брусничных кистей.

Долго на листьях лежит
Ночи мороз, и сквозь лес
Холодно как-то глядит
Ясность прозрачных небес...

Листья шумят под ногой;
Смерть стелет жатву свою...
Только я весел душой —
И, как безумный, пою!

Знаю, недаром средь мхов
Ранний подснежник я рвал;
Вплоть до осенних цветов
Каждый цветок я встречал:

Что им сказала душа,
Что ей сказали они, —
Вспомню я, счастьем дыша,
В зимние ночи и дни!

Листья шумят под ногой;
Смерть стелет жатву свою...
Только я весел душой —
И, как безумный, пою!

И город вот опять! Опять сияет бал,
И полн жужжания, как улей, светлый зал!
Вот люди, вот та жизнь, в которой

обновленья
Я почерпнуть рвался из сельской тишины...
Но, боже! как они ничтожны и смешны!
Какой в них жалкий вид тоски

и принужденья!
И слушаю я их... душа моя скорбит!
Под общий уровень ей подогнуться трудно;
А резвая мечта опять меня манит
В пустыни божии из сей пустыни людной...
И неба синего раздолье вижу я,
И жаворонок в нем звенит на полной воле,
А колокольчиков бесчисленных семья
По ветру зыблется в необозримом поле...
То речка чудится, осыпавшийся скат,
С которого торчит корней мохнатых ряд
От леса, наверху разросшегося дико.
Чу! шорох — я смотрю: вокруг гнилого пня,
Над муравейником, алеет земляника,
И ветки спелые манят к себе меня...
Но вижу — разобрав тростник сухой и тонкий,
К пурпурным ягодам две бледные ручонки
Тихонько тянутся... как легкий, резвый сон,
Головка детская является, роняя

Густые локоны, серебристые, как лен...
Одно движение — и нимфочка лесная,
Мгновенно оробев, малиновки быстрее,
Скрывается среди качнувшихся ветвей.

1856

МЕЧТАНИЯ

Пусть пасмурный октябрь осенней дышит
стужей,
Пусть сеет мелкий дождь или порою град
В окошки звякает, рябит и пенит лужи.
Пусть сосны черные, качаяся, шумят,
И даже без борьбы, покорно, незаметно,
Сдает угрюмый день, больной и
бесприветный.

Природу грустную ночной холодной мгле, —
Я одиночества не знаю на земле.
Забившись на диван, сижу; воспоминанья
Встают передо мной; слагаются из них
В волшебном очерке чудесные создания,
И люди движутся, и глубже каждый миг
Я вижу души их, достоинства их мерю,
И так уж наконец в присутствие их верю,
Что даже кажется, их видит черный кот,
Который, поместясь на стол, под образами,
Подымет морду вдруг и желтыми глазами
По темной комнате, мурлыча, поведет...

1855

Из дневника

Люблю, если, тихо к плечу моему головой
 прислонившись,
 С любовью ты смотришь, как, очи потупив,
 я думаю думу,
 А ты угадать ее хочешь. Невольно,
 проникнут тобою,
 Я очи к тебе обращаю и с твоими встречаюсь
 очами;
 И мы улыбнемся безмолвно, как будто бы
 в сладком молчаньи
 Мы мыслью сошлись и много сказали
 улыбкой и взором.

1850

Истомленная горем, все выплакав слезы,
На руках у меня, как младенец, ты спишь:
На лице твоём кротком последняя дума
С неотертой последней слезинкой дрожит.
Ты заснула, безмолвно меня укоряя,
Что бесчувствен к слезам я казался твоим...
Не затем ли сквозь сон ты теперь улыбнулась,
Точно слышишь, что, грустно смотря
на тебя,
Тихо нянча тебя на руках, как младенца,
Я страдаю, как ты, и заплакать готов?

1851

Порывы нежности обуздывать умея,
На ласки ты скупа. Всегда собой владея,
Лелеешь чувство ты в безмолвии, в тиши,
В святилище больной, тоскующей души...
Я знаю, страсть в тебе питается слезами.
Когда ж, измучена ревнивыми мечтами,
Сомненья, и тоску, и гордость побеждая,
Отдашься сердцу ты, как слабое дитя,
И жмешь меня в своих объятиях, рыдая, —
Я знаю, милый друг, не может так другая
Любить, как ты! Нет слов милее слов
твоих,
Нет искреннее слез и клятв твоих немых,
Красноречивее — признанья и укора,
Признательнее нет и глубже нету взора,
И нет лобзания сильнее твоего,
Которым бы сказать душа твоя желала,
Как много любишь ты, как много ты страдала.

1852

Точно голубь светлою весною,
Ты веселья нежного полна,
В первый раз, быть может, всей душою
Долго сжатой страсти предана...

И меж тем как музыкою счастья
Упоен, хочу я в тишине
Этот миг, как луч среди ненастья,
Охватить душой своей вполне,

И молчу, чтоб не терять ни звука,
Что дрожат в сердцах у нас с тобой, —
Вижу вдруг — ты смолкла, в сердце мука,
И слеза струится за слезой.

На мольбы сказать мне, что проникло
В грудь твою, чем сердце сражено,
Говоришь: ты к счастью не привыкла,
И страшит тебя — к добру ль оно?..

Ну так что ж? пусть снова идут грозы!
Солнце вновь вослед проглянет им,
И тогда страдания и слезы
Мы опять душой благословим.

Дочери

Она еще едва умеет лепетать,
Чуть бегать начала, но в маленькой
 плутовке
Кокетства женского уж видимы уловки.
Зову ль ее к себе, хочу ль поцеловать,
И трачу весь запас ласкающих названий —
Она откинется, смеясь, на шею няни,
Старушку обовьет руками горячо,
И обе щеки ей целует без пощады,
Лукаво на меня глядит через плечо
И тешится моей ревнивою досадой.

Не может быть! Не может быть!
Она жива!.. сейчас проснется...
Смотрите: хочет говорить,
Откроет глазки, улыбнется,
Меня увидит, обоймет —
И, вдруг поняв, что́ плач мой значит,
Ласкаясь, нежно мне шепнет:
«Какой смешной! о чем он плачет!..»

Но нет!.. лежит... тиха, нема,
Недвижна...

НА БЕРЕГАХ НОРМАНДИИ

Большое, тихое дитя
Сидит на берегу, следя
Большими, умными глазами
За золотыми облаками...

Вкруг берег пуст — скала, песок...
Тростник, накиданный волною,
В поморье тянется каймою...
И так покой кругом глубок,

Так тих ребенок, что садится
Вблизи его на тростнике,
Играя, птичка; на песке
По мели рыбка серебрится...

К ним взор порою обратя,
Так улыбается дитя,
Глядит на них с таким участием,
И так сияет кротким счастьем,

Что если, бедный, промелькнет
Он на земле как гость залетный

АЛЬПИЙСКИЕ ЛЕДНИКИ

Сырая мгла лежит в ущелье,
А там — как призраки легки,
В стыдливом девственном веселье,
В багрянцах утра — ледники!

Какою жизнью веет новой
Мне с этой снежной вышины,
Из этой чистой, бирюзовой
И света полной глубины!

Там, знаю, ужас обитает,
И нет людского там следа, —
Но сердце точно отвечает
На чей-то зов: «туда! туда!»

1859

Здесь весна, как художник уж славный, работает
тихо,
От цветов до других по неделе проходит и боле.
Словно кончит картину и публике даст наглядеться,
Да и публика знает маэстро — и уж много о нем
не толкует:
Репутация сделана: бюст уж его в Пантеоне.
То ли дело наш Север! весна, как волшебник
нежданный,
Пронесется в лучах, и растопит снега и угонит,
Словно взмахом одним с яркой озими сдернет
покровы,
Вздует почки в лесу, и — цветами уж зыблется
поле!
Не успеет крестьянин промолвить: «Никак нынче
ведро»,
Как — и соху справляй, и сырую разрыхливай
землю!
А на небе-то, господи, праздник, и звон,
и веселье!
И летят надо всею-то ширью от моря и дó моря
птицы —
К зеленым беспредельным, к широким зеркальным
разливам!

Выбирай лишь, где больше приволья в воде им
и в лесе!
И кричат как, завидя знакомые реки и дебри,
И с соломенных крыш беловатый дымок над
полянкой!..
Унеси ты, волшебник, скорее меня в это царство,
Где по утренним светлым зарям бодро дышится
грудь,
Где пред ликом господних чудес умиляется
всякое сердце...

1859, Неаполь

ДВА КАРЛИНА

«Эй, синьор! хоть два карлина
Дайте мне за что-нибудь!
Спеть вам — *Bella Sorrentina*?¹
Или пыль с сапог стряхнуть?

Боже мой! с какою злобой
Вы кричите: негодяй!
Здесь Неаполь! здесь особый
И народ и самый край!

Много есть народов умных,
Но философ — наш один,
Хоть живет средь улиц шумных,
Как поэт и арлекин!

Богачи и ладзароны —
Все одна душа! у всех
Счастье — те же макароны,
Те же песни, тот же смех!

¹ Прекрасная сорентинка (итал.). — *Ред.*

Наши песни — что их краше?
Как цветы из недр земных,
Из груди певучей нашей
Так и тянет солнце их!

Смех нам хартия! захочет
Деспот сжать нас — смех уж тут:
Знак, два слова — и хохочет
Весь Неаполь, всякий люд!

Мирно с церковью он ладит,
Да и церковь ко двору!
Для него мадонну рядит,
Как невесту на пиру!

Галлы, немцы, арагонцы
Спор вели из-за него —
Он, от всех ловя червонцы,
Не стоял ни за кого!

Возвестил ему свободу
Гарибальди — *perché* по? ¹
Были б праздники народу,
Были б песни и вино!

Всё равно, кто правит нами —
Тот иль этот!.. Здесь один
Над рабами и царями
Есть повыше господин...

¹ Почему не?.. (итал.) -- *Perd.*

Вон — чудовище! — открыло
К ночи огненную пасть...
Точно ждет, собираясь с силой,
Только знака, чтоб напасть!

Не минуем верной кары!
Нынче ль, завтра ль — всё одно!..
Уж подземные удары
Ночью будят нас давно,

И колеблющейся лентой
По прозрачным небесам
От Пуццоло до Сорренто
Дым стоит и здесь и там...

Всё, что дышит, — гибель чует,
И, бояся опоздать,
Веселится и ликует...
Человеку ль отставать?

Лучше петь, забывши горе,
Перед часом роковым,
Как поглотит огонь иль море
Почву шаткую под ним...

Ах, ужасная картина!
Вдруг порвется жизни нить...
Так что... ваши два карлина...
Перед смертью, может быть!»

1858—1859

ТАРАНТЕЛЛА

(На голос: „Cià la luna è mezz'al mare...“¹)

Нина, Нина, тарантелла!
Старый Чьеко уж идет!
Вон уж скрипка загудела!
В круг становится народ!
Приударил Чьеко старый...
Точно птички на зерно,
Отовсюду мчатся пары!..
Вон — уж кружатся давно!

Как стройна, гляди, Аглая!
Вот помчались в круг живой —
Очи долу, ударяя
В тамбурин над головой!
Ловок с нею и Дженнаро!..
Вслед за ними нам — смотри!
После тотчас третья пара...
Ну, Нинета... раз, два, три...

Завязалась, закипела,
Всё идет живей, живей,
Обуяла тарантелла
Всех отвагою своей...

¹ Уже луна посреди моря... (итал.). — *Ред.*

Эй, простору! шибче, скрипки!
Юность мчится! с ней цветы,
Беззаботные улыбки,
Беззаветные мечты!

Эй, синьор, синьор! угодно
Вам в кружок наш, может быть?
Иль свой сан в толпе народной
Вы боитесь уронить?
Ну, так мимо!.. шибче, скрипки!
Юность мчится! с ней цветы,
Беззаботные улыбки,
Беззаветные мечты!

Вы, синьора? Вы б и рады,
К нам сердечко вас зовет...
Да снуровка без пощады
Вашу грудь больную жмет...
Ну, так мимо!.. шибче, скрипки!
Юность мчится! с ней цветы.
Беззаботные улыбки,
Беззаветные мечты!

Вы, философ! дайте руки!
Не угодно ль к нам сюда!
Иль кто раз вкусил науки —
Не смеется никогда?
Ну, так мимо!.. шибче, скрипки!
Юность мчится! с ней цветы,
Беззаботные улыбки,
Беззаветные мечты!

Ты что смотришь так сурово,
Босоногий капуцин!
В сердце памятью былого,
Чай, отдался тамбурин?
Ну — так к нам — и шибче, скрипки!
Юность мчится! с ней цветы,
Беззаботные улыбки,
Беззаветные мечты!

Словно в вихре мчатся пары,
Не сидится старикам...
Расходилса Чьеко старый
И подплясывает сам...
Мудрено ль! вокруг старой скрипки
Так и носятся цветы,
Беззаботные улыбки,
Беззаветные мечты!

Не робейте! смейтесь дружно!
Пусть детьми мы будем век!
Человеку знать не нужно,
Что такое человек!..
Что тут думать!.. шибче, скрипки!
Наши — юность и цветы,
Беззаботные улыбки,
Беззаветные мечты!

1858—1859

Душно! иль опять сирокко?
И опять залив кипит,
И дыхание Сахары
В бурях тучах вихорь мчит?

В лицах страх, недоумение...
Средь безмолвных площадей
Люди ждут в томленьи страстном,
Грянул гром бы поскорей...

Чу! уж за морем он грянул!
И Сицилия горит!
Знамя светлое свободы
Уж над островом стоит!

Миг еще — конец тревоги,
Ожиданья и тоски,
И народ вкруг Гарибальди
Кинет в воздух колпаки!

<1858>

Народный вождь вступает в город...
Всё ближе он... всё громче крик...
И вот он сам, среди этих криков
От счастья тих... о, чудный миг!

К нему все рвутся, как на приступ;
Но вот дорвалась одна —
И уж с цветком из рук героя
Уходит, гордая, она!

О, сколько там, в стране туманов,
Среди вечных будничных тревог,
Напомнит Мери этот скромный,
С трудом доставшийся цветок —

И загорелый лик героя,
И пестрых волн народных плеск,
И вокруг на всем, с высот лазурных,
Луча полуденного блеск!

МАТЬ

«Бедный мальчик! весь в огне,
Всё ему неловко! —
Ляг на плечико ко мне,
Прислонись головкой!
Я с тобою похожу...
Подремли, мой мальчик,
Хочешь, сказочку скажу:
Жил-был мальчик с пальчик...
Нет! не хочешь?.. сказки — вздор!
Песня лучше будет...
*Зашумел сыр-темен бор,
Лис лисичку будит;
Во сыром-темном бору...
Задремал мой крошка!..*
*...Я малинки наберу
Полное лукошко...
Во сыром-темном бору...
Тише! засыпает...
Словно птенчик, всё в жару
Губки открывает...»*
«*Во сыром бору*» поет
Мать, и ходит, ходит...

Тихо, долго ночь идет...

Ночь уж день выводит —

Мать поет... рука у ней

Затекла, устала,

И не раз слезу с очей

Бедная роняла...

И едва дитя, в жару,

Вздвогнув, встрепется —

«Во темном-сыром бору»

Снова раздается...

Отклони удар, уйди,

Смерть с своей косою!

Мать дитя с своей груди

Не отдаст без бою!

Заслонит, средь всех тревог,

Всей душой своею

Жизни чудный огонек,

Что затеплен ею!

И едва он засветил —

Вдруг ей ясно стало,

Что любви, что чудных сил

Сердце в ней скрывало!..

ВЕСНА

Посвящается Коле Трескину

Уходи, Зима седая!
Уж красавицы Весны
Колесница золотая
Мчится с горной вышины!

Старой спорить ли, тщедушной,
С ней — царицею цветов,
С целой армией воздушной
Благовонных ветерков!

А что шума, что гуденья,
Теплых ливней и лучей,
И чиликанья, и пенья!..
Уходи себе скорей!

У нее не лук, не стрелы,
Улыбнулась лишь — и ты,
Подобрав свой саван белый,
Поползла в овраг, в кусты!..

Да найдут и по оврагам!
Вон уж пчел рой шумят,
И летит победным флагом
Пестрых бабочек отряд!

1881

ЛЕТНИЙ ДОЖДЬ

«Золото, золото падает с неба!» —
Дети кричат и бегут за дождем...
— Полноте, дети, его мы сберем,
Только сберем золотистым зерном
В полных амбарах душистого хлеба!

1856

СЕНОКОС

Пахнет сеном над лугами...
В песне душу веселя,
Бабы с граблями рядами
Ходят, сено шевеля.

Там — сухое убирают:
Мужички его кругом
На воз вилами кидают...
Воз растет, растет, как дом...

В ожиданьи конь убогий
Точно вкопанный стоит...
Уши врозь, дугою ноги
И как будто стоя спит...

Только жучка удалая
В рыхлом сене, как в волнах,
То взлетая, то ныряя,
Скачет, лая впопыхах.

1856

НОЧЬ НА ЖНИТВЕ

Густеет сумрак, и с полей
Уходят жницы... Уж умолк
Вдали и плач, и смех детей,
Собачий лай и женский толк.

Ушел рабочий караван...
И тишина легла в полях!..
Как бесконечный ратный стан,
Кругом снопы стоят в копнах;

И задымилася роса
На всем пространстве желтых нив,
И ночь взошла на небеса,
Тихонько звезды засветив.

Вот вышел месяц молодой...
Одно, прозрачное, как дым,
В пустыне неба голубой
Несется облачко пред ним:

Как будто кто-то, неземной,
Под белой ризой и с венцом
Над этой нивой трудовой
Стоит с серебряным серпом,

И шлет в сверкании зарниц
Благословенье, на поля:
Вознаградила б страду жниц
Их пóтом влажная земля.

1862

В СТЕПЯХ

1

НОЧНАЯ ГРОЗА

Ну, уж ночка! Воздух жгучий
Не шелóхнется! Кругом
Жарко вспыхивают тучи
Синей молнии огнем.

Словно смотр в воздушном стане
Духам тьмы назначен! Миг —
И помчится в урагане
По рядам владыка их!

То-то грянет канонада —
Огнь и гром, и дождь и град,
И по степи силы ада
С диким свистом полетят!..

Нет, при этаким невзгодье,
В этом мраке, предоставь
Всё коню! отдай поводья
И не умничай, не правь:

Ровно, ровно, верным шагом,
Не мечая как шальной,
По равнинам, по оврагам,
Он примчит тебя домой. . .

2

РАССВЕТ

Вот — полосой зеленоватой
Уж обозначился восток;
Туда — тепло и ароматы
Помчал со степи ветерок;

Бледнеют тверди голубые;
На горизонте — всё черней
Фигуры, словно вырезные,
В степи пасущихся коней. . .

3

Мой взгляд теряется в торжественном
просторе. . .

Сияет ковыля серебряное море
В дрожащих радугах — незримый хор
певцов

И степь и небеса весельем наполняет,
И только тень порой от белых облаков
На этом празднике, как дума, пролетает.

ПОЛДЕНЬ

Пар полуденный, душистый
 Подымается с земли...
 Что ж за звуки в серебристой
 Всё мне чудятся дали?

И в душе моей, как тени
 По степи от облаков,
 Ряд проносится видений,
 Рой каких-то давних снов.

Орды ль идут кочевые?
 Рев верблюдов, скрип телег?..
 Не стрельцы ль сторожевые?
 Не казацкий ли набег?

Полоняночка ль родная
 Песню жалкую поет
 И, татарченка качая,
 Голос милым подает?..

СТРИБОЖЬИ ВНУКИ

«Се ветри, Стрибожьи внуци, веют с моря...
 на силы Дажьбожьа внука, храбрых Русичей».
«Слово о полку Игореве»

Стрибожьи чада! Это вы
 Несетесь с шумом над степями,
 Почти касаяся крылами

Под ними гнушейся травы?
Чего вам надо? Эти степи
Уже не те, что в дни, когда
Здесь за ордою шла орда,
Неся на Русь пожар и цепи!
Ушел далеко Черный Див
Перед Дажьбожьими сынами,
Им, чадам Света, уступив
Свое господство над степями!
И Солнца русые сыны
Пришли — и степь глядит уж садом...
Там — зреют жатвы; убраны
Там холмы синим виноградом;
За весью весь стоит; косцов
Несется песня удалая,
И льется звон колоколов
В степи от края и до края...
И слух пропал о временах,
Когда, столь грозное, бывало,
Здесь царство темное стояло;
И путник мчится в сих местах,
Стада овец порой пугая,
Нигде засад не ожидая;
Спокойно тянутся воли;
И падших ратей ищут тщетно
В степи, на клёкт их безответной,
С высот лазуревых орлы.

Страны и народы

Сидели старцы Илиона
В кругу у городских ворот;
Уж длится града оборона
Десятый год, тяжелый год!
Они спасенья уж не ждали,
И только павших поминали,
И ту, которая была
Виною бед их, — проклинали:
«Елена! ты с собой ввела
Смерть в наши дома! ты нам пленя
Готовишь цепи!!!...»

В этот миг
Подходит медленно Елена,
Потупя очи, к сонму их;
В ней детская сияла благодать
И думы легкой чистота;
Самой была как будто в тягость
Ей роковая красота...
Ах, и сквозь облако печали
Струится свет ее лучей...
Невольно, смолкнув, старцы встали
И расступились перед ней.

1869

РЫЦАРЬ

(Из *Bertrand de Born*)

Смело, не потупя взора,
Но как праведник, на суд
К вам являюсь я, синьора,
И скажу одно: вам лгут.
Пусть при первом же сраженьи
Я бегу, как подлый трус;
Пусть от вас я предпочтенья
Пред соперником лишусь;
Пусть в азарте, в чет и нѣчет,
Всѣ спущу я — меч, коня,
Латы, зámки и поля;
Пусть мной выхоженный кречет
На глазах моих с высот
Нáземь камнем упадет,
В бой вступив в воздушном поле
С целой стайей соколов;
Наконец, я сам готов
Сгнить у мавров в злой неволе
От истомы и оков, —
Коль не ложь — моя измена,
Не гнуснейшая из лжей,
Что я рвусь уйти из плена
У владычицы моей.

1860-е годы

ИЗ ПЕТРАРКИ

Когда она вошла в небесные селенья,
Ее со всех сторон собор небесных сил,
В благоговении и тихом изумленьи,
Из глубины небес слетевшись, окружил.
«Кто это? — шепотом друг друга вопрошали. —
Давно уж из страны порока и печали
Не восходило к нам, в сияньи чистоты,
Столь строго девственной и светлой кр̑соты».

И, тихо радуясь, она в их сонм вступѣет,
Но, замедляя шаг, свой взор по временам
С заботой нежною на землю обращает,
И ждет, иду ли я за нею по следам...
Я знаю, милая! Я день и ночь на страже!
Я господу молю! молю и жду — когда же?

1860

ИЗ ГАФИЗА

Встрепенись, взмахни крылами,
Торжествуй, о сердце, пой,
Что опутано сетями
Ты у розы огневой,
Что ты в сети к ней попалось,
А не в степи к мудрецам,
Что не им внимать досталось
Дивным песням и слезам;
И хоть слез, с твоей любовью,
Ты моря у ней прольешь
И из ран горячей кровью
Всё по капле изойдешь, —
Но зато умрешь мгновенно
Вместе с песнею своей
В самый пыл — как вдохновенный
Умирает соловей.

1875

ИЗ ИСПАНСКОЙ АНТОЛОГИИ

1

Эти черные два глаза
С их глубоким, метким взглядом —
Два бандита с наведенным
Из засады карабином.

2

Против глаз твоих ничуть,
Верь, я злобы не питаю.
На меня ведь им взглянуть
Страх как хочется, я знаю.
Это — ты в душе своей
Строишь ковы! ты хлопчешь
О гибели моей —
И позволить им не хочешь.

3

Я — король. Ты — королева.
Мы в войне. Я главных сил,
И фельдмаршала их Гнева,
Не боюсь. Я б их разбил.
Но как двинешь ты резервы,
В бой войти велишь слезам —

Тут беда! пожалуй, первый
Брошусь я к твоим ногам!..

4

Эти очи — свет со тьмою,
Очи, полные зарниц!
Окаймленные густою
Ночью черною ресниц!
Но — был миг — и ночь вдруг стала
Раздвигаться, мрак исчез —
И мне в сердце засияла
Глубина святых небес.

5

Холодный, смертный приговор
Твои глаза мне произносят;
Мои ж, снедая свой позор,
Лишь о помилованьи просят.

6

В тихой думе, на кладбище,
Златокудрое дитя,
Ты стоишь, к холмам печальным
Кротко очи опустя.
Знаешь? Спящим тут во мраке,
В забытье глубоком их,
Снится в райском ореоле
Светлый ангел в этот миг.

ДВЕ БЕЛОРУССКИЕ ПЕСНИ

1

ПЕТРУСЬ

Ой, худые вести
Люди приносили.
Бедного Петруся
До смерти забили;
А за что ж забили?
За вину какую?
От своей-то женки
Полюбил чужую!
Как же мог подумать
О такой он пани?
Пани — вся в атласах,
Ты ж — в худом кафтане!
Пани трех служанок
За Петрусем слала;
Не дождалась пани,
В поле поскакала:
«Ой, бросай, Петрусик,
Соху середь поля!
Пана нету дома —
Полная нам воля!»

Верные холопы
Пана повестили;
Панские хоромы
Крепко оцепили.
Выглянула пани,
Видит — хлопков кучи;
Панский конь весь в мыле,
Пан — чернее тучи...
«Серденько Петрусик,
Утекай скорее!
Пан приехал: тучи
Громовой чернее!»
Чуть Петрусь до двери —
Засвистали плети:
Бьют и бьют Петруся
Час, другой и третий.
Парень уж не дышит;
Хлопцы бить устали,
За бока Петруся
Взяли, подымали,
Понесли к Дунаю...
Быстр Дунай раскрылся...
«Вот тебе, голубчик,
Что пригож родился!»

Вельможная пани
В сени выходила;
Пани рыболовам
По рублю дарила:
«Будет вам и больше!
Рыбачкй, — идите,

Моего Петруся
Тело изловите!»

Рыбаки искали
В омуте и тине —
И нашли Петруся
В Жалинской долине;
Некого им к пани
Вестником отправить,
Чтобы приезжала
Похороны справить.
Вельможная пани
Бродит, как шальная;
О своем Петрусе
Плачет мать родная;
Плачет мать родная
Горькими слезами;
Вельможная сыплет
Белыми рублями:
«Ой, не плачь ты, мати,
Пусть одна я плачу!
Жизнь и панство с сыном
Я твоим утрачу!»

И ходила пани
Борами, лесеми;
Щеки обливала
Жаркими слезами;
Все об остры камни
Ноженьки избила;
Бархатное платье
По росе смочила.

Ходит пан по рынку,
Тяжело вздыхает;
На себя сам горько
Плачется, пеняет:
«Ведай-ко я прежде
Про такую долю,
Не мешал Петрусю 6
Тешиться я вволю!»

2

«Ой, сынки мои, соколы мои,
Доченьки-голубоньки!
Как придет мой час, помирать начну,
Соберитесь вокруг меня!»

Ходят в горенке, сынки шепчутся,
Как им мать хоронить;
Ходят в горенке, зятя шепчутся,
Как добро разделить;

Ой, а доченьки, что голубоньки,
Вкруг матушки вьются!
А невестушки ходят в горенке,
Над ними смеются.

1870

СОН НЕГРА

(Из Лонгфелло)

Измучен зноем и трудом,
Он нáземь бросился ничком...
Недвижно рис над ним стоял.
Палимый зноем, он дремал...
То был ли бред, то был ли сон —
Родимый край увидел он.

Увидел он: в степи глухой
Несется Нигер голубой;
Под сенью пальм стоят шатры;
К ним караван ползет с горы,
И люди веселы кругом:
Он в том народе был царем.

Среди цветов стоит жена,
Толпой детей окружена;
И дети к ней, ласкаясь, льнут,
И в лес, отца искать, зовут...
И вот сквозь сон, горячий сон,
В бреду заплакал тихо он...

И снова чудится во сне:
На борзom мчится он коне.

Как вольный вихорь, конь летит,
Взбивая прах из-под копыт,
Златою сбруею звеня, —
И сабля бьет в бока коня...

Что миг — свободней дышит груды!
Что шаг — торжественнее путь,
Всё ближе горы. Лев рычит,
Кричит гиена, змей свистит,
И тяжело по тростникам
Идет в реке гиппопотам.

Под небом темно-голубым
Фламинго красный, перед ним
Несясь вдали, крылами бьет,
Как знамя красное, — и вот
Ему открылся кафров стан,
И в очи глянул океан!

И встал он там, и слышит: вдруг,
Подобный трубам, мощный звук
Поколебал и дол, и лес,
И глубь пустынь, и глубь небес...
То звал к свободе из оков
Великий дух своих сынов.

И вздрогнул он, услыша клич...
И уж не чувствовал, как бич
По нем скользнул и как ногой
Его толкнул хозяин злой,
Как он, сдавив досады вздох,
Пробормотал потом: «Издых!...»

КУПАЛЬЩИЦЫ

(Мелодия с берегов Ганга)

• Люблю тебя, месяц, когда озаряешь
Толпу шаловливых красавиц, идущих
С ночного купанья домой!

Прекрасен ты, воздух, неся издалека,
С венков их роскошных волну аромата,
Их нам возвещая приход.

Прекрасно ты, море, когда твою свежесть
Я слышу у них на груди и ланитах,
И в черных, тяжелых косах...

1862

Из крымских сонетов Мицкевича

АККЕРМАНСКИЕ СТЕПИ

В простор зеленого врываю океана;
Телега, как ладья в разливе светлых вод,
В волнах шумящих трав, среди цветов плывет,
Минуя острова колючего бурьяна.

Темнеет; впереди — ни знака, ни кургана.
Вверяясь лишь звездам, я двигаюсь вперед...
Но что там? облако ль? денницы ли восход?
Там Днестр; блеснул маяк, лампада Аккермана.

Стой!.. Боже, журавлей на небе слышен лет,
А их — и сокола б не уловило око!
Былинку мотылек колеблет; вот ползет

Украдкой скользкий уж, шурша в траве
высокой, —
Такая тишина, что зов с Литвы б далекой
Был слышен... Только нет, никто не позовет!

1869

БАЙДАРСКАЯ ДОЛИНА

Скачу, как бешеный, на бешеном коне;
Долины, скалы, лес мелькают предо мною,
Сменяясь, как волна в потоке зѣ волною...
Тем вихрем образов упиться — любо мне!

Но обессилел конь. На землю тихо льется
Таинственная мгла с темнеющих небес,
А пред усталыми очами всё несется
Тот вихрь образов — долины, скалы, лес...

Всё спит, не спится мне — и к морю я сбегаю;
Вот с шумом черный вал подходит; жадно я
К нему склоняюсь и руки простираю...

Всплеснул, закрылся он; хаёс повлек меня —
И я, как в бездне челн крутимый, ожидаю,
Что вкусит хоть на миг забвенья мысль моя.

1869

АЛУШТА ДНЕМ

Пред солнцем — гребень гор снимает свой
покров.
Спешит свершить намаз свой нива золотая,
И шелохнулся лес, с кудрей своих роняя,
Как с ханских четок, дождь камней и жемчугов;

Долина вся в цветах. Над этими цветами
Рой пестрых бабочек — цветов летучих рой —
Что полог зыблется алмазными волнами;
А выше — саранча вздымает завес свой.

Над бездною морской стоит скала нагая.
Бурун к ногам ее летит, и, раздробясь
И пеною, как тигр глазами, весь сверкая,

Уходит с мыслию нагряться в тот же час;
Но море синее спокойно — чайки реют,
Гуляют лебеди, и корабли белеют.

Переводы и вариации Гейне

ГЕЙНЕ

(Пролог)

Давно его мелькает тень
В садах поэзии родимой,
Как в роще трепетный олень,
Врагом невидимым гонимый.
И скачем мы за ним толпой,
Коней ретивых утомляя,
Звenea уздечкою стальной
И криком воздух оглашая.
Олень бежит по ребрам гор,
И с гор кидается стрелою
В туманы дремлющих озер,
Осеребренные луною...
И мы стоим у берегов...
В туманах — замки, песен звуки,
И благовония цветов,
И хохот, полный адской муки...

1857

Осеннего месяца облик
Сквозит в облаках серебром.
Стоит одинок на кладбище
Пастора умершего дом.

Уткнулася в книгу старуха;
Сын тупо на свечку глядит;
Две дочки сидят, сложа руки;
Зевнувши, одна говорит:

«Вот скука-то, господи боже,
В тюрьме веселее живут!
Здесь только и есть развлеченья,
Как гроб с мертвецом принесут!»

Старуха в ответ проронила:
— Всего четверых принесли
С тех пор, как отца схоронили...
Ох, дни-то как скоро прошли!

Тут старшая дочка очнулась.
«Нет, полно! невмочь голодаты!
Отправляюсь-ка лучше я к графу!..
С терпеньем-то нечего взять!..»

И вторит ей брат, оживившись:
«И дело! а я так в шинок,
У добрых людей научиться
Казной набивать кошелёк!»

В лицо ему книгу швырнула
Старуха, не помня себя:
«Издохни ты лучше, проклятый!
Отец бы услышал тебя!»

Вдруг все на окно оглянулись,
Оттуда рука им грозит:
Умерший пастор перед ними
Во всем облачении стоит...

1857

Ее в грязи он подобрал;
Чтоб всё достать ей — красть
он стал;

Она в довольстве утопала
И над безумцем хохотала.

И шли пиры... но дни текли —
Вот утром раз за ним пришли:
Ведут в тюрьму... Она стояла
Перед окном и — хохотала.

Он из тюрьмы ее молил:
«Я без тебя душой изныл,
Приди ко мне!» Она качала
Лишь головой и — хохотала.

Он в шесть поутру был казнен
И в семь во рву похоронен, —
А уж к восьми она плясала,
Пила вино и хохотала.

1857

Краса моя, рыбачка,
Причаль сюда челнок,
Садись, рука с рукою,
Со мной на бережок.

Прижмись ко мне головкой,
Не бойся ничего!
Вверяешься ж ты морю —
Страшнее ль я его?

Ах, сердце — то же море!
И бьется, и бурлит,
И так же дорогие
Жемчужины таит!

1867

ЛОРЕЛЕЯ

Беда ли, пророчество ль это...
Душа так уныла моя,
А старая, страшная сказка
Преследует всюду меня...

Всё чудится Рейн быстроводный,
Над ним уж туманы летят,
И только лучами заката
Вершины утесов горят.

И чудо-красавица дева
Сидит там в сияньи зари,
И чешет златым она гребнем
Златистые кудри свои.

И вся-то блестит и сияет,
И чудную песню поет;
Могучая, страстная песня
Несется по зеркалу вод...

Вот едет челнок... и внезапно,
Охваченный песнью ее,
Пловец о руле забывает
И только глядит на нее...

А быстрые воды несутся...
Погибнет пловец средь зыбей!
Погубит его Лорелея
Чудесною песнью своей!..

1867

*Excelsior*¹

Царство вечной юности
И вечной красоты!
В твореньях светлых гениев
Нам чувствуешься ты!

Сияющие мраморы,
Лизипп и Пракситель!..
С бессмертными мадоннами
Счастливый Рафаэль!..

Святая лира Пушкина,
Его кристальный стих,
Моцартовы мелодии,
Всё радостное в них —

Всё то не откровенья ли
С надзвездной высоты,
Из царства вечной юности
И вечной красоты?..

1883

¹ Достигший вершины (латинск.). — *Ред.*

EXCELSIOR

(Из Лонгфелло)

На высях Альп горит закат;
Внизу, в селеньи, стены хат
Отливом пурпурным сияют...
Вдруг видят люди: к ним идет
Красавец юноша; несет
В руке хоругвь; на ней читают:
Excelsior!

Идет он мимо — вверх — туда,
Где царство смерти, царство льда;
Не смотрит, есть иль нет дорога;
Лишь ввысь, восторженный, глядит,
И клик его в горах звучит,
Как звук серебряного рога:
Excelsior!

Предупреждают старики:
«Куда идешь? Там ледники!
Там не была нога людская!
Спокон веков там ходу нет!»
Но он не слушает, в ответ
Лишь кликом горы оглашая:
Excelsior!

Краса-девица говорит:
«Останься здесь, от бурь укрыт,
Любим и счастлив с нами вечно!»
Он перед ней замедлил шаг,
Но через миг опять в горах
Раздалось, вторясь бесконечно:
Excelsior!

И вот уж скрылся он из глаз...
Уж пурпур на горах погас;
Бледнеют снежные вершины,
И там, в безмолвии ледяном,
Звучит как отдаленный гром,
С высот несущийся в долины:
Excelsior!

Чуть свет, при меркнувших звездах,
На льды в обход пошел монах,
Неся запас вина и хлеба,
И — слышит голос над собой,
Как бы от тверди голубой,
С высот ясного неба:
Excelsior!

И тут же лай собаки; вмиг
Он к ней — и видит: в снеговых
Сугробах юноша... О боже!
Он бездыханен; смертный сон
Его сковал, и держит он
В руке хоругвь, где надпись тоже —
Excelsior!

Уж горы облило зарей,
Лежит он, бледный и немой,
Среди пустынь оледенелых...
Стоит и слышит вдруг монах —
Уже чуть внятно — в высотах,
В недостижимых пределах:
Excelsior!

1881

ХУДОЖНИКУ

К тебе слетело вдохновенье —
Его исчерпай всё зараз,
Покуда творческий восторг твой не погас
И полон ты и сил и дерзновенья!
Оно недолго светит с вышины
И в смысл вещей, и духа в глубины,
И твоего блаженства миг недолог!
Оно умчалось — и тотчас пред тобой
Своей холодною рукой
Обычной жизни ночь задернет темный полог.

1882

Есть мысли тайные в душевной глубине;
Поэт уж в первую минуту их рожденья
В них чует семена грядущего творенья.
Они как будто спят и зреют в тихом сне,
И ждут мгновения, чьего-то ждут лишь знака,
Удара молнии, чтоб вырваться из мрака...
И сходишь к ним порой украдкой и тайком,
Стоишь, любуешься таинственным их сном,
Как мать, стоящая с заботою безмолвной
Над спящими детьми в светлице, тайны
полной...

1868

Возвышенная мысль достойной хочет брони;
Богиня строгая — ей нужен пьедестал,
И храм, и жертвенник, и лира, и кимвал,
И песни сладкие, и волны благовоний...

Малейшую черту обдумай строго в ней,
Чтоб выдержан был строй в наружном
беспорядке,
Чтобы божественность сквозила в каждой
складке,
И образ весь сиял — огнем души твоей!..

Исполнен радости, иль гнева, иль печали,
Пусть вдруг он выступит из тьмы перед
тобой —
И ту рассеет тьму — прекрасный сам собой
И бесконечностью за ним лежащей дали...

1869

«Не отставай от века» — лозунг лживый,
Коран толпы. Нет: выше века будь!
Зигзагами он свой свершает путь,
И вкривь и вкось стремя свои разливы.
Нет! мысль твоя пусть зреет и растет,
Лишь в вечное корнями углубляясь,
И горизонт свой ширит, возвышаясь
Над уровнем мимобегущих вод!
Пусть их напор неровности в ней сгладит,
Порой волна счастливый даст толчок, —
А золота крупинку мчит поток —
Оно само в стихе твоём осядет.

1889

ПЕРЕЧИТЫВАЯ ПУШКИНА

Его стихи читая — точно я
Переживаю некий миг чудесный —
Как будто надо мной гармонии небесной
Вдруг понеслась нежданная струя...

Нездешними мне кажутся их звуки:
Как бы влиась в его бессмертный стих,
Земное всё — восторги, страсти, муки —
В небесное преобразилось в них!

1887

Мы выросли в суровой школе,
В преданьях рыцарских веков,
И зрели разумом и волей
Среди лишений и трудов.
Поэт той школы и закала,
Во всеоружии всегда,
В сей век Астарты и Ваала
Порой смешон, быть может... Да!
Его коня — равняют с клячей
И с Дон-Кихотом — самого,
Но он в святой своей задаче
Уж не уступит ничего!
И пусть для всех погаснет небо,
И в тьме приволье все найдут,
И ради похоти и хлеба
На всё святое посягнут, —
Один он — с поднятым забралом —
На площади — пред всей толпой —
Швырнет Астартам и Ваалам
Перчатку с вызовом на бой.

1890

Мысль поэтическая — нет! —
В душе мелькнув, не угасает!
Ждет вдохновенья много лет
И — вспыхнув вдруг — как бы в ответ
Призыву свыше — воскресает...

Дать надо времени протечь,
Нужна, быть может, в сердце рана —
И не одна, — чтобы облечь
Мысль эту в образ и извлечь
Из первобытного тумана...

1887

Акварели

АЙВАЗОВСКОМУ

Стиха не ценят моего
Ни даже четвертью червонца,
А ты даришь мне за него
Кусочек истинного солнца,
Кусочек солнца твоего!
Когда б стихи мои вливали
Такой же свет в сердца людей,
Как ты — в безбрежность этой дали
И здесь, вокруг этих кораблей
С их парусом, как жар гоорящим
Над зеркалом живых зыбей,
И в этом воздухе дышащем
Так горячо и так легко
На всем пространстве необъятном, —
Как я ценил бы высоко,
Каким бы даром благодатным
Считал свой стих, гордился б им,
И мне бы пелось, вечно пелось,
Своим бы солнцем сердце грелось,
Как ныне греется твоим!

1877

МЕРТВАЯ ЗЫБЬ

Буря промчалась, но грозно свинцовое море
шумит.
Волны, как рать, уходящая с боя, не могут
утихнуть
И в беспорядке бегут, обгоняя друг друга,
Хвастаясь друг перед другом трофеями битвы:
Клочьями синего неба,
Золотом и серебром отступающих туч,
Алой зари лоскутами.

1887

ОЛИМПИЙСКИЕ ИГРЫ

Всё готово. Муסיкийский
Дан сигнал... сердца дрожат...
По арене олимпийской
Колесниц помчался ряд...
Трепеща, народ и боги
Смотрят, сдерживая крик...
Шибче, кони быстроноги!
Шибче!.. близко... страшный миг!
Главк... Ёвмолп... опережают...
Не смотри на отсталых!
Эти... близко... подъезжают...
Ну — который же из них?
«Главк!» — кричат... и вон он, гордый,
Шагом едет взять трофей,
И в пыли чуть видны морды
Разозлившихся коней.

1887

ГРОЗА

Кругом царила жизнь и радость,
И ветер нес ржаных полей
Благоухание и сладость
Волною мягкой своей.

Но вот, как бы в испуге, тени
Бегут по золотым хлебам —
Промчался вихрь — пять-шесть
мгновений —

И, в встречу солнечным лучам,

Встают с серебряным карнизом
Чрез всё полнеба ворота,
И там, за занавесом сизым,
Сквозит и блеск и темнота.

Вдруг словно скатерть парчевую
Поспешно сдернул кто с полей,
И тьма за ней в погоню злую,
И всё свирепей и быстрее.

Уж расплылись давно колонны,
Исчез серебряный карниз,
И гул пошел неугомонный,
И огонь и воды полились...

Где царство солнца и лазури!
Где блеск полей, где мир долин!
Но прелесть есть и в шуме бури,
И в пляске ледяных градин!

Их нахватать — нужна отвага!
И — вон как дети в удалце
Ее чествят! как вся ватага
Визжит и скачет на крыльце!

1887

САВОНАРОЛА

В столице Медичи счастливой
Справлялся странный карнавал.
Все в белом, с ветвию оливы,
Шли девы, юноши; бежал
Народ за ними; из собора,
Под звук торжественного хора,
Распятие инок несли
И стройно со свечами шли.
Усыпан путь их был цветами,
Ковры висели из окон,
И воздух был колоколами
До гор далеких потрясен.

Они на площадь направлялись.
Туда ж по улицам другим,
Пестрея, маски собирались
С обычным говором своим:
Паяц и, с лавкой разных стеклянок,
На колеснице шарлатан,
И гранд, и дьявол, и султан,
И Вакх со свитою вакханок.
Но, будто волны в берегах,

Вдруг останавливались маски,
И прекращались смех и пляски:
На площади, на трех кострах,
Монахи складывали в груды
Всё то, что тешит резвый свет
Приманкой неги и сует.
Тут были жемчуг, изумруды,
Великолепные сосуды,
И кучи бархатов, парчей,
И карт игральных, и костей,
И сладострастные картины,
И бюсты фавнов и сирен,
Литавры, арфы, мандолины,
И ноты страстных кантилен,
И кучи масок и корсетов,
Румяна, мыло и духи,
И эротических поэтов
Соблазна полные стихи...
Над этой грудой стояло,
Верхом на маленьком коньке,
Изображение карнавала —
Паяц в дурацком колпаке.

Сюда процессия вступила.
На помост встал монах седой,
И чудно солнцем озарило
Его фигуру над толпой.
Он крест держал, главу склоняя
И указуя в небеса...
В глубоких впадинах сверкая,
Его светились глаза;
Народ внимал ему угрюмо

И рвал бесовские костюмы,
И, маски сбросивши тайком,
Рыдали женщины кругом.
Монах учил, как древле жили
Общины первых христиан.
«А вы, — сказал, — вы воскресили
Разбитый ими истукан!
Забыли в шуме сатурналий
Молчанье строгое постов!
Святую библию отцов
На мудрость века променяли;
Пустынной манне предпочли
Пирь египетской земли!
До знаний жадны, верой скупы,
Понять вы тщитесь бытие,
Анатомируете трупы —
А сердце знаете ль свое? ..
О мать божия! тебя ли,
Мое прибежище в печали,
В чертах блудницы вижу я!
С блудниц художник маловерный
Чертит, исполнен всякой скверны,
И выдает нам за тебя! ..
Разврат повсюду лицемерный!
Вас тешит пестрый маскарад —
Бес ходит возле каждой маски
И в сердце нам вливает яд.
В вине, в науке, в женской ласке
Вам сети ставит хитрый ад,
И, как бессмысленные дети,
Вы слепо падаете в сети! ..
Пора! Зову я вас на брань.

Из-за трапезы каждый встань,
Где бес пирует! Бросьте яству!
Спешите! Пастырю во длань
Веду вернувшуюся паству!
Здесь искупление грехам!
Проклятье играм и костям!
Проклятье лъстивым чадам ада!
Проклятье мудрости людской,
В которой овцы божья стада
Теряют веру и покой!
Господь, услышь мои моления:
В сей день великий искупленья
Свои нам молнии пошли
И разрази тельца златого!
Во имя чистое Христово,
Весь дом греха испепели!»

Умолк — и факелом зажженным
Взмахнул над праздничным костром;
Раздался пушек страшный гром;
Сливаясь с колокольным звоном,
Те Деум ¹ грянул мрачный хор —
Столбом встал огненный костер.
Толпы народа оробели,
Молились, набожно глядели,
Святого ужаса полны,
Как грозно пирамидой жаркой
Трещали, вспыхивали ярко
Изобретенья сатаны,
И как фигура карнавала —

¹ Тебя, бога, <хвалим> (латинск.). — *Ред.*

Его колпак и детский конь —
Качалась, тлела, обгорала
И с шумом рухнула в огонь.

Прошли года. Монах крутой,
Как гений смерти, воцарился
В столице шумной и живой —
И город весь преобразился.
Облекся трауром народ,
Везде вериги, власяница,
Постом измученные лица,
Молебны, звон да крестный ход.
Монах, как будто львиной лапой,
Толпу угрюмую сжимал,
И дерзко ссорился он с папой,
В безверьи папу уличал...
Но с папой спорить было рано:
Неравен был строптивый спор,
И глав венчанных Ватикана
Еще могуч был приговор...
И вот опять костер багровый
На той же площади пылал;
Палач у виселицы новой
Спокойно жертвы новой ждал,
И грозный папский трибунал
Стоял на помосте высоком.
На казнь монахов привели.
Они, в молчании глубоком,
На смерть как мученики шли.
Один из них был тот же самый,
К кому народ стекался в храмы,
Кто отворял свои уста

Лишь с чистым именем Христа;
Христом был дух его напитан,
И за него на казнь он шел;
Христа же именем прочитан
Монаху смертный протокол,
И то же имя повторяла
Толпа, смотря со всех сторон,
Как рухнул с виселицы он;
И пламя вмиг его объяло,
И, задыхаясь, произнес
Он в самом пламени: «Христос!»

Христос, Христос! но, умирая
И по следам твоим ступая,
Твой подвиг сердцем возлюбя,
Христос! он понял ли тебя?
О нет! скорбящих утешая,
Ты чистых радостей не гнѣл,
И, Магдалину возрождая,
Детей на жизнь благословлял!
И человек, в твоём ученье
Познав себя, в твоих словах
С любовью видит откровенье,
Чем может быть он свят и благ...
Своею кровью жизни слово
Ты освятил, — и возросло
Оно могуче и светло;
Доминиканца ж лик суровый
Был чужд любви — и сам он пал
Бесплодной жертвою...

.

ПОСЛЕДНИЕ ЯЗЫЧНИКИ

Когда в челе своих дружин
Увидел крест животворящий
Из царской ставки Константин
И пал пред господом молящий, —

Смутились старые вожди,
Столпы языческого мира...
Они, с отчаяньем в груди,
Встают с одра, встают от пира,

Бегут к царю, вопят: «О царь!
Ты губишь всё, свою державу,
И государство, и алтарь,
И вечный Рим, и предков славу!

Пред кем ты пал? ведь то рабы!
И их ты слушаешь, владыко!
И утверждаешь царств судьбы
На их ты проповеди дикой!

Верь прозорливости отцов!
Их распинать и жечь их надо!
Не медли, царь, скорей оков!
Безумна милость и пощада!»

Но не внимал им Константин,
Виденьем свыше озаренный,
И поднял стяг своих дружин,
Крестом господним осененный.

В негодованьи цепь с орлом
Трибуны с плеч своих сорвали
И шумно в груды пред царем
Свое оружие побросали —
И разошлись...

Победил
К Христу прибегший император!
И пред распятым преклонил
Свои колена триумфатор.

И повелел по городам
С сынов Христа снимать оковы,
И строить стал за храмом храм,
И слова читать Христовы.

Трибуны старые в домах
Сидели, злобно ожидая,
Как, потрясенная, во прах
Падет империя родная.

Они собирались в древний храм
Со всех концов на годовщину
Молиться дедовским богам,
Пророча гибель Константину.

Но время шло. Их круг редел,
И гасли старцы друг за другом...
А над вселенной крест горел,
Как солнца луч над вешним лугом.

Осталось двое только их.
Храня обет, друг другу данный,
Они во храм богов своих
Сошлись, розами венчанны.

Зарос и треснул старый храм;
Кумир поверженный валялся;
Из окон храма их очам
Константинополь открывался:

Синел Эвксин, блестел Босфор;
Вздвигались куполы цветные;
Там — на вселенский шли собор
Ерархи, иноки святые;

Там — колесницы, корабли...
Под твердью неба голубою
Сливался благовест вдали
С победной воинской трубою...

Смотрели молча старики
На эту роскошь новой славы,
Полны завистливой тоски,
Стыдясь промолвить: «Мы неправы».

Давно уж в мире без утех
Свой век они влачили оба;

Давно смешна была для всех
Тупая, старческая злоба...

Они глядят — и ждет их взор,
Эвксин на город не прорвется ль?
Из-за морей нейдет ли мор?
Кругом земля не пошатнется ль?

Глядят, не встанет ли кумир...
Но Олимпиец, грудью в прахе,
Лежит недвижим, нем и сир,
Как труп пред палачом на плахе.

Проклятья самые мертвы
У них в устах... лишь льются слезы,
И старцы с дряклой головы
Снимают молча плющ и розы...

Ушли... Распятие в пути
На перекрестке их встречает...
Но нет! не поняли они,
Что божий сын и их прощает.

1857

ПРИГОВОР

(Легенда о Констанцском соборе)

На соборе на Констанцском
Богословы заседали;
Осудив Иогана Гуса,
Казнь ему изобретали.

В длинной речи доктор черный,
Перебрав все истязанья,
Предлагал ему соборно
Присудить колесованье,

Сердце, зла источник, кинуть
На съеденье псам поганым,
А язык, как зла орудье,
Дать склевать нечистым вранам;

Самый труп — предать сожженью,
Наперед прокляв трикраты,
И на все четыре ветра
Бросить прах его проклятый...

Так, по пунктам, на цитатах,
На соборных уложениях,

Приговор свой доктор черный
Строил в твердых заключеньях;

И, дивясь, как всё он взвесил
В беспристрастном приговоре,
Восклицали: «Вепе, бепе!»¹
Люди, опытные в споре;

Каждый чувствовал, что смута
Многих лет к концу приходит
И что доктор из сомнений
Их, как из лесу, выводит...

И не чаяли, что тут же
Ждет еще их испытанье...
И соблазн великий вышел!
Так гласит повествованье:

Был при кесаре в тот вечер
Пажик розовый, кудрявый;
В речи доктора не много
Он нашел себе забавы;

Он глядел, как мрак густеет
По готическим карнизам;
Как скользят лучи заката
Вкруг по мантиям и ризам;

Как рисуются на мраке,
Красным светом облитые,

¹ Хорошо, хорошо! (латинск.). — *Ред.*

Ус задорный, череп голый,
Лица добрые и злые...

Вдруг в открытое окошко
Он взглянул и — оживился;
За пажом невольно кесарь
Поглядел, развеселился;

За владыкой — ряд за рядом,
Словно нива от дыханья
Ветерка, оборотилось
Тихо к саду всё собрание:

Грозный сонм князей имперских,
Из Сорбонны депутаты,
Трирский, Лютихский епископ,
Кардиналы и прелаты,

Оглянулся даже папа! —
И суровый лик дотоле
Мягкой, старческой улыбкой
Озарился поневоле;

Сам оратор, доктор черный,
Начал путаться, сбиваться,
Вдруг умолкнул и в окошко
Стал глядеть и — улыбаться!

И чего ж они так смотрят?
Что могло привлечь их взоры?
Разве небо голубое?
Или розовые горы?

Но — они таят дыханье
И, отдавшись сладким грезам,
Точно следуют душою
За искусным виртуозом...

Дело в том, что в это время
Вдруг запел в кусту сирени
Соловей пред темным замком,
Вечер празднуя весенний;

Он запел — и каждый вспомнил
Соловья такого ж точно,
Кто в Неаполе, кто в Праге,
Кто над Рейном, в час урочный,

Кто — таинственную маску,
Блеск луны и блеск залива,
Кто — трактиров швабских Гебу,
Разливательницу пива...

Словом — всем пришли на память
Золотые сердца годы,
Золотые грезы счастья,
Золотые дни свободы...

И — история не знает,
Сколько длилось молчанье,
И в каких странах витали
Души черного собранья...

Был в собраньи этом старец:
Из пустыни вызван папой

И почтен за строгость жизни
Кардинальской, красной шляпой, —

Вспомнил он, как там, в пустыне,
Мир природы, птичек пенье
Укрепляли в сердце силу
Примиренья и прощенья;

И как шепот раздается
По пустой, огромной зале,
Так в душе его два слова:
«Жалко Гуса» прозвучали;

Машинально, безотчетно
Поднялся он — и, объятая
Всем присутщим открывая,
Со слезами молвил: «Братья!»

Но, как будто перепуган
Звуком собственного слова,
Костылем ударил об пол
И упал на место снова;

«Пробудитесь! — возопил он,
Бледный, ужасом объятый. —
Дьявол, дьявол обошел нас!
Это глас его проклятый!..

Каюсь вам, отцы святые!
Льстивой песнью обаянный,

Позабыл я пребыванье
На молитве неустанной —

И вошел в меня нечистый!
К вам простер мои объятья,
Из меня хотел воскликнуть:
«Гус невинен». — Горе, братья!..»

Ужаснулося собрание,
Встало с мест своих, и хором
«Да воскреснет бог» запело
Духовенство всем собором, —

И, очистив дух от беса
Покаяньем и проклятьем,
Все упали на колени
Пред серебряным распятьем —

И, восстав, Йогана Гуса,
Церкви божьей во спасенье,
В назиданье христианам,
Осудили — на сожженье...

Так святая ревность к вере
Победила ковы ада!
От соборного проклятья
Дьявол вылетел из сада,

И над озером Констанцским,
В виде огненного змея,
Пролетел он над землею,
В лютой злобе искры сея.

Это видели: три стража,
Две монахини-старушки
И один констанцский ратман,
Возвращавшийся с пирушки.

1860

КОНЬ

(Из сербских песен)

Светлолица, черноброва.
Веселее бела дня,
Водит дѣвица лихого
Опененного коня;

Гладит гриву вороного
И в глаза ему глядит:
«Я коня еще такого
Не видала! — говорит. —

Чай, коня и всадник стоит...
Только он тебя навряд
Вдоволь холит и покоит...
Что он — холост аль женат?»

Конь мотает головою,
Бьет ногою, говорит:
«Холост — только за душою
Думу крепкую таит.

Он со мною, стороною,
Заговаривал не раз —

Не послать ли за тобою
Добрых сватов в добрый час».

А она в ответ, краснея:
«Я для доброго коня
Стала б сыпать, не жалея,
Полны ясли ячменя;

Стала б розовые ленты
В гриву черную вплетать,
На попоны позументы
С бахромою нашивать;

В вечной доле, без печали
Мы бы зажили с тобой. . .
Только б сватов высылали
Поскорее вы за мной».

1860

ПАСТУХ

(Испанская легенда)

Был суров король дон Педро;
Трепетал его народ,
А придворные дрожали,
Только усом поведет.

«Я люблю, — твердил он, — правду,
Вид открытый, смелый взор», —
Только правды (вот ведь странность!)
Пуще лжи боялся двор.

Раз охотился дон Педро;
Утомясь, он дал сигнал,
Чтоб для завтрака у речки
Сделать маленький привал.

«Тра-та-та» звучит в долине,
Меж покрытых лесом гор;
На призыв отовсюду скачут
Гранды, рыцари и двор.

Собрались. Дон Педро весел;
Сам двух вепрей застрелил

И своим весельем лица
Всех, как солнцем, озарил!

Он смеется — все хохочут...
Разговор пошел и смех...
Но о чем же смех и говор?
Речь о чем? .. Одна у всех:

Говорят, что чудо-мальчик
Тут же коз пасет в горах —
Купидон в широкой шляпе,
С козьим мехом на плечах!

Длиннокудрый! Черноглазый!
Но хотя угрюм и дик,
А бедовый! Нет вопроса,
Перед чем бы стал втупик.

Пожелал король увидеть
Пастуха — и вот бегут,
Понеслись пажи, что стрелы,
И чрез миг его ведут.

Посмотрел король. С минуту
Призадумался... Кругом
Словно туча набежала,
Словно ждут, что грянет гром.

«Вот, — сказал он, — три вопроса:
Разрешись — возьми в пажи!
Много ль капель в синем море?
Посчитай-ка да скажи!»

— Я сочту, — ответил мальчик, —
Счет не долог, не тяжел,
Но, пока считать я буду,
Повели, чтоб дождь не шел.

«Ну, а много ль звезд на небе?»
И философ, не смутясь:
— Повели сойти им с неба,
Я тогда сочту как раз.

Понахмурился дон Педро,
Двор дыханье затаил.
«Ну, а много ль дней у бога?» —
Помолчав, король спросил.

— Дни у бога крадет время.
Повели, чтобы оно
Хоть на миг остановилось —
И уж счастье не мудрено.

«Молодец! — вскричал дон Педро,
Хочоца. — Да этот клоп
Всех вельмож моих умнее! ..»
Те смеялись, морща лоб.

«Я возьму тебя. Ты будешь
Спать при мне, и есть, и пить —
И один, надеюсь, станешь
Смело правду говорить».

Гранды вовсе растерялись:
«Что он — плут или мудрец?»

Грубиян!» — единодушно
Порешили наконец.

Но старались грубияну
Угодить хоть чем-нибудь. . .
Он же робко озирался,
Как бы в горы улизнуть.

Только дамы бескорыстно
Целовали мудреца,
В нем хваля глаза и розы
Загорелого лица.

1866

МЕНЕСТРЕЛЬ

(Провансальский романс)

Жил-был менестрель в Провансальской
земле,

В почете он жил при самом короле...

«Молчите, проклятые струны!»

Король был неровня другим королям,
Свой род возводил он к бессмертным богам...

«Молчите, проклятые струны!»

И дочь он, красавицу Берту, имел...
Смотрел лишь на Берту певец, когда пел...

«Молчите, проклятые струны!»

Когда же он пел, то дрожала она —
То вспыхнет огнем, то как мрамор бледна...

«Молчите, проклятые струны!»

И сам император посватался к ней...
Глядит менестрель всё угрюмей и злей...

«Молчите, проклятые струны!»

Дан знак менестрелю: когда будет бал,
Чтоб в темной аллее у грота он ждал...

«Молчите, проклятые струны!»

Что было, чью руку лобзал он в слезах,
И чей поцелуй у него на устах...

«Молчите, проклятые струны!»

Что кесаря значит внезапный отъезд,
Чей в склепе фамильном стоит новый
крест —

«Молчите, проклятые струны!»

Из казней какую король изобрел,
О чем с палачом долго речи он вел —

«Молчите, проклятые струны!»

Погиб менестрель, бедный вешний цветок!
Король даже лютию разбил сам и сжег...

«Молчите, проклятые струны!»

И лютию он сжег — но не греза, не сон,
Везде его лютни преследует звон...

«Молчите, проклятые струны!»

Он слышит: незримые струны звучат,
И страшные, ясно, слова говорят...

«Молчите, проклятые струны!»

Не ест он, не пьет он, и ночи не спит,
Молчит, — лишь порой, как безумный,

кричит:

«Молчите, проклятые струны!»

СТАРЫЙ ДОЖ

«Ночь светла; в небесном поле
Ходит Вesper золотой;
Старый дож плывет в гондоле
С догарессой молодой...»¹

Занимает догарессу
Умной речью дож седой...
Слово каждое по весу —
Что червонец дорогой...

Тешит он ее картиной,
Как Венеция, тишком,
Весь, как тонкой паутиной,
Мир опутала кругом:

«Кто сказал бы в дни Аттилы,
Чтоб из хижин рыбарей
Всплыл на отмели унылой
Этот чудный перл морей!

¹ Эти четыре строчки найдены в бумагах Пушкина как начало чего-то. Да простит мне тень великого поэта попытку угадать: что же было дальше?

Чтоб укрывшийся в лагуне
Лев святого Марка стал
Выше всех владык — и втуне
Рев его не пропадал!

Чтоб его тяжелой лапы
Мощь почувствовать могли
Императоры, и папы,
И султан, и короли?

Подав знак — гремят перуны,
Всюду смута настает,
А к нему — в его лагуны —
Только золото плывет!..»

Кончил он, полусмеясь,
Ждет улыбки, но — глядит —
На плечо его склоняся,
Догаресса — мирно спит!..

«Всё дитя еще!» — с укором,
Полным ласки, молвил он —
Только слышит — вскинул взором —
Чье-то пенье... цитры звон...

И всё ближе это пенье
К ним несется над водой,
Рассыпаясь в отдаленье
В голубой простор морской...

Дождю вспомнилось былое...
Море зыбилось едва...

Тот же Веспер... «Что такое?
Что за глупые слова!»

Вздрогнул он, как от укола
Прямо в сердце... Глядь: плывет,
Обгоняя их, гондола,
Кто-то в маске там поет:

«С старым дожем плыть в гондоле...
Быть — его и — не любить...
И к другому, в злой неволе,
Тайный помысел стремить...

Тот «другой» — о догаресса!...
Самый ад не сладит с ним!
Он безумец, он повеса, —
Но он — любит и — любим!..»

Дож рванул усы седые...
Мысль за мыслью, целый ад,
Словно молний стрелы злые,
Душу мрачную браздят...

А она — так ровно дышит,
На плече его лежит...
«Что же?.. Слышит иль не слышит?
Спит она — или не спит?!»

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЕСНЯ

Спи, дитя мое, усни!
Сладкий сон к себе мани:
В няньки я тебе взяла
Ветер, солнце и орла.

Улетел орел домой;
Солнце скрылось под водой;
Ветер, после трех ночей,
Мчится к матери своей.

Ветра спрашивает мать:
«Где изволил пропадать?
Али звезды воевал?
Али волны всё гонял?»

— Не гонял я волн морских,
Звезд не трогал золотых;
Я дитя оберегал,
Колыбелечку качал!

1858

•Ласточка примчалась
Из-за бела моря,
Села и запела:
Как февраль ни злился,
Как ты, март, ни хмурься,
Будь хоть снег, хоть дождик —
Всё весною пахнет!

1858

Я б тебя поцеловала,
Да боюсь, увидит месяц,
Ясны звездочки увидят;
С неба звездочка скатится
И расскажет синю морю,
Сине море скажет веслам,
Весла — Яни-рыболову,
А у Яни — любя Мара;
А когда узнает Мара —
Все узнают в околотке,
Как тебя я ночью лунной
В благовонный сад впускала,
Как ласкала, целовала,
Как серебряная яблонь
Нас цветами осыпала.

1858—1862

ПОЦЕЛУЙ

Между мраморных обломков,
Посреди серебристой пыли,
Однорукий клефтик тешет
Мрамор нежный, словно пена,
Прибиваемая морем.
Мимо девица проходит,
Златокудрая, что солнце,
Говорит: «Зачем одною
Ты работаешь рукою?
Ты куда ж девал другую?»

— Полюбилась мне девица,
Роза первая Стамбула!
Поцелуй один горячий,
И — мне руку отрубили!
В свете есть еще девица,
Златокудрая, что солнце...
Поцелуй один бы только,
И руби другую руку!

1858—1862

МОЛОДАЯ ЖЕНА

Наряжалась молодая Елена,
Наряжалась на праздник к обедне.
Красный фес с жемчугом надевала
И червонцы на черные косы;
Из лица вся сияла, что солнце;
Бела грудь — что серебряный месяц.
Подымалась на гору в церковь,
Стала спрашивать буйное сердце:
«Что ты, сердце, болишь и вздыхаешь?
Словно камень ты на гору тащишь?..»
— Легче б камни тащить мне, чем горе,
Злое горе от старого мужа.
Я б к другому пошла хоть в неволю,
Хоть в неволю б пошла к молодому!
Ненаглядно б я им любовалась,
Что высоким в саду кипарисом;
Любовался б он, тешился мною,
Что цветущею яблонькой нежной;
Я сама бы его наряжала,
Как меня наряжает мой старый;
Я ему бы всё в очи глядела,
Как глядит мой старик в мои очи;

И не звал бы меня он ворчуньей,
И капризной, негодною плаксою,
Называл бы веселою пташкой,
Называл бы своею голубкой!..

1858—1862

Птички-ласточки, летите
К прежней любушке моей:
Не ждала б она, скажите,
Мила друга из гостей.

Во чужой земле сгубила
Зла волшебница меня,
И меня приворожила,
И испортила коня.

Я коня ли оседлаю —
Расседлается он сам;
Без седла ли выезжаю —
Гром и буря в встречу нам!

У нее слова такие:
Скажет — реки не текут!
С неба звезды золотые,
Словно яблочки, спадут!

Глянет в очи — словно хлынет
В сердце свет с ее лица;
Улыбнется — словно кинет
Алой розой в молодца!

1858—1862

ДЕСПО

Сули пала, Кьяфа пала,
Всюду флаг турецкий вьется...
Только Деспо в черной башне
Заперлась и не сдается.

«Положи оружие, Деспо!
Вам ли спорить, глупым женам?
Выходи к паше рабою,
Выходи к нему с поклоном!» —

«Не была рабою Деспо,
И не будет вам рабою! —
И, схватив зажженный факел: —
Дети, крикнула, за мною!»

Факел брошен в темный погреб...
Дрогнул дол, удар раздался —
И на месте черной башни
Дымный столб заколебался.

1858—1862

ЗАВЕЩАНИЕ

Собирайтесь, паликары!
Умирает капитан!
Умирает он от честных,
От святых турецких ран!
«Умереть, друзья, не страшно,
Да могила мне страшна...
Темно, тесно... Одинокий
В ней лежи и спи без сна!
Съест земля и фес и долман,
Меч, не ржавевший в крови,
И усы мои, и брови,
Брови черные мои!..

Нет, меня не зарывайте,
Братцы, в землю! На горе
Вы меня поставьте стоймя
Во гробу, лицом к заре.
В гробе окна прорубите,
Чтоб мне веяло весной,
Чтобы ласточки, кружась,
Щебетали надо мной!
Чтоб из гроба я далеко
Мог бы турок различать,
Чтоб направо и налево
Мог им пулю посылать».

1858—1862

ЧУЖБИНА

Умереть не дай бог на чужбине!
Видел я, как пришлых там хоронят!
Без попа, без свеч и без кадила,
Не помазав миром, не отпевши,
Где пришлось заруют, как собаку!
Как пахать потом приедут землю,
С гор пригонят двух волов рогатых,
В плуг впрягут, и молодец удалый
Понуждать в бока начнет их саблей,
И по первой борозде глубокой
Из земли да выкинет он ноги,
По другой — красавца паликара...
Завопит, завоюет бедный пахарь:
«Будь такой да у меня товарищ,
Я бы съесть земле его так не дал!
Я пошел бы к морю, к синю морю,
На широкое б пошел поморье;
Я б нарезал тростнику морского,
Смастерил бы гроб ему просторный,
Я б в гробу постлал ему постелю,
Всю б цветами, ландышами выстлал,
Всю бы выстлал свежим амарантом!»

БАРЫШНЕ

«Вам — быть оракулом!»
(*Petits jeux*)¹

Вас, ангел, реющий в гостиных,
Краса и диво наших зал,
Вас, примадонна игр невинных,
Наш лучезарный идеал,
Дерзаю робкими струнами
Я славить... Сердцем и душой
Благоговею перед вами...
Природы лучшею мечтой
Вы рождены: ваш стан так строен,
Так очи светлы, взор спокоен...
Так широко из-под кольца
На грудь, на плечи восковые
Упали локоны густые...
Дивлюсь могуществу творца
И вашей маменьки искусству:
Так много вашим красотам,
Движеньям, взглядам и словам

¹ Светские игры (франц.). — *Ред.*

Придать и грации и чувства!
Она взрастила вас в тиши,
Храня от страшных бурь души,
Вам ум и волю заменяя,
За вас прочувствовать желая
Всё, чем нас губит жизнь, томит,
Хотя мгновенно веселит...
Так цвет изнеженной лилеи
Хранят в тепле оранжереи.
Его мороз не прошибал
И бурный ветер не сгибал,
Хотя не пил головкой жадной
Он утра свежести прохладной,
Не красовался он, блестя
Весь в каплях вешнего дождя,
Сквозь солнце вспрыснувшего поле...
Вы, нежась в сладостной неволе,
Лелея тихо свой покой
И жизни крайностей не зная,
Взросли, питая ум мечтой
И жизнь себе изобретая...
И эта жизнь не шумный пир —
Особый, светлый, чудный мир:
Как в фантастическом балете,
Из-за прозрачной кнсеи,
Встают пред вами в тихом свете
Картины счастья и любви;
Среди волшебных декораций,
Средь групп эфирных нимф и граций,
Над урной спящих стариков,
Под сенью лотосных листов,
Огромных раковин, кристаллов

И фантастических кораллов,
Ковром душистой муравы
Чудесно странствуете вы...
Но не одни: крылатый гений
Ведет вас... Там сияет храм...
И тихо мраморных ступеней
Уже коснулись вы... и там
Священный жертвенник с цветами
Перед богинею возжен...
Кто ж этот гений?.. Да! он, он!
Его я видел... Ведь он с вами
Вчера мазурку танцевал,
Разочарованным казался,
Так ус крутил, так зло смеялся,
Так всю вас взором пожирал,
Так крепко шпорамн стучал...
Его я знаю; с уваженьем
Всегда внимаю я сужденьям
Его о винах и конях...
Счастливец! он один виденьем
Мелькает в ваших легких снах...
Понятно мне, зачем бледнели,
Краснели вы пред ним; зачем
Вчера с таким вы чувством пели:
*Si tu savais, combien je t'aime!*¹
Но, боже мой!.. вот туча всходит,
Я вижу, меркнет небосклон,
Виденье милое проходит,
Как мимолетный легкий сон...
Я вижу...

¹ Если бы ты знал, как я тебя люблю! (франц.). — *Ред.*

Тихо в вашей спальне
Проснулись утром вы, лежат
Вкруг вас цветы, убор ваш балый,
Венок, браслет, и ваш наряд
Разбросан в милом беспорядке;
Уж вы проснулись, но поднять
Глаза не хочется, вам сладко
Ночные грезы продолжать,
К груди подушку прижимая,
Бог знает что воображая,
Уста сжимать и разжимать...
Внезапным маменьки приходом
Всё прервано: целуя вас,
С вас не спуская зорких глаз,
Она вас спросит мимоходом:
«Как нравится тебе NN»?
Вы отвечаете наивно:
— Он в парике и препротивный! —
«Умен...» — Мамаша! старый хрен! —
«И добр...» — И пахнет так духами! —
«Богат и мил...» — Богатство... вздор! —
«Не стар и уж богат чинами...»
Короче, этот разговор
Такое кончит заключенье,
Что брак по страсти — заблужденье,
Что страсть пройдет, как метеор...
И правда!.. Вам потом одетой
Велят к обеду быть; жених
Вам привезет уже браслеты.
Пред ним бледнея каждый миг,
Ему вы будете собираться
Сказать, во всем ему признаться;

Но не достанет силы в вас
Ему изречь простой отказ...
И вы поплачете немного...
Дня через три пройдет печаль;
Все скажут хором: «Слава богу!»
Никто про вас не скажет: «Жаль!»
Вам осенят венком цветущим
Из белых роз, обвитых плющем,
Широкий узел черных кос;
Все ахнут: «Как она прекрасна!»
И не заметят робких слез,
Слез Ифигении несчастной
Перед Калхасовым ножом...
Но это миг один... Потом
И вы привыкнете к супругу,
Как в детстве к нянюшке своей,
К его значенью, чину, кругу
Тяжелых будничных идей;
Приняв восточную небрежность,
Вы девок станете ругать
И мужу каждый раз являть
В очах особенную нежность,
Когда он в службе отличен
Иль выших ласкою почтен;
Он на звезду свою укажет,
Прочтет патент и нежно скажет:
«Всё для тебя я» — и солжет...
В кругу хозяйственных забот,
За самоваром иль в гостиной,
Пленяя милой болтовней,
Смеясь шуточке невинной,
Страдая нервами порой,

Вы вечно будете казаться
(Что свет про вас ни говори)
Созданием розовой зари
И легкокрылого зефира,
И выше праха, выше мира!
Что мир вам? — грязная нужда
И нищета в лохмотьях бедных,
Толпа страдальцев, грубых, бледных,
С безумным взором, без стыда,
С клеймом насильного разврата,
С клеймом проклятья от собрата,
Чужда вам будет и чудна,
И отвратительно-страшна!
Полны возвышенной морали,
Вы скажете: «То их вина...
Зачем они не соблюдали
Долг добродетели святой!»
С какою гордостью прямой
Себя бы с ними вы сравнили —
Хотя без нужды, без борьбы
Быть добродетельной купили
Вы златом право у судьбы...
Зато другие твари мира
В вас сострадание найдут
И даже слезы извлекут:
И в клетке птичка, дочь эфира,
И заяц жареный... Увы!
Невольно вспомните тут вы,
Что он тот самый, что пугливо
Дорогу вам перебежал,
Пугал вас в роще, торопливо
Скакнув из листьев, и нырял

В златистом море пышной нивы.
И что ж! сгубил его тиран,
Убийца тварей беззаботных...
Так вы в страданиях животных
Прочтете истинный роман,
И в жизни, полной тихой лени,
В вас успокоится на миг
Потребность сильных ощущений,
Источник болей головных.

Но тут не всё. Неся условия,
Оковы среднего сословья,
Вы не сроднитесь с ним душой:
Читать вы будете порой
Романы из большого света
И на себе их примерять,
И в новых формах этикета
Его свободу применять...
Средь жизни мирной, жизни чинной,
Благопристойной и невинной,
Желая душу отвести,
Следить вы будете упрямо
Траги-нервические драмы,
Симпатизируя вполне
(К досаде нежного супруга)
С печальной ролью *jeune premier*,¹
Как он, обманывая друга,
Питает страсть к его жене.
И тайна их вас всю заманит,
И, их успехом дорожа,

¹ Первого любовника (франц.). — *Ред.*

Когда супруг их вдруг застанет,
Вы вскрикнете, за них дрожа...

Потом услышите случайно,
Что ваша милая Мими
Являлась в маскараде тайно
И с незнакомыми людьми,
Особенно с одним гусаром,
Ходила под руку и с жаром
С ним говорила, и потом
Он втерся кое-как в их дом;
И поутру, как мужа нету,
С визитом к ней являться стал, —
Вкруг вас, как будто по обету,
Восстанет целый трибунал:
В величьи грозной Немезиды,
Неотразимая, как гром,
Вы страшным грянете судом
За честь общественной обиды...

Но... о, блаженны вы стократ,
Когда свет истины суровой
Не потревожит сна тупого,
Которым чувства ваши спят;
Когда, с пелен не зная жизни,
Весь век лишь призраки лова,
Во гроб сойдете, не живя,
Без слез, без горькой укоризны!
Но... если вы поймете вдруг,
Что были вы товаром торга,
Что сердце, жадное восторга,
Что потрясений жадный дух

И ваши девственные ласки
Служили красною ценой
За мужнин сан, балы, коляски
И ваш искусственный покой, —
Всей вашей жизни машинальность,
Прodelки ласки должностной,
Приличий вечных театральность
Вы вдруг постигнете душой...
Придут часы тяжелой муки,
Вы, сжав уста, ломая руки,
Воскликнете: «Я не жила!
Что богом мне дано на долю,
Всё — ум, подавленную волю —
Другим на жертву предала!
За то, чтоб светской черни лепет
Не очернил меня шутя,
Душила в сердце страсти трепет,
Как незаконное дитя...
Хотя б узнать любви томленье!
Хотя б изведать, хоть на миг,
Страданья страстного сомненья!..
Хотя бы слышать страсти крик
Хоть раз, в устах не подавленный...
Хоть миг один, чтобы узнать,
Зачем страдать, за что страдать!..»
И взор, мгновенно оживленный,
Вослед отчаянья сверкнет
Вдруг воли вспышкой. И вот,
С престола долга и приличья,
Где вы сияли без пути
В своем бессмысленном величьи,
Вы рады будете сойтн...

Но это миг... и страшно станет...
И взор испуганный отпрянет,
Как бы от бездны под ногой...
И ночь в бесплодной агонии
Пройдет опять... и вот с зарей
Лучи рассвета голубые,
Сливаясь с вспышкой золотой
Ночной лампы, как статую,
Без жизни, скорбную, немую,
Сквозь окон озарят ваш лик...
Склоняся к креслам головою,
С упавшей на плечо косою
Заснули вы; но сон ваш дик
И смутен, в сердце кровь вскипает,
По членам холод пробегает...
Открылась дверь; явился вдруг
Ваш возвратившийся супруг
С официальной ассамблеи.

— Ах, душенька, ты не спала? —
И вы, открывши взор свой влажный,
Ему промолвите, протяжно
Зевая: «Всё тебя ждала...»

Потом?

Потом... какой развязки
Еще вам ждать от этой сказки?..
Потом во славу небесам
Войдет всё в путь обыкновенный:
Опять придется вечно вам
Смеяться шуточке почтенной,
Терпеть нарядного шута,

Карать порок судом гостиным,
Когда он деньгами иль чином
Не откупился от суда...
Потом?

Потом на ум, на чувство
Дремота ляжет, как дурман,
И даже нравиться искусство
Вам опостылит. На диван
Уляжетесь, поджавши ножки;
Вкруг вас усядутся рядком,
Как пред японским божеством,
Болонки, стриксы или кошки...
Душевных бурь пройдет и след,
И страсти уж навек уймутся,
И цепи снова вам придутся,
Как ловко скроенный корсет.

ДУРОЧКА

Идиллия

Всем довольна я, старушка, —
Бога нечего гневить!
Мир в семье; есть деревушка —
Хоть мала, да можно жить!

У меня — семья большая;
Детки вокруг нас, стариков,
Словно роща молодая
Вкруг дряхлеющих дубков...

Но, как в ясном небе тучка,
К нам одна напасть пришла:
Наша младшая-то внучка
Просто дурочка была;

Вовсе здорового понятия
Не имела; что ни дай
Ей — хоть шелковое платье —
Вмиг всё в пятнах, хоть бросай!

Благородные девицы
К нам приедут. «Да поди! —
Говорю. — Там все сестрицы;
Только так хоть посиди!»

«Нет уж, бабушка, мне с ними
Делать нечего!» — «Как так?» —
«Что мне с такими злыми...»
И забьется на чердак.

Только встала — полетела!
Всю деревню obeжит! ..
Это — первое ей дело, —
Всё друзья ведь — просто стыд!

Свадьба ль в доме — всё равно ей;
Посетит ли смерть кого,
С мертвецом в одном покое
Ляжет спать — и ничего!

Мать учить начнет, бывало,
Говорит, подчас и бьет, —
Как к стене горох! нимало,
То есть ухом не ведет.

Ну, ее за то ж и гнали;
Вечно с нею воркотня;
На хлеб, на воду сажали...
Баловала только я.

И она как будто чувствует
И ко мне одной идет:
Обойму ее, целует,
Руки крепко, крепко жмет,

Надорвет мое сердечко...
«Ох ты, бедная моя,

Нелюбимая овечка,
Сиротинка у меня!»

«Как у вас хватает духу
Гнать бедняжку?» — говорю;
Да не слушают старуху,
Сколько я их ни журю.

Ей одно лишь любо было —
Нянчить маленьких детей;
Всё им сказки говорила
Про русалок да князей.

Где слова тогда берутся!
И дрожит сама-то вся;
Дети так и разревутся,
И унять потом нельзя.

В снег — на улицу, и скачет!
А возьмут ее домой —
В угол спрячется и плачет...
Дом ей словно как чужой.

Всё бы в лес! Весною хлеба,
Круп с собою наберет,
Станет в поле, смотрит в небо,
Журавлей к себе зовет.

Мы видали, к ней станицей
Птица всякая летит,
И она ведь с каждой птицей
Особливо говорит...

Порча ль тут была от детства,
Или разум уж такой, —
Все мы пробовали средства,
Да махнули и рукой.

И жила она немного.
Видим, нет уж в ней пути.
Что лечить тут? Против бога
Человеку не идти.

Докторов иных бы нужно —
Повести бы по мощам. . .
Ну, да летом недосужно —
Жатва, севы — знаешь сам!

Вот и вышло: летом стала
Пропадать она по дням.
Спросим: «Где ты пропадала?»
Вздор рассказывает нам —

Что была она далеко,
В неизвестных сторонах,
Где зимы нет, где высоко
Горы в самых небесах;

Что у моря там зеленый
Вечно лес растет; что там
Зреют желтые лимоны
По высоким деревьям;

Что там город есть великий,
Где рабы со всяких стран;

Царь в том городе предикий
И гонитель христиан;

Что он травит их там львами,
Чтоб от веры отреклись;
Что их кровь течет ручьями —
А они всё не сдались;

Что там чудные чертоги,
Разноцветных храмов ряд,
Где всё мраморные боги
Лет две тысячи сидят;

Вавилонская царица
Там какая-то жила,
И языческая жрица
Сожжена огнем была;

Да безумная невеста...
Но всего не передать;
Есть ли где такое место,
Не могу тебе сказать...

Только видим — девка бредит!
Уверяет, что сама
В этот край совсем уедет,
Только вот придет зима.

Между тем прошла уж осень,
Дуня что-то всё молчит;
Целый день между двух сосен,
По дороге в лес, сидит.

Мать журила; запирали;
Да ничто неймется ей!
Раз ушла она; мы ждали —
Нет. Уж поздно. Мы за ней

Разослали по соседям —
Нет нигде! Дней пять прошло;
Как-то с сыном лесом едем:
Снег в лесу-то размело...

«Взглянь-ко, — говорю я, — Саша, —
А сама-то вся дрожу. —
Что там? уж не Дуня ль наша?»
Так и есть, она!.. Гляжу —

К старой сосенке прижалась,
На ручонки прилегла,
И, голубушка, казалось,
Крепким сном она спала...

Я вот так тут и завывала!
Точно что оторвалось
От души-то... Горько было,
А могилку рыть пришлось...

После всё уж мы узнали:
К нам в соседство той весной
Граф с графиней приезжали
Из чужих краев домой.

У графини, видишь, деток
Был всего один сынок;

С нашей был он однолесток —
Так, пятнадцатый годок.

С ним-то наша и сошлася,
Да, как глупое дитя,
Всяких толков набралася
Про заморские края.

И когда графиня снова
Поднялася в свой вояж,
Никому не молвя слова,
Дуня вздумала туда ж!

Где же ей пройти лесами!
И большому мудрено,
Да зимой еще, снегами...
Так уж, видно, суждено.

Не жилось ей, знать, на свете...
Бог не долго жить дает
Юродивым: божьи дети —
Прямо в рай он их берет.

Без нее же запустенье
Стало вдруг в семье моей;
И хотя соображенья
Вовсе не было у ней,

Хоть пути в ней было мало
И вся жизнь ее был бред,
Без нее ж заметно стало,
Что души-то в доме нет...

РЫБНАЯ ЛОВЛЯ

*(Посвящается С. Т. Аксакову, Н. А. Майкову,
А. Н. Островскому, И. А. Гончарову, С. С. Дудышкину,
А. И. Халанскому и всем понимающим дело)*

Себя я помнить стал в деревне под
Москвою.

Бывало, ввечеру поудить карасей
Отец пойдет на пруд, а двое нас, детей,
Сидим на берегу под елкою густою,
Добычу из ведра руками достаем
И шепотом о ней друг с другом речь
ведем...

С летами за отцом по ручейкам пустынным
Мы стали странствовать... Теперь то
время мне

Является всегда каким-то утром длинным,
Особым уголком в безвестной стороне,
Где вечная заря над головой струится,
Где в поле по росе мой след еще
хранится...

В столицу приведен насильно точно я;
Как будто всем чужой, сижу на чуждом
пире,

И, кажется, опять я дома в божьем мире,

Иль ласточек, крылом коснувшихся к воде...
Смотрю — усач-солдат сложил шинель на травку,
Сам до колен в воде и удит на булавку.
«Что, служба?» — крикнул я. «Пришли побаловать
Маленько», — говорит. «Нет, клев-то как, служивый?» —
«А клев-то? Да такой тут вышел стих счастливый,
Что в час-то на уху успели натаскать».

Ну, кто бы устоять тут мог от искушенья?
Закину, думаю, я разик — и назад!
Есть место ж у меня заветное: там скат
От самых камышей и мелкие каменья.
Тихонько удочки забравши, впопыхах
Бегу я к пристани. Вослед мне крикнул кто-то,
Но быстро оттолкнул челнок я свой от плота
И, гору обогнув, зарылся в камышах.

Злодеи-рыбаки уж тут давно: вон с челном
Запрятался в тростник, тот шарит в глубине...
Есть что-то страстное в вниманьи их безмолвном,
Есть напряжение в сей людной тишине:
Лишь свистнет в воздухе леса волосая,
Да вздох послышится — упорно все молчат
И зорко издали друг за другом следят.
Меж тем живет вокруг равнина водяная,

Стрекозы синие колеблют поплавки,
И тощие кругом шныряют пауки,
И кружится, сребрясь, сетков веселых стая
Иль брызнет в стороны, от щуки исчеза.

Но вот один рыбак вскочил, и трепеща
Все смотрят на него в каком-то страхе
чутком;

Он, в обе руки взяв, на удилище гнутком
Выводит на воду упорного леща.
И черно-золотой красавец повернулся,
И вдруг взмахнул хвостом — испуганный,
рванулся, —

«Отдай, отдай!» — кричат, и снова в глубину
Идет чудовище, и ходит, вся в струну
Натянута, леса... дрожь вчуже пробирает!..
А тут мой поплавок мгновенно исчезает.
Ташу — леса в воде описывает круг,
Уже зияет пасть зубастая — и вдруг
Взвилась моя леса, свистя над головою...
Обгрызла!.. Господи!.. но, зная норы щук,
Другую удочку за тою же травой
Тихонько завожу и жду, едва дыша...
Клюет... Напрягся я и, со всего размаха,
Исполненный надежд, волнуясь от страха,
Выкидываю вверх — чуть видного ерша...
О, тварь негодная!.. От злости чуть не
плачу;

Кляну себя, людей и мир за неудачу,
И как на углях, закинув вновь, сижу,
И только комары, облипшие мне щеки,
Обуздывают гнев на промах мой жестокий.

Чтобы вздохнуть, кругом я взоры обвожу.
Как ярко горы там при солнце заходящем!
Как здесь, вблизи меня, с своим шатром
сквозящим,

Краснеют темных сосн сторукие стволы
И отражаются внизу в заливе черном,
Где белый пар уже бежит к подножьям
горным.

С той стороны село. Среди серебристой мглы
Окошки светятся, как огненные точки;
Купанье там идет: чуть слышен визг живой,
Чуть-чуть белеются по берегу сорочки,
Меж тем как слышится из глубины лесной
Кукушка поздняя да дятел молодой...
Картины бедные полунощного края!
Где б я ни умирал, вас вспомню, умирая:
От сердца пылого всё злое прочь гоня,
Не вы ль, миря с людьми, учили жить
меня! ..

Но вот уж смерклося. Свежеет. Вкруг ни
звука.
На небе и водах погас пурпурный блеск.
Чу... тянут якоря! Раздался весел плеск...
Нет, видно, не возьмет теперь ни лещ,
ни щука!

Вот если бы чем свет забраться в
тростники,
Когда лишь по заре заметишь поплавки,
И то, почти к воде припавши... тут
охота! ..

Что ж медлить? Завтра же... Меж тем все
челноки,

Толкаясь, пристают у низенького плота,
И громкий переклик несется на водах
О всех событиях дня, о порванных лесах,
И брань и похвальба, исполненные страсти.
На плечи, разгрузясь, мы взваливаем снасти,
И плещет ходкий плот, качаясь под ногой.
Идем. Под мокрою одеждой уж прохладно;
Зато как дышится у лодок над водой,
Где пахнет рыбою и свежестью отрадной,
Меж тем как из лесу чуть слышным

ветерком,
Смолой напитанным, потянет вдруг теплом!..

О милые мои! Ужель вам не понятно,
Вам странно, отчего в тот вечер благодатный
С любовью в душе в ваш круг вбегаю я
И, весело садясь за ужин деревенской,
С улыбкой слушаю нападки на меня —
Невинную грозу запальчивости женской?
Бывало, с милою свиданье улучив,
И уж обдумавши к свиданью повод новый,
Такой же приходил я к вам... Но что вы?

что вы?
Что значит этот клик и смеха дружный
взрыв?

Нет, полно! вижу я, не сговорить мне с
вами!

Истوما сладкая ко сну меня зовет.
Прощайте! добрый сон!.. уже двенадцать
бьет...

Иду я спать... И вот опять перед глазами
Всё катится вода огнистыми струями,
И ходят поплавки. На миг лишь задремал —
И кажется, клюет!.. Тут полно, сон

пропал;
Пылает голова, и сердце бьется с болью.
Чуть показался свет, на цыпочках, как вор,
Я крадусь из дому и лезу чрез забор,
Взяв хлеба про запас с кристальной крупной
солью.

Но на небе серо, и мелкий дождь идет,
И к стуже в воздухе заметен поворот;
Чуть видны берегов ближайшие извивы;
Не шелохнется лес, ни птица не

вспорхнет, —
Но чувствую уже, что будет лов счастливый.

И точно. Дождь потом зашлепал всё сильнее;
Вскипело озеро от белых пузырей,
И я промок насквозь, окостенели руки;
Но окунь — видно, стал бодрее с

холодком —
Со дна и поверху гнался за червяком,
И ловко выхватил я прямо в челн две
щуки...

Тут ветер потянул — и золотым лучом
Деревню облило. Э, солнце как высоко!
Уж дома самовар, пожалуй, недалеко...
Домой! и в комнату, пронизанный дождем,
С пылающим лицом, с душой и мыслью

ясной,

Две щуки на шнурке, вхожу я
с торжеством...
И криком все меня встречают: «Ах,
несчастный!..»

Непосвященные! напрасен с ними спор!
Искусства нашего непризнанную музу
И грек не приобщил к парнасскому союзу!
Нет, муза чистая, витай между озер!
И пусть бегут твои балованные сестры
На шумных поприщах гражданственности
пестрой
За лавром, и хвалой, и памятью веков, —
Ты, ночью звездною, на мельничной плотине,
В сем царстве свай, колес, и плесени,
и мхов,
Таинственностью дух питай в святой
пустыне!

Заслыша, что к тебе в тот час взываю я,
Заманивай меня по берегу ручья,
В высокой óсоке протоптанной тропинкой,
В дремучий, темный лес; играй, резвись
со мной;

Облей в пути лицо росистою рябинкой;
Учи переходить по жердочке живой
Ручей и, усадив за ольхой серебристой
Над ямой, где лопух разросся круглолистый,
Где рыбе в затиши прохлада есть и тень,
Показывай мне, как рождается новый день;
И в миг, когда спадет с природы тьмы
завеса

И солнце вспыхнет вдруг на пурпуре зари,

БАБУШКА И ВНУЧЕК

В святцах у бабушки раз
Внучек цветок увидал;
«Тут сувенирчик у вас, —
Он улыбаясь сказал. —

Что, если б он говорил?
Может быть, целый роман
Мне бы теперь он открыл...
Был бы и муж там тиран,

Ночь, соловей и луна,
Быстрый свидания час...
Было — и в те времена —
Много, чай, всяких проказ?..»

— Грех над старухой шутить... —
Бабушка внуку в ответ. —
Кто ж бы еще подарить
Мог мне его, как не дед?

«Дедушкин это цветок? —
Внучек опять. — Признаюсь,
Вот угадать бы не мог!
Дедушка! этакий туз!»

— Молод покойничек был!..
Ну, да и я-то тогда...
В мыслях-то ветер бродил!..
Тоже была молода...

Ездили раз мы весной,
В ранний улов стерлядей,
К мельнице нашей лесной...
Батюшка... много гостей...

Я и стою на мосту;
Вкруг молодежь мне поет
Всё про мою красоту, —
Что тут на ум не взбредет!

Мельница так и дрожит;
Омут-то в пенных буграх
Ходенем ходит, кипит,
Так что и вспомнить-то страх!

В воду и кинь я цветок!
«Кто, — говорю я, — прыгнет
С мосту отсюда в поток
И мой цветоч принесет,

Тот мне и есть кавалер!»
Все засмеялись вокруг;
Только один офицер
С мосту-то прямо и — бух!

Я обомлела. Народ
Бросился к лодкам, к реке...

Только глядим — он плывет,
Держит цветок мой в руке...

Мне подает: я готов
Жизнь, мол, за вас положить!..
Вот молодец был каков!
Да, не любил он шутить!

Дедушку я твоего
Тут и узнала тогда...
Так и пошла за него...
Был человек это!.. Да!..

Старого века кремень!
Барин он был матерой!
Сёл что имел, деревень!
Видный, красавец собой,

Соколом ясным ходил!
Первым везде был лицом!
Что он народу кормил!
Ну, да и сам жил царем...

В гости ль меня вывозил —
В золото, жемчуг, атлас,
Словно царицу, рядил,
Словно как вез напоказ!

Серый лихой шестерик
Держит едва под уздцы...
Кучер был сила-мужик!
И гайдуки молодцы!

И, как жила я за ним,
Тронуть меня уж не смей
Кто хоть бы словом худым:
Со свету сгонит — ей-ей!

Да, это был человек!..
Нынче и род уж не тот!
Нынче — не тот уж и век!
Мелкий пошел всё народ!..

«Бабушка! — внучек прервал. —
Я от самих стариков
Часто про деда слыхал:
Он не совсем был таков!

Был он — надменный богач!
Жил — азиатским пашой;
Сам и судья и палач,
Ночью ездил на разбой;

И в душегубстве не раз
Был по суду обвинен...
Правда, в то время у нас
Знатному что был закон!

Пьянство и ночью и днем!
В доме жил целый гарем!
Вы же — всю жизнь под замком
В страхе дрожали меж тем.

Вас-то он будто любил!
Боже мой! он, как злодей,

Вашу всю жизнь загубил,
Вас загубил и детей!

Месяц иль два присмирив,
Первой-то страстной порой
Ласков был с вами, как лев
С львицей своей молодой!

Ну, а как душу отвел...
Бабушка! сердце во мне
Рвется при мысли — что́ зол
Вынесли вы-то одне!

Верьте, люблю я, как мать,
Вас за страдальный ваш век.
Что ж от меня вам скрывать!
Дед был — дурной человек!..»

Бабка трясет головой,
Шепчет на речи его:
— Что говорить мне с тобой!
Ты не поймешь ничего! —

Вяжет старушка чулок,
Вяжет чулок и молчит,
И на засохший цветок
Нежно порою глядит...

Смотрит на бабушку внук...
Он изумлен, что у ней
Слезы закапали вдруг
Тихо из тусклых очей...

В жизни дитя — не умел
Сердце еще он понять!
Он испытать не успел,
Как оно может прощать!

Как из-за прошлых скорбей,
Их разгоняя, что тьму,
Сладкий лишь миг всё ясней
Издали светит ему;

И, как святой идеал,
Образ рисует того,
Кто это сердце терзал,
Кто так измучил его!..

1857

ЕМШАН¹

Степной травы пучок сухой,
Он и сухой благоухает!
И разом степи надо мной
Всё обаянье воскрешает...

Когда в степях, за станом стан,
Бродили орды кочевые,
Был хан Отрѣк и хан Сырчан,
Два брата, батыри лихие.

И раз у них шел пир горой —
Велик полон был взят из Руси!
Певец им славу пел, рекой
Лился кумыс во всем улусе.

Вдруг шум и крик, и стук мечей,
И кровь, и смерть, и нет пощады! —
Всё врозь бежит, что лебедей
Ловцами спугнутое стадо.

¹ Рассказ этот взят из Волынской летописи. Емшан — название душистой травы, растущей в наших степях, вероятно полынок.

То с русской силой Мономах
Всесокрушающий явился —
Сырчан в донских залегах мелях,
Отрѣк в горах кавказских скрылся!

И шли года... Гулял в степях
Лишь буйный ветер на просторе...
Но вот — скончался Мономах,
И по Руси — туга и горе.

Зовёт к себе певца Сырчан
И к брату шлет его с наказом:
«Он там богат, он царь тех стран,
Владыка надо всем Кавказом —

Скажи ему, чтоб бросил всё,
Что умер враг, что спали цепи,
Чтоб шел в наследие свое,
В благоухающие степи!

Ему ты песен наших спой, —
Когда ж на песнь не отзовется,
Свяжи в пучок емшан степной
И дай ему — и он вернется».

Отрѣк сидит в златом шатре,
Вкруг — рой абхазянок прекрасных;
На золоте и серебре
Князей он чествует подвластных.

Введен певец. Он говорит,
Чтоб в степи шел Отрѣк без страха,

Что путь на Русь кругом открыт,
Что нет уж больше Мономаха!

Отрѣк молчит, на братнин зов
Одной усмешкой отвечает —
И пир идет, и хор рабов
Его, что солнце, величает.

Встает певец, и песни он
Поет о былях половецких,
Про славу дедовских времен
И их набегов молодецких, —

Отрѣк угрюмый принял вид
И, на певца не глядя, знаком,
Чтоб увели его — велит
Своим послушливым кунакам.

И взял пучок травы степной
Тогда певец и подал хану —
И смотрит хан — и, сам не свой,
Как бы почуя в сердце рану,

За грудь схватился... Все глядят —
Он грозный хан, что ж это значит?
Он, пред которым все дрожат, —
Пучок травы целую, плачет!

И вдруг, взмахнувши кулаком,
«Не царь я больше вам отныне! —
Воскликнул. — Смерть в краю родном
Милей, чем слава на чужбине!»

Наутро, чуть осел туман
И озлатились гор вершины,
В горах идет уж караван —
Отрѣк с небольшою дружиной.

Минуя гору за горой,
Всѣ ждет он — скоро ль степь родная —
И вдаль глядит, травы степной
Пучок из рук не выпуская.

1874

В ГОРОДЦЕ В 1263 ГОДУ ¹

Ночь на дворе и мороз.
Месяц — два радужных светлых венца
вкруг него...
По небу словно идет торжество;
В келье ж игуменской зрелище скорби
и слез...

Тихо лампада пред образом спаса горит;
Тихо игумен пред ним на молитве стоит;
Тихо бояре стоят по углам;
Тих и недвижим лежит, головой к образам,
Князь Александр, черной схимой
покрыт...
Страшного часа все ждут: нет надежды,
уж нет!
Слышится в келье порой лишь болящего бред.
Тихо лампада пред образом спаса горит...
Князь неподвижно во тьму, в
беспредельность глядит...
Сон ли проходит пред ним, иль видений
таинственных цепь —

¹ Городец на Волге; там умер на возвратном пути из Орды в. к. Александр Ярославич Невский в 1263 году

Видит он — степь, беспредельная бурая
степь...

Войлок разостлан на выжженной солнцем
земле.

Видит: отец! смертный пот на челе,
Весь изможден он, и бледен, и слаб...

Шел из Орды он как данник, как раб...

В сердце, зная, сил не хватило обиду
стерпеть...

И простонал Александр: «Так и мне
умереть...»

Тихо лампада пред образом спаса горит...

Князь неподвижно во тьму,
в беспредельность глядит...

Видит: шатер, дорогой, златотканый
шатер...

Трон золотой на пурпурный поставлен
ковер...

Хан восседает средь тысячи мурз и князей...

Князь Михаил¹ перед ставкой стоит
у дверей...

Подняты копы над княжеской светлой
главой...

Молят бояре горячей мольбой...

«Не поклонюсь истуканам вовек», — он
твердит...

Миг — и повержен во прах он лежит...

Топчут ногами и копыями колют его...

Хан, изумленный, глядит из шатра своего...

¹ Кн. Михаил Черниговский.

Лживый, коварный, пришельческий род! ..
Нам ли баскаков пустить
Грabitь казну, на правeж нас водить?
Злата и сeребра горы у нас в погребax,
Нам ли валяться у хана в ногах!
Бей их, руби их, баскаков поганых,
татар! ..»

И разлилася река, взволновался
пожар...
Князь приподнялся на ложе своем;
Очи сверкнули огнем,
Грозно сверкнули всем гневом высокой
души —
Крикнул: «Эй, вы, торгоши!
Бог на всю землю послал злую
мзду.
Вы ли одни не хотите его покориться суду?
Ломятся тьмами ордынцы на Русь — я себя
не щажу,
Я лишь один на плечах их держу! ..
Бремя нести — так всем миром нести!
Дружно, что бор вековой, подыматься,
расти,
Веруя в чаянье лучших времен, —
Всё лишь в конце претерпевый — спасен! ..»

Тихо лампада пред образом спаса горит...
Князь неподвижно во тьму,
в беспредельность глядит...
Тьма, что завеса, раздвинулась вдруг
перед ним...
Видит он: облитый словно лучом золотым

Берег Невы, где разил он врага...
Вдруг возникает там город... народом кишат
берега...

Флагами веют цветными кругом корабли...
Гром раздается; корабль показался вдали...
Правит им кормчий с открытым, высоким
челом...

Кормчего все называют царем...

Гроб с корабля поднимают, ко храму несут,
Звон раздается, священные гимны поют...
Крышу открыли... Царь что-то толпе
говорит...

Вот — перед гробом земные поклоны
творит...

Следом — все люди идут приложиться к
мощам...

В гробе ж — князь видит — он сам...

Тихо лампада пред образом спаса горит...

Князь неподвижен лежит...

Словно как свет над его просиял головой —

Чудной лицо озарилось красой —

Тихо игумен к нему подошел и дрожащей
рукой

Сердце ощупал его и чело —

И, зарывав, возгласил: «Наше солнце
зашло!»

У ГРОБА ГРОЗНОГО

Средь царственных гробов в Архангельском соборе
На правом клиросе есть гроб. При гробе том
Стоишь невольно ты с задумчивым челом
И с боязливою пытливостью во взоре...
Тут Грозный сам лежит!.. Последнего суда,
Ты чувствуешь, что над ним судьба не изрекала;
Что с гроба этого тяжелая опала
Еще не снята; что, быть может, никогда
На свете пламенной души не появлялось...
Она — с алчностью добра — весь век во зле
терзалась,
И внутренним огнем сгорел он... До сих пор
Сведен итог его винам и преступленьям;
Был спрос свидетелей; поставлен приговор, —
Но нечто высшее всё медлит утвержденьем,
Недоумения толпа еще полна,
И тайной облечен досель сей гроб
безмолвный...
Вот он!.. Иконы вокруг. Из узкого окна
В собор, еще святых благоуханий полный,
Косой вечерний луч на темный гроб упал
Узорной полосой в колеблющемся дыме...

О, если б он предстал теперь, в загробной
 схиме,
 И сам, как некогда, народу речь держал:
 «Я царство создавал и создал, и доньше, —
 Сказал бы он, — оно стоит четвертый век...
 Судите тут меня. В паденьях и гордыне
 Ответ мой — госпуду: пред ним я — человек,
 Пред вами — царь! Кто ж мог мне
 помогать? .. Потомки
 Развенчанных князей, которым резал глаз
 Блеск царского венца, а старых прав обломки
 Дороже были клятв и совести? .. Держась
 За них, и Новгород: что он в князьях,
 мол, волен!
 К Литве, когда Москвой стеснен иль
 недоволен! ..
 А век тот был, когда венецианский яд,
 Незримый, как чума, прокрадывался всюду:
 В письмо, в причастие, ко братине и к
 блюду...
 Княгиня, мать моя, как умерла? — Молчат
 Княжата Шуйские... Где Бельский? Рать
 собирает?
 Орудует в Крыму и хана подымает!
 Под Серпуховом кто безбожного навел
 На своего царя и указал дорогу?
 Мстиславский? Каешься? .. А Курбский?
 Он ушел!
 «Не мыслю на удел», — клянется мне и богу,
 А пишется в Литве, с панами не таясь,
 В облыжных грамотах как «Ярославский
 князь»!

Клевещет — на кого ж? На самое царицу —
Ту чистую, как свет небесный, голубицу!..
Все против!.. Что же я на царстве?..

Всем чужой?..

Идти ль мне с посохом скитаться в край
из края?

Псарей ли возвести в боярство — и покой
Купить, им мерзости творить не возбраняя,
И ненавистью к ним всеобщей их связать
С своей особою?.. Ответ кто ж должен

дать

За мерзость их, за кровь?.. Покинутый,
болящий,

Аз перед господом, аз, аки пес смердящий,
В нечестьи и грехе!

Но царь пребыл царем.
Навеки утвердил в народе он своем,
Что пред лицом царя, пред правдою

державной

Потомок Рюрика, боярин, смерд — все

равны,

Все — сироты мои. . .

И царство создалось!

Но моря я хотел! Нам нужно насажденье
Наук, ремесл, искусств, — всё с боя брать

пришлось!

Весь Запад завопил: опасно просвещение

Пустить в Московию! Сам кесарь взор

возвел

Тревожно на небо; двуглавый наш орел

Уже тѣмъ виденъ сталъ — и занавесь упала,
И царство новое предъ ихъ очами встало...

Оно не прихотью явилось на светъ.
В немъ не одной Руси спасенія заветъ,
В немъ церкви истинной хоругвь, и меч,
и сила!

Единоверныхъ скорбь, чтобъ быть ему, молила,
И — бысть!.. Мой дедъ, отецъ трудились надъ
нимъ:

Я жъ утвердилъ навекъ, хоть самъ раздавленъ имъ...
Вы все не поняли?.. Кто жъ понялъ? Только
эти,

Что в ужасе, какъ жить безъ государства, шли
Во дни великихъ смутъ с крестомъ со всей
земли

Освобождать Москву... Моихъ князей же
дети

Вели постыдный торгъ с ворами и Литвой,
За лишніе права имъ жертвуя Москвой!..

Да! Люди средніе и меньшіе, водимы
Лишь верою, что богъ имъ учредилъ царя
В исходъ отъ тяжкихъ бедъ; что царь, лишь имъ
судимый,

И зритъ лишь на него, народу судъ творя;
Ту веру далъ имъ я, самъ божья откровенья
О ней исполняя в дни слезъ и сокрушенья...

И сей священный огонь доныне не угасъ:
Навеки духомъ Русь с царемъ своимъ слилась!

Да! царство ваше — трудъ, свершенный
Иоанномъ,

Труд, выстраданный им в бореньи
неустанном.
И памятайте вы: всё то, что строил он, —
Он строил на века! Где — взвел до
половины,
Где — указал пути... и труд был довершен
Уж подвигом Петра, умом Екатерины
И вашим веком...

Да! мой день еще придет!
Услышится, как взывал испуганный народ,
Когда возведена царя была кончина, —
И сей народный вой над гробом властелина —
Я верую — в веках вотще не пропадет,
И будет громче он, чем этот шип подземный
Боярской клеветы и злобы иноземной...»

КТО ОН?

Лесом частым и дремучим,
По тропинкам и по мхам,
Ехал всадник, пробираясь
К светлым невским берегам.

Только вот — рыбачья хата;
У реки старик стоял,
Челн осматривал дырявый,
И бранился и вздыхал.

Всадник подле — он не смотрит.
Всадник молвил: «Здравствуй,
дед!»

А старик в сердцах чуть глянул
На приветствие в ответ.

Всё ворчал себе он под нос:
«Поздоровится тут, жди!
Времена уж не такие...
Жди да у моря сиди.

Вам ведь всё ничто, боярам,
А челнок для рыбака

То ж, что бабе веретёна
Али конь для седока.

Шведы ль, наши ль шли тут утром,
Кто их знает — ото всех
Нынче пахнет табачищем...
Ходит в мире, ходит грех!

Чуть кого вдáли завидишь —
Смотришь, в лес бы... Ведь
грешно!..

Лодка, вишь, им помешала,
И давай рубить ей дно...

Да, уж стала здесь сторонка
За теперешним царем!..
Из-под Пскова ведь на лето
Промышлять сюда идем».

Всадник прочь с коня и молча
За работу принялся;
Живо дело закипело
И поспело в полчаса.

Сам топор вот так и ходит,
Так и тычет долото —
И челнок на славу вышел,
А ведь был что решето.

«Ну, старик, теперь готово,
Хоть на Ладогу ступай,

Да закинуть сеть на счастье
На Петрово попытай». —

«На Петрово! эго слово
Молвил! — думает рыбак. —
С топором гляди как ловок...
А по речи... Как же так?..»

И развел старик руками,
Шапку снял и смотрит в лес,
Смотрит долго в ту сторонку,
Где чудесный гость исчез.

1841, 1858

На белой отмели Каспийского поморья
Работой каторжной изнеможен, лежал
Певец. Вокруг песок: ни кустика, ни взгорья...
Лишь Каспий брызгами страдальца освежал,
Лишь Каспий вызывал певца на песнопенье...
Вот в сердце узника забилося вдохновенье,
Зажглись уста, сверкнул потухший взор,
Он руки к родине, как к матери, простер
И очи обратил с молитвой жаркой к богу, —
Но двое часовых уж видят — быть греху!
И взводят уж курки, отставили уж ногу,
Готовясь выстрелить по первому стиху
И в крепости поднять военную тревогу.

МАШЕНЬКА

Поэма

6.

7.

Куда как надоел элегий современных
Плаксивый тон; то ль дело иногда
Послушать старичков-рассказчиков почтенных
Про молодости их удалые года.
Невольно веришь им, когда почти с слезою
Они, смотря на нас, качая головою,
Насмешливо твердят: «То ль было
в старину!»

Теперь из их времен я свой рассказ
начну.

Хоть он в моих устах теряет сто процентов;
Хоть ныне далеки мы от блаженных дней,
Дней буйных праздников, гусарских кутежей,
Уездных Ариадн, языковских студентов;
Хоть этих лиц теперь почти уж боле нет;
Хотя у нас теперь иные люди, нравы, —
Но всё ещё пойдем мы были прошлых лет
И дедов старые проказы и забавы.

ЧАСТЬ I

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1

Жил на Песках один чиновник. Звали
Его Василий Тихоныч Крупа.
Жил тихо он. В дому лишь принимали
По праздникам с святой водой попа;
А братии своей мелкочиновной
Он никогда почти не приглашал,
Хоть знали все, что службой безгреховной
Он тысячу рублишек получал,
Да дом имел; итак, квартира даром,
Так «скуп старик» — все говорили с жаром.

2

Когда бы вы увидели его,
Вы, чуждые чиновничьего мира,
«Чудак, чудак!» — сказали б про него;
И воротник высокий вицмундира,
И на локтях истертое сукно,

Уста без жизни, волосы клочками,
Глаза тупые с бледными зрачками, —
Да, точно б, вы сказали: «В нем давно
Всё человечество умерщвлено».

3

Он двигался, как машина немая;
Как автомат, писал, писал, писал...
И что писал — почти не понимал.
На благо ли отеческого края,
Иль приговор он смертный объявлял —
Он только буквы выводил... Порою
Лишь подходил к соседу стороною,
Не для того, чтобы прогнать тоску
Иль сплин, а так... понюхать табачку.

4

Над ним острился молодой народ:
— Чай, в сундуках у вас есть капиталец,
А ведь, злодей, к себе не позовет.
— Что деньги вам: ведь вы один, как
палец.
— Куда-те? Говорят, что дочка есть.
— Скажите! Что, на вас она похожа?
— Ну, если так, вам небольшая честь.
— И у нее шафрановая кожа? —
Старик молчит или, поднявши глаз,
Из-за пера шепнет: «Получше вас».

Так жизнь его ползла себе в тиши,
 Без радости и без тоски-злодейки...
 Ни разу не смущал его души
 Ни преферанс задорный по копейке,
 Ни с самобаром за город пикник.
 Но вдруг все в нем заметили движенье,
 Стал о погоде говорить старик
 И цену спрашивал французских книг;
 Видали, он на Невском, в дождь,
в волнении
 Глядел в окно у магазина мод —
 «Ишь, старый черт!.. Кого-нибудь
да ждет».

Однажды встал он рано: задыхаясь,
 Всю ночь почти он глаз и не смежил.
 Вдел туфли и открыл окно. Он был
 Тревожим чем-то, так что, одеваясь,
 Наместо колпака чуть не надел
 Чулок. Был праздник; день светился яркий;
 Кругом далеко благовест гудел;
 Тут в берегах тесьмой канал блестел;
 В кружок теснясь, за миской щей на
барке,
 За полдником сидели бурлаки...
 Какое утро с свежестью и жаром!
 Земля как будто дышит ранним паром,
 А небеса так сини, глубоки!

А кто сказал тебе? Подслушал, верно,
 Как говорил вчера Аниютке я?
 Подслушать тоже любишь?.. Я тебя!
 Мошенник! Наказать его примерно!
 Сейчас скажу директору!.. Смотри!
 Ну, что ты слышал, Шурка? Повтори!
 Что?.. Машенька к нам будет?..
 Знаешь Машу?

Не знаешь? То-то ты и спал всю ночь.
 Полюбишь ли ее, голубку нашу?
 Смотри же — полюби: она мне дочь.

Она тебя за то полюбит тоже...
 Ну, а как нет? А как начнет скучать,
 И станет плакать, и худеть, вздыхать?
 Не пережить мне этого... Эх, боже!
 В три месяца, чай, к роскоши она
 Привыкла у княгини... ведь не шутка —
 Балы, театр... А здесь?.. Не сметена
 Ведь даже пыль... Что ж дрыхнешь ты,
 Аниютка!

Да подмети, да пыль сотри. Ишь, сад
 Зарос совсем. Дай заступ поскорее —
 Куртинки пообрежу... да в аллее
 Проклятый подорожник вон... да с гряд
 Крапиву... Ах, мой бог, какая гадость!

Что, старый хрыч, о чем же думал ты?
Щавель, крапива — славные цветы!
Вот хорошо готовил дочке радость!»

11

Он принялся копать, возил песок,
Полол и рыл, как записной садовник.
Ну, глядя на него, никто б не мог
Подумать, что он классный был чиновник...
Уж полдень был. Затихнул ветерок;
Недвижные листы к земле склонились;
Железо крыш и камни накалились;
На улицах всё пусто; тишь кругом;
Один мужик на барке да собака
На солнце спали; голуби рядом
Под крышею, под сачковым окном
Уселися, ища прохлады мрака.

12

Василий Тихоныч, кряхтя, отвез
Последний сор. «Ну, этак будет лихо!»
Сел на скамью под ветвями берез,
Отер свой лоб и любовался тихо,
Как мак, нарцисс пестрели между роз.
«Ну, лихо будет!.. Уф, как жарко, душно!
Умаялся». Совсем не думал он,
Чем за свой труд он будет награжден:
Лишь не было б здесь только Маше скучно.

«Ну, дождался, голубушка, тебя!
Целковики копил недаром я!
Вот проживем годок-другой, а там уж
Как раз пристроимся и выйдем замуж!
Ух! Набежит пострелов! Кликни клич —
Лука Лукич, да что Лука Лукич!
Столоначальники... мое почтение!..
Бей выше... сам начальник отделения!..
Анютка, выйди-ка в переулок, — что?
Не видно ль там... не едет там никто?
Гляди, гляди, послушай-ка, что это?»
— Да ничего не видно... — «Врешь,
каре́та...
Как ничего? Гляди... Я слышу стук».
— Да кабы стук, так слышно б... —
Старый бредит.
«Анютка!.. Эй, беги, подай сюртук,
Да что ж стоишь ты, дура?.. Едет, едет!»

ГЛАВА ВТОРАЯ

1

Василий Тихоныч не мог довольно
Налюбоваться дочкою своей.
Заботливо показывал он ей
Сад, комнаты и, трепеща невольно,
Смотрел, как ей понравится. «Вот тут
Гостиная... У нас пойдут балишки.
Ух! Гости-то наедут, набегут;
Постарше кто — посадим за картишки...
В саду — фонарики со всех сторон.
А здесь, смотри, какой у нас балкон;
По вечерам мы будем на балконе
Пить чай».

— Ах, да! Я буду вам читать
Всю ночь, всю ночь! Я так люблю не спать!
Как весело! Не то что в пансионе —
Там в десять уж извольте поживать!

2

«Какая ты хорошенькая, Маша! —
Любуясь ею, говорил папаша. —
Да поцелуй меня еще, дружок...»

Эх, нет покойницы Настасьи
Ананьевны! Знать, не судил ей бог,
Как мне, дожить до эдакого счастья!..»
Старик отер слезу, и из очей
У Машеньки блеснули слезки тоже.
«Эх, старый я дурак! Ну! Царство ей
Небесное! Ты мне всего дороже!
Не плачь, дружок, развеселись скорей».

3

Как описать вам Машу беспристрастно?
В ее чертах особенности нет,
Хотя черты так тонки и прекрасны,
Заманчив щек прозрачный смуглый цвет,
Коса густая, взор живой и ясный...
Но не люблю я дев ее поры:
Они — алмаз без грани, без игры;
А я, смотря на деву молодую,
Прекрасную, как мраморный антик,
Твержу — ах, если б жизни луч проник
И осветил чудесную статую!

4

Действительность, где страждет нищета,
Где сдавлен ум ярмом порабощенья,
Где ждет, как манны божьей, усыпленья
Озлбленное чувство, жизнь — пуста.
Вся в кукольной комедии приличий,
Где человек — манкен, где бог — обычай, —

Была для Маши пламенной чужда
И называлась *прозою презренной*.
В ней разум спал, зато ее мечта
Работала, как зодчий вдохновенный.
Фантазия без образов, без лиц,
Как дивное предчувствие чего-то,
Творила мир без цели, без границ,
Блестевший яркой, ложной позолотой.
То гением хотелось ей парить
И человечеству благотворить:
Одним движеньем палочки волшебной
Пролить покой и силу целебной
Больные раны излечать; то в глушь
Уйти, меж гор и бездн; жить в гроте диком
С одним созданием избранным, великим
И утопать в гармонии двух душ...

5

Для старика немного измененья
В житье-бытье произошло тогда,
Как появилась Маша: иногда
Был на гулянье с дочкой в воскресенье;
Ложился позже, позже стал вставать;
На цыпочках ходил, когда читать
Изволит Маша... Лилии, тюльпаны
В саду явились; в зале фортепьяны
(Хоть музыкантшей Маша не была)
Да пяльцы у рабочего стола.
На столике валялось разных книжек
Десяток — вот и всё... Ах, нет, забыл,
Из Шурочки вертлявый желтый чижик

Повышен: Ламартином назван был,
Хоть старику темна была причина —
«Да чем же хуже Шуручка Мартына?»
Почти не изменилось ничего;
Предметы те же, но с иной душою,
С иной жизнью. Свойство таково
У женщины: наполнить всё собою!
Вокруг нее как будто разлита
Нам чуждая, другая атмосфера,
Какой-то свет, и мир, и теплота,
Любовь и смех, спокойствие и вера.

6

Прошла неделя — Маша веселā;
Глубокий мир ее уединенья
Воспламенял ее воображенье...
Сердилась лишь, скучна была,
Когда старик опаздывал обедать,
Да на подруг роптала — не могла
Никак понять, как можно не проведать?
Не раз она в Морскую в *бель-этаж*
Послания по почте отправляла;
Решила объяснить и писала...
Как вдруг гремит знакомый экипаж,
И с дочерью подъехала старушка.

7

— Zizine!
— Marie! Вот, видишь ли, Marie,
Как слово я держу.

— Zizine! Ах, душка!

О, мы друзья, и вечно? Говори!

— О, вечно!..

— У меня так было много
Тебе сказать...

— И мне!

— О, ради бога,
Скорей!

— Постой. Как мило у тебя —
Цветы...

— Цветы? Всё накопил папаша.
Ты не согласишься, душка, как меня
Он любит.

— Твой рара?.. Ах, Маша,
Мне кажется, я полюблю его
За то, что он тебя так любит... Право...
Хоть он такой...

— Zizine!

— Ах, ничего, —
Ну, не сердись. Что это за кудрявый
Цветок?

— Простой.
— А этот вон, большой,
Высокий, желтый? Верно, дорогой?
— Подсолнечник.

— Милашка! Ах, конечно,
Я для себя велю купить... Магге,
Завидовать тебе я буду вечно!
Как хорошо тебе здесь, посмотри,
Счастливица! Аллея! Сколько тени!
Какой чудесный запах от сирени...
Как весело здесь целый день гулять,

Мечтать и думать, думать и мечтать.
— Конечно... Но одной, без друга, скучно!
— А я-то что ж? Ты только напиши,
Верь, я явлюсь. Мы были неразлучны
И в классах. Ты — ты часть моей души.
— Ах, добрая Zizinel

Смеясь сквозь слезы,
Подруги обнялись. Как вешни розы,
Пылали щеки их; рука с рукой;
Головка Маши смуглой и живой
Лежала на груди блондинки Зины.
У Грёза есть подобные картины.

8

М а ш а: — Я многое обдумала одна.
О боже! Для чего я не богата!
Ты знаешь, душка, я ведь не жадна,
И, верь, презренного металла, злата,
Желала б я для счастья людей.
Пренебрегла бы я законы света:
Нет, где-нибудь, в лачуге, без друзей,
В страданиях — нашла бы я поэта;
К нему б пришла я ангелом любви;
Сказала бы: «Ты удручен судьбою,
Но я даю тебе своей рукою —
Любовь мою и золото: живи!
Живи!..» Ему была б я вдохновеньем;
Он миру бы слова небес вещал;
И целый мир ему б рукоплескал...
Как я б была горда своим твореньем!
— Когда б, Marie, была поэтом я,

Я б выбрала тебя своею музой!
Но ведь поэты — гадкие мужья;
Брак, говорят, им тягостные узы...
Кто это, погляди, Мипі, скорей!
Кавалерист, и на коне... Вот чудо!
Вообрази — знакомый! Точно: он
Бывал всегда у Верочки Посуды.
— Противный! Как он был всегда смешон!
Я презираю!

— Что же он здесь скачет?
Ах, погляди, какой чудесный конь!
А латы, каска блещут, как огонь!
Ах, душка, — каска! Что же это значит?
Зачем он здесь?

— Как смел?
— Скорей уйдем.
Подумает, что мы нарочно ждем.
— Заговорит, пожалуй!.. Фи, как стыдно!
— Ах, боже! Маменька за мной... Прощай,
Marie!

— Прощай, Zizine. Не забывай!
— Ах, quelle idée!¹ Мне, право, преобидно!
— Нет, поклянись!
— Я раз уж поклялась.
— Так мы друзья?
— Ах, боже мой, конечно!
— И вечно?

— Да!
Карета понеслась,
И девушки расстались с криком: «Вечно».

¹ Какая мысль! (франц.). — Ред.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

1

Чуть освежаясь холодною водой
И наскоро свернувши косу змейкой,
В капоте легком, с обнаженной шейкой,
Красавица являлась в садик свой,
К своим цветам, то с граблями, то с лейкой.
Потом в тени, среди семьи цветов,
Как их сестра, садилась и читала.
О, как тогда ее кипела кровь!
Из рук порою книга выпадала.
И в сладком забытии неслась тогда
Душа ее... бог ведает куда...

2

Кавалерист меж тем являлся чаще...
То будто вихрь промчится на коне
В красивой каске, в блестящей броне;
То так идет, расстроенный, молящий.
Он Машеньку немножко занимал
(Так, крошечку! Предмет ее мечтаний
Всё был поэт — дитя святых страданий).

«А этот что? Быть может, проиграл!
Ведь эти гадкие мужчины, право,
Бог знает как живут!.. Противный он!
Обкрадывать друг друга им забава!»
Она ушла, захлопнувши балкон;
Но на себя потом досадно стало.
«Кто право дал его мне оскорблять;
Могу ль я людям запретить гулять
По улице! Им нравится — пожалуй!
Пускай и он... привыкла я давно;
Быть может... О, мне, впрочем, всё равно!»

3

Как звезды средь небесного селенья,
Он совершал обычное течение.
Так медленно идет, усы крутит,
Вздыхает, в сад задумчиво глядит.
Раз, встретив взоры Маши, поклонился,
Но так был бледен, грустен и угрюм,
Что в этот миг ей не пришло на ум,
Что надо рассердиться. Он сокрылся.

4

Другой, быть может, бросил бы письмо.
Но сей герой писал не очень шибко.
Он размышлял — в письме одна ошибка
Испортит дело: вечное клеймо!
Ведь девушка из пансиона часто
Напишет правильней, чем Марс усасть.

Остановясь однажды за решеткой,
Заговорил он так печально, кротко,
Что Маша испугалась его.

— Сударыня, вам ничего не стоит
Страдальца осчастливить.

«Мне, кого?»

Что вам угодно?»

— Если беспокоит
Вас просьба — я, пожалуй, замолчу.
«Что вам угодно?»

— Ах, прошу... позвольте...
Из сада вашего иметь хочу
Цветок я непременно.

«Вот, извольте».

— Нет, нет, не этот.

«Розан?»

— Нет, не тот.

«Который же? Скажите, я не знаю».

— Ах, если б мог я указать... Ну, вот
Что подле лилии...

«Не понимаю;

Тут был нарцисс — его я сорвала».

— Нет, не нарцисс... Вы им так

любовались!

Тюльпан, где, помните, еще ползла
Букашка; вы сначала испугались...

«Не знаю, где же мне его найти?..»

— Позвольте на минуточку войти?

«Как это можно? Папеньки нет дома».

— Так что ж, ему расскажете потом,
Что приходил я только за цветком, —
Что ж тут дурного?

«Вы ведь незнакомый!»

И думала она, как Гамлет: *быть*

Или не быть — впустить иль не

впустить?

«Ах, что вы? Что вы? Боже мой, уйдите!

Я закричу».

— Уйду-с... Так вы цветок

Уж ни за что сорвать мне не дадите?

Вы лед: душа в вас, как гранит, жестка.

Вы слезы лить готовы над романом,

А человек пред вами хоть умри —

Вам всё равно. Каким-нибудь тюльпаном,

Который свянет нынче ж до зари,

Вы дорожите... Это ведь ужасно!

«Возьмите, я хоть все цветы отдам;

Мне их не надо... Но зачем же вам

Тюльпан так нужен?»

— Ангел мой прекрасный.

И можете вы спрашивать — зачем?

Глядеть и знать, что вы его касались,

Что вы ему с любовью улыбались —

А я слезами оболью... Затем,

Чтоб он всегда мне вспоминал мгновение,

Когда от вас теперь, из сожаленья,

Он дан мне... Вы не знаете, ваш лик

Как ангела господня я встречаю,

С тех пор как вас увидел, я постиг

Все ваши совершенства.

«Я не знаю,

Чего же вы хотите?»

— Иногда

Позвольте видеть, слышать вас, хоть тайно,
Хоть издали; улыбку, хоть случайно,
Мне искупить ценою слез моих —
Позволите? О, я вам благодарен
За жизнь. Ах, дайте ручку!.. —

В этот миг

Анютка из окна шепнула: «Барин!»

«Ах, папенька! Пустите».

— Я приду

Сюда же завтра.

«Боже мой, скорее

Уйдите!»

«Машенька, где ты! В саду?

Анютка, собирай обед живее!

Здорово, Маша, ангелочек мой.

Не знаю, право, друг мой, что со мной?

Я смолоду трезов был в поведеньи;

И нынче разве что для дня рожденья

Сотерну рюмку. Я, вот видишь, встал;

Ну, к должности пришел; дела сыскал —

Всё хорошо. Кузьма Ильич Батыев

Перебелить мне предписанье дал

В палату в Могилев, нет, прежде в Киев —

Всё хорошо — окончил — написал.

Сел за другое, тут меня схватило

Под ложечкой, в глазах аж помутило.

Да, слава богу, тут случись со мной

Ошлепников, Панталеон Иваныч.

«Что с вами, — говорит, — вы б шли домой

Да выпили чего такого на ночь».

Насилу вышел — тут уж отлегло
И, слава богу, вот совсем прошло.
«Ах, бедненький! Ах, добрый мой
папаша!»

Как коршуна избегший голубок,
К отцу прижавшись, зарыдала Маша.
— Эх, дурочка! Прошло ведь. С нами бог!

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

1

Как тонкий яд в взволнованную кровь,
Прокралась в сердце Машеньки любовь;
И мощно вдруг в душе проснулись юной
Живым аккордом дремлющие струны.
Ей чудный мир открыл врата свои,
Мир сладких тайн, пленительных мечтаний,
Мир с нею блаженства и страданий,
Со всею милой глупостью любви.

2

О, не беги любви, дитя мое!
Пусть розы цвет лицо твое утратит,
Зато твой дух, всё бытие твое
Такою полной жизнью охватит!
Вокруг тебя пока мир целый спит;
Потом проснется вдруг, заговорит;
В блаженстве ты душою с ним сольешься;
Тогда найдешь ты друга в нем себе:
Он засмеется, если ты смеешься,
Заплачет, если плачется тебе.
И звезды вечера тебе укажут
Свой тайный смысл; поймешь внезапно ты,

Что шепчут ночью листья и цветы;
И слезы дивные глаза увлажят;
Услышишь — мир шепнет тебе:

«люблю» —

И этот звук проникнет грудь твою,
И грудь твоя, уста и очи скажут:
«И я люблю»...

3

У Машеньки в глазах

Всё изменилось: будто на крылах
Какой-то гений, дух неуловимый,
По комнате ее порхал незримо,
Над нею вился, жил в ее цветах.
Как часто вдруг, себя не понимая,
Невольно остановится она;
Глядит и внемлет, втайне замирая,
Как будто бы она там не одна:
В ее окно ворвавшиеся ветки
Черемухи, сирени и берез,
И ветерок, дышавший негой роз,
И чижик, словно прыгавший по клетке,
Как будто с кем-то были заодно
И видели невидимое ею...
И Маша думала: «Душа его
Является беседовать с моею»...

4

Теперь, в часы волшебных вечеров,
Когда заря полнеба обнимала,
Понятною, торжественною стала

Ей музыка. Язык ее без слов
Так ясен был, так полн душевной боли;
И в этом царстве воплей, бурь и слез
Неосязаемый редел хаос,
Мир возникал веленьем высшей воли,
Но книга — прежде верный, милый друг —
Теперь у ней уж падала из рук:
Казалось ей там всё так глухо, немо...
Что ей Омир и Шэкспир, если в ней
Творилася великая поэма,
Всех эпопей громадней и живей?
Как ни возись с октавой иль сонетом —
Всё будешь перед ней плохим поэтом!

5

Какие ж песни пела муза ей?
Какой она заслушивалась лиры?
В величии героев древних дней,
Строителей Бабеля и Пальмиры,
Иль рыцарем креста, любви и дам,
Иль музыкальным странником Прованса
Ее герой предстал ее мечтам?
В его речах — то нежный стих романса,
Исполненный любви, и слез, и нег,
У окон замка, с арфой, ночью лунной;
То вопли Байрона, земле перуны,
Угрозы небу; мощный, гордый смех,
Великий, злой — хоть женски-малодушный.
И чувству новому во всем послушно
Вся отдалась она своей душой;
Участия хоть в ком-нибудь искала;

И, наклонясь над розой молодой,
Как другу, тайно ей она шептала
События романа своего,
Тоску любви и трепет ожидания,
Восторг и робость тайного свиданья
И долгого лобзанья волшебство...

6

Он говорил: — Мы будем неразлучны,
Поедем в полк; возьмем отставку; там
Постранствуем по разным городам,
В Италию — о, нам не будет скучно!
Но мой отец — он человек крутой,
Меня женить он хочет на другой,
Но пусть меня оставит он без крова —
Лишь сердце может друга указать...
Но надобно до времени молчать
И папеньке не говорить ни слова.
Уж он кому-нибудь словцо ввернет,
Расскажет — ну, хоть чижик, а тот
Анютке; Аннушка — куме Феклуше,
И прокричат по улицам кликуши.

7

О боже мой! Всё есть в его словах,
Чтоб поширять фантазии летучей:
Гоним отцом, — ему душой могучей
Противостал; он презрел тлен и прах
(Касательно наследства); как изгнанник,
Скитаться он пойдет, печальный странник;

Но с ним она — под небом голубым
Италии; там гóндолы и Brenta;
Там мир искусств; Феррара и Сорренто,
Везувий, море, Колизей и Рим!!!

ГЛАВА ПЯТАЯ

1

Василий Тихоныч имел привычку,
Обед окончив, поласкавши птичку,
Пойти всхрапнуть.

Однажды той порой
В ближайшей к дому улице глухой
Остановилась странного размера
Извозничья карета. У угла
В шинелях два стояли офицера,
И бойкая у них беседа шла.

2

Один из них был давний наш знакомец —
Кавалерист и маменькин питомец;
Хоть летопись боярской их родни
Давно хранила имена одни
Прокофия, Егора и Ивана,
Но вследствие какого-то романа
Обычая порядок изменен —
И Клавдий — Клавдием был наречен.

«Прекрасно!

Что подцепил посланницу — да только
Посланница-то просто...

«Ну, нашел!

Понравится он женщине: осел!»

Я только так тебе теперь сказал;
Не знаю, что за стать тебе возиться
С девчонками; и из чего тут биться;
Слез... Господи! Навяжутся... Пропал!
Я не могу — расплачусь сам, как дура.
Что делать, братец, — скверная натура!
Нет, женщин я люблю, да вот таких,
Как кто-то написал стихи про них:
«Блажен кто мог, о дева ночи...»
«Эге! давно ль ты стал читать стихи?»
— Читал, братец, да много чепухи.

— Ни на́ что не похожи.

«И я тебе скажу стихами тоже,
Старинные: как в корпусе я был,
Еще тогда их как-то затвердил —
С девицами мне очень пригодилось.
Как, знаешь, брякнешь вдруг:

«Постыли мне

Все девы мира!» Смотришь — и
склонилась

Головкою, и тает, как в огне;
А я себе реку, как жрец искусства:
«Ты рождена воспламенять...»

Фу, черт!

Соперник тут — капут и á la porte! ¹

— Да, хорошо в стихах, а так-то гадко,

1 За дверь (франц.). — *Ред.*

Поплачешься. Ей-богу, никогда
Не буду брать я на себя труда
Вам помогать. Бьет, точно лихорадка.
«Эх, баба, трус! Тебе б гусей пасти;
Да если ты боишься, так поди».
— Нет, что! Уж обещал.

«Чего ж ты трусишь?»

— Да, как заплачет, так язык прикусишь.
Смотри, мелькнуло что-то там, в саду.
«Ну, жди меня, я тотчас с ней приду».
— Ступай, ступай! Уж эти мне интрижки!

.

Добро б мещанка — ну, туда-сюда,
Ну, немка, швейка, или хоть цыганка,
А то ведь всё, как ни было б, дворянка.
Чай, у нее и связи и родня...

5

К л а в д и й, М а ш а

— Ну, ангел мой, давно я жду тебя;
Что, наконец успела ты собраться?
«Куда же, друг мой?»

— Как куда? Венчаться.

«Послушай, Клавдий, нынче я всю ночь
Проплакала».

— Что так?

«Мне страшно было...»

— Пожалуйста, дурного не пророчь.
«И не было во мне день целый силы

Глядеть на папеньку; зачем скрывать
От старика?»

— Ну, расскажи, пожалуй —
А он пойдет по городу болтать.
И план наш, счастье — всё как не бывало!
Нет, ты меня не любишь. Для тебя
Я бросил всё... Что ж, этого всё мало?
Нет, это не любовь.

«Ах, полно! Я твоя...»
— О чем же плачешь ты, душа моя?
«Не знаю... Так... Мне в этот миг
казалось,
Что будто бы навек я расставалась
И с домиком и с садом...»

— Пустяки!
Мы завтра же сюда как раз подкатим.
Папá нам будет рад — ведь старики
Посердятся, а там, глядь, в три ноги
Ударят сами... Но мы время тратим.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

I

Прошло три дня. Поутру Гвоздарев
Шел к Клавдию. «Черт знает что со мною!
Ведь, кажется, натурой боевою
Я наделен, и двадцать пять годов
На линии чуть с чертом не сдружился.
А тут теперь с девчонкой повозился...
Стал сам не свой, а гадко, чай, взглянуть.
Уж не болезнь ли это? Ноет грудь...
Нет, не болезнь, а просто скверность. То-то,
Всё думаешь затылком. Помогать
Черт знает в чем припала вдруг охота!
Да не подумал, к роже ль, есть ли стать!
Эй, Куликов, ну что, не принимают?»
— Да, не звали; должно быть, почивают.
«Здоровы?»

— Слава богу.

«А она?»

— Кто-с, барыня? Да что им?

«Очень плачет?»

— Известно, плачут.

«Чай, она больна?»

— Да, то больна, а то поет и скачет.

«А барин что?.. Он крепко полюбил?»
— Насчет того не слышно разговора,
Да мы недолго ведь — наскутит скоро.
«Ну, ты скажи, что я, мол, приходил».

2

А Клавдий, с трубкой длинною в руках,
На канапе сидел, как падишах,
В халате шитом, в узорочной феске.
Луч солнечный, скользя сквозь занавески,
Прозрачный дым разрезав, залюбив,
По комнате лился златой струею;
И мимоходом, ярко озарив
Тальони бюст, хрусталь с живой игрою,
Он упал на голову; на грудь
Марии спящей.

3

Милое созданье!..
Кто на нее, в волшебном обаяньи,
Не загляделся бы, боясьдохнуть?
Как живописно, как небрежно-ловко
Она раскинулась: одна рука
Заброшена за милою головкой;
К другой прижалась жаркая щека;
И косы, пышные, как шелк развитый,
Бегут, блестя, с подушки пуховой;
Там ножки так заманчиво открыты,
И очерк форм прекрасных... чудный вид..
Устами бы коснулся, упоенный,

Холодных плеч, щеки
воспламененной! ..

Но эта мысль, которая не спит
И спящею красавицей играет,
То пурпуром лицо ей обагряет,
То бледностью в ланитах пробежит,
То сдавит грудь, и грудь ее заноеет,
Как будто крик обиды в ней замрет,
То ужасом уста ее раскроет,
То в поцелуй горячий их сомкнет;
Нет, эту мысль, ту деющую душу
В ней чувствуя и с трепетом следя,
Ты, очарован, скажешь: «Спи, дитя,
Сна тайнства я дерзко не нарушу».
И Клавдий думал: «Пусть она поспит,
Покуда самовар не закипит».

‡

«Ну, розанчик, насилу встала ты,
Ленивица. А я уж приступаю
К чаю».

— Зачем же ты, не понимаю,
Не разбудил?

«У вас ведь всё мечты.
Сособенно под утро — о, я знаю!!!
Скажи же, что ты видела во сне?
А, покраснела!»

— Вам какое дело?
«Признайся, всё мечтала обо мне?»

— Вот вздор какой! Нимало.

«Покраснела! ..

Мадам прислала шляпку и бурнус.
Когда не так — прошу уж извиненья, —
Я виноват: я выбрал на свой вкус». —
— Ах, шляпка белая... я в восхищеньи!
Вот именно какой хотелось мне.
«Да не ее ль ты видела во сне?»
— Пожалуйста!.. Ах, как сидит чудесно!
Бурнус прекрасный. Этот цвет небесный
Ко мне идет. Ведь я всегда бледна,
И брови черные, глаза большие,
Ну, погляди, я, право, недурна.
Я выпущу тут локоны: густые
И черные на голубом — *chagman*,¹
Вся завернусь в бурнуса с гладкой спинкой,
На шее с легкой палевой косынкой,
В атласных башмачках — *mais c'est piquant!*²
«У! Божество мое!»

— И мы с тобою
Поедем за город, где нет людей.
«Хоть за сто верст».

— Я жажду всей душою
Увидеть небо, лес, простор полей.
Ведь я почти природы не видала;
Раз только летом с папенькой гуляла:
За нашим домом поле и ручей —
Как весело... Ах, что-то мой папаша!
Что с ним теперь! Ах, боже мой, где он?
Он не простит меня!.. Он раздражен,
Он так любил меня!..

¹ Очаровательно! (франц.). — *Ред.*

² Это так пикантно! (франц.) — *Ред.*

«Что это, Маша,
Опять ты плачешь — скучно! Я сказал,
Что он нам даст свое благословенье,
Но надо ждать. Священник не венчал
И не хотел венчать без позволения
Родителей, но после обещал
Поехать завтра же к архиерею.
Меня ты сердишь глупостью своею». —
Прости меня. Я верю, я о том
Не буду даже думать.
«И прекрасно!»

И вот она опять с улыбкой яной,
Исчезла миг сверкнувшая слеза;
Она глядела так ему в глаза
Доверчиво, как смотрят только дети.
— Послушай, Клавдий, ты мне всё на свете,
Ты счастлив ли, как я?

«А мог ли б быть

Я меньше счастлив?»

— О, как жизнь прекрасна!

А жизнь в одном лишь слове — век любить.
А ведь живут и без любви... Ужасно!
Не верю я — жить без любви — страдать.
Но знаешь ли, когда б меня спросили,
Как я люблю и сколько — отвечать
Я б не могла... Ужели б заключили,
Что не люблю я? О, как свет смешон!..
«Эге, так вот, не в этом ли твой сон?»
— Ах, ты всё шутишь!.. Помнишь ли, об

этом

Ты говорил со мной давно уж, летом;

Ты, помнишь ли, сказал мне, что любовь
Без жертв не есть любовь; я этих слов
Значение теперь лишь угадала.
Хоть я тебе покорна, как судьбе,
Всё кажется, что сделала я мало
И что ничем не жертвую тебе.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

1

Как опустел наш домик на Песках!
Закрыты ставни, заросли травю
Дорожки, и крапива в цветниках.
Недавно бурей сломаны ночью,
Лежали ветви желтые дерев;
Никто прибрать не думал их с дорожки,
Ни подвязать попорченных кустов,
Ни вставить стекол выбитых в окошки.
Василий Тихоныч лежѣл больной,
Без памяти, в горячке. День-деньской
При нем была сиделка нанятая,
Гадавшая спокойно при больном,
Что скоро ли ее доука злая
Окончится каким-нибудь концом,
И вымещавшая на кофеишке
Заботы о проклятом старичишке.

2

Нет, время не старик. Нет, в старце ум
Спокоен, мудр, безгневен, тверд, угрюм.
Нет, время — женщина, дитя: ревниво,

И легкомысленно, и прихотливо;
Капризное — вдруг радость унесет,
За миг блаженства вырвет злые слезы,
Сорвет с чела цветущий мирт и розы
И тернием колючим обовьет;
Но вдруг потом пробудится в нем жалость,
И выкупить свою захочет шалость —
Тут явится оно опять как друг
И исцелит мучительный недуг.
Василий Тихоныч, чуть-чуть, помалу,
Стал поправляться, в комнате бродить
И иногда на солнце выходить,
Гулять один в соседстве, по каналу.

3

Осенний день был ярок. Громкий звон
Гудел далеко. Было воскресенье.
Василий Тихоныч встал рано. Он
Всю ночь не спал. Тяжелые виденья
Его терзали, отгоняя сон.
Он вышел на крыльцо. Цыплята, куры,
Кудахча, там стеснились к пшenu.
Он их ласкал при этом в старину,
А нынче отошел, сказавши: «Дуры».
Он в залу. Солнцем оживленный, там
Веселый чирик песнью заливался,
Как в дни, когда, бывало, по утрам
Здороваться старик к нему являлся
И говорил, что было за душой.
Теперь он стал с поникшей головой;
Особенно теперь он вспомнил ясно

Иные дни, которых не вернешь...
А чижик пел всё так же звонкогласно...
«Да что, дурак, ты горло-то дерешь,
Да замолчи, сверчок, ушам ведь больно!»
Он отошел, сердитый, недовольный.

4

По службе был приятель у него.
Уж двадцать лет они сидели рядом;
Вернее — двадцать лет друг к другу задом
Они сидели... Боже мой! Чего
Не делает судьба на свете белом!
Приятели по дням сидели целым,
Друг друга слыша, чувствуя, следя,
Почти в лицо друг другу не глядя.

5

Давно Иван Петрович в службе высох.
Но, может быть (не знаем мы того),
У множества голов сих странных, лысых,
Как кажется, умерших для всего,
Которых мир так жалко обезличил,
Всё есть одно, куда живым ключом
Прорвалась жизнь и с чувством и с умом...
Так узник был, который пауком
Всю жизнь ума и чувства ограничил.

6

— Василий Тихоныч, пойдем гулять.
«Где мне гулять!»
— На острова поедем.

«Эх, полно вам».

— Да что же вам лежать
Весь день в берлоге этаким медведем...
Поедьте, наденьте вицмундир.

«Ах, знаете ль, не хочется, ей-богу!»

— Ну, полно же, живей, марш-марш в дорогу!
В трактир зайдем пить чай.

«Ну, уж в трактир
Я не пойду. Там, чай, народу много,
И в публику мне страшно выходить».
— Вот то-то, всё сидит да дома тужит!
Что б, например, к обедне вам сходить?
Отец Иван обедню важно служит.
«Нет, не пойду, Иван Петрович».

— Что ж?

«Так, не могу».

— Уж вы надели брюки?

«Всё не могу».

— Вас, право, не поймешь.
Да ну, скорей мундир да шляпу в руки!
«Меня как будто лихорадка бьет,
Так на сердце нехорошо».

— Пройдет!

«Нет, не пройдет; уж разве богу душу
Отдам, тогда пройдет. Так не *пройтить*».
— Охота вам так страшно говорить,
И всякий смертен.

«Смерти я не трушу».

— Берите шляпу.

«Что мне смерть теперь?»

— Да полно, говорят.

«Так околею,
Как пес, кáкой-нибудь поганый зверь,
Глаз некому закрыть мне, как злодею».
— Ну, ну, пойдем. Ну, запирайте дверь.

7

Чиновники скромненько ваньку взяли
И поплелись рысцой на Острова.
— И летом был денек такой едва ли,
Смотрите-ка, ведь будто спит Нева. —
Василий Тихоныч хранил молчанье,
Зато Иван Петрович говорил.
— Как пыльно! Уф! Дышать почти нет сил!
Да слезем тут, пройдемте до гулянья.
Смотрите-ка, народу что идет,
Чай, всякие — держитесь за карманы,
Кто их теперь в толпе-то разберет...
Глядите-ка, пристал какой-то пьяный
К купчихе, знать: повязана платком.
Здоровая, ей-ей, кровь с молоком!
Чай, ест за трех! Ишь, жирная какая!
Эге, ругнула! Вот люблю, лихая!
Да это что, смотрите-ка сюда —
Здесь прежде будки не было. Когда
Поставили? Спросить бы часового...
Ах, нет, была, да выкрашена снова.
Послушаем шарманки. Ишь какой
Тальянец — мальчик, а уж черномазый.
Чай, сколько он проходит день-деньской!
Как вертится! Ах, дьявол пучеглазый!
Есть нечего в своей земле у них,
И суются куда бы ни попало.

Да. Ну, у нас бы припугнули их.
Вот немец — тоже честный надувало:
Я чай, поди-ка сунься, так сдерет,
За штучку гривенник да пяталытник.
Вот что! И знай.

Подвинемся туда,
К каретам. Ты, седая борода,
Слышь, не толкай! Посторонись, аршинник!
Не видишь, что чиновники... Скорей,
Василий Тихоныч, не пропустите,
Директорша. Да шляпу-то снимите.
Проехала. Директор не при ней.
А вон коляска... Да кто в ней, глядите —
Не знаете? Ведь стыдно и сказать...
Вся в кружевах теперь и блондах... Танька,
Та, что жила у Прохорова нянькой!
И шляпка вниз торчит... Тож лезет в знать!
Чуфарится! Туда ж с осанкой барской!..
А ведь сегодня скучно! Для меня
Гулянье не в гулянье, коль нет царской
Фамилии да батюшки царя.
Василий Тихоныч, что ж вы стоите?
Пойдем пить чай!

«Глядите-ка... глядите...»

— Кто там?

«Глядите...»

— Кто?

«Она, она!..»

Разряжена... Как весела... смеялась...»
— Пойдемте прочь, вам просто показалось.
«И он верхом... Мерзавец!.. Как жена
С ним говорит... Да что вы, не держите».

— Василий Тихоныч! Уйдем, молчите!
Вы в публике... вниманье обратят.
Подумают, что вы... свести велят
В полицию...

«Она того хотела,
Так на же, пусть в полицию сведут!
Пускай при ней и свяжут и возьмут!
Пусти меня!..»

— Опомнись, это тело
И кровь твоя...

«Ну, тело, кровь, пусти!
Отца забыть! С любовником уйти!
Отец — он стар, дурак! Какое дело,
Есть или нет отец... Пускай ревет...
Оставила... Пускай с ума сойдет,
Что жить ему: околевай, собака!
Смотрите все: вон, вон она, вон та —
Анафема! Будь веки проклята!..»
— Уф, страх какой!

— Что тут за шум?

— Что? Драка?

Старик умолк. Дрожащие уста,
Казалось, говорить еще хотели,
Но голос замер, ноги ослабели,
И он упал. Коляска понеслась
Как вихрь. Толпа кругом еще теснилась.
— Я с духом всё еще не собралась.
Вот ужаси! Она, моя родная,
Как взвизгнула!

— Да бледная какая!

— Что тут такое?

— Проклял дочь отец.

— Да, проклял; да за что же? Злая доля
Тому, кто проклят... Ишь ведь молодец!

— Ах, батюшка! Родительская воля!

— Ишь, проклял!..

— Он ведь как безумный сам.
Смотрели бы за ним все по пятам —
Воды-то много тут. Чтоб не случился
С ним грех какой...

— Ты слышал, тут один
Порядочно одетый господин,
Чиновник, проклял дочь и утопился?

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

1

Пришла весна. Светлеют неба своды;
Свой белый саван сдернула зима,
Дома темны, как древние дома;
По улицам, журча, струятся воды;
Нева блестит и дымчатой волной
Играет с жемчугом зеленой льдины.
Я Петербург люблю еще весной.
Как будто есть движение: цепью длинной,
В грязи шума и плеща колесом,
Стремятся экипажи; по колено
В воде еще кой-где, вертя кнутом,
С санями ванька тащится, рядком
С лошадкою, покрытой белой пеной;
И тротуар на Невском оживлен;
Толпы ползут туда со всех сторон;
Людей, как мух, живет весны дыханье;
И раздаются шумно восклицанья:
«Что, брат, весна! Я просто в сюртуке —
И ничего!» — «Я тоже налегке».
Лишь скептик, жертва местного недуга
(Зараза эта так у нас сильна),
Заметит: «Да, пожалуй, и весна,

А всё, гляди, еще потянет вьюга».
Ну, словом, жизни уличной простор!
Точь-в-точь Париж: кофейни, лавки, клубы,
Трактиры, моды, книги, шляпы, шубы,
Журнальных даже множество контор —
.
.

2

Пойдемте вслед за яркою толпой.
Вот, пышными нарядами пестрея,
Две барыни и барин с бородой,
И с ними сзади красная ливрея.
— Как Петербург нашли вы, мосье Paul?
Довольны ли вы северной столицей?
«Что делать? Возвратясь из-за границы,
Невольню старую играешь роль —
Роль Чацкого».
— Ах, это, право, мода!
«Кто странствовал, тот любит наблюдать
В лице толпы особенность народа,
Души его оттенки подмечать.
Один народ угрюм, спокоен, важен;
Тот вдохновеньем блещет; а другой
В лохмотьях — горд, беспечен, но отважен.
Там юг, здесь север с скукой и хандрой;
Куда ни взглянешь — вид полубольной
И мутные глаза без выраженья,
Как будто всё прошедшее легло
Свинцом на плечи, рабством на чело.
И ни к какой надежде нету рвенья!

Вы скажете — героем смотрит тот —
Но где же гордость, мысль — душа
геройства?

Всмотритесь лучше — этот весь народ
Есть юноша, убитый от забот
И поседевший в ночь от беспокойства.
Идиотизм на лицах, в сердце лед,
Животной жизни сон и апатия —
И вот она — вот матушка Россия!..»
— Ну, признаюсь, чудесный разговор
На улице!.. Давно ль, с которых пор
Вы бойки так, совсем другие стали!
Я помню вас студентом...

«Я созрел,
В два года много я узнать успел».
— Ужели сердцем вы не трепетали,
Когда родной язык вы услышали?
«Какой язык, и как здесь говорят!
Французские слова на русский лад!
Не тот язык, что искрится алмазом,
И радует, и поражает разом
В устах француза; нет, совсем другой,
Сухой, дипломатически-пустой,
Какая-то привычка к мертвым фразам.
Вы, женщины, вы корень зла всего.
Одушевить язык своей улыбкой,
Сроднить его с своей природой гибкой
И женским сердцем воспитать его
Вы не хотите... Грубая ошибка:
Как ни возись с упрямым языком
Писатели-прозаики, поэты,
Он будет сын, воспитанный отцом,

Не знавший ласк, сестры и не согретый
Улыбкой матери».

— Кто ж виноват?..

Вы точно Чацкий... Желчь и злость — что
слово.

Вы нынче вечер с нами?

«Очень рад...

Я так увлекся... Тетушка здорова?»

— Мегсі.¹

«А дядюшка?»

— Он очень хил.

«Кузины?»

— Вас увидеть будут ради.

Додо уж замужем... и после дяди
Получит много муж... он очень мил.

«А ваши все друзья?.. Мими?»

— Какая

Мими?

«Брюнетка, помните, живая,

Ваш друг».

— *Fi donc!*²

«Вы вышли вместе с ней

Из пансиона...»

— Боже мой, молчите!

«Мими... ваш друг?»

— Ах, что вы говорите!

«Вот дружба-то!»

— Нет у меня друзей.

«Жива ль она?»

¹ Благодарю (франц.). — *Ред.*

² Фу! (франц.). — *Ред.*

— Да, умерла... для света.
Матап, татап, чудесная карета,
Что привезли из Лондона Sophie...
«А где Sophie?»

— Вон там.
«А с ней мосье Fifi?»

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

1

Но где она, где героиня наша,
Где бедная, где любящая Маша?..
Убита ли нечаянной грозой?
Иль чистая душа и с ней сроднилась?
Из уст отца проклятье разразилось,
Как гром небес, над юной головой;
Надменный свет, ласкающий невежду
И мытаря, грабителя, шута,
Для ней навек закрыл свои врата
С ужасной надписью: «Оставь надежду»...
(Ты пал — так падай глубже; не мечтай
Когда-нибудь опять увидеть рай,
Где человек блажен, безукоризнен,
Так скучно чист, так чопорно безжизнен.)

2

Мария всё — увы! — пережила...
Пережила, — она как прежде любит.
Пусть страсть ее гнетет, терзает, губит,
Ее любовь под бурю была
Еще сильнее и пламенней. Казалось,

Что дивная душа проснулась в ней;
Как под грозой прекрасный цвет полей,
Она в слезах, казалось, укреплялась.
Пусть свет ее карает и разит,
Пусть страшный остракизм на ней лежит, —
Что суд толпы посильно беспорочной,
Ругающей непризнанную страсть,
Хотя о ней мечтающей заочно
И каждый миг готовой втайне пасть?

3

А Клавдий? О, как ей мечталось сладко
Всю жизнь свою ему лишь посвятить,
Смягчить его, исправить недостатки,
Врожденное добро в душе раскрыть.
Любовь надеется... Однако ныне
Неделя, как исчез он. Жив ли он?
И целый мир для Маши стал пустыней.
Он вспыльчив, он, быть может, завлечен
В дуэль... быть может, кровью истекает,
И не она как друг при нем была...
Ах, лучше пусть убит, чем изменяет, —
Вопило сердце, но она ждала.

4

Звонят. «Он, он!» И молнией блеснула
Ей радость. Взор мгновенно просветлел,
Но крик, напрягший грудь, вдруг излетел
Глубоким вздохом; сердце обмануло —
То был не он.

Вьюшкин — Я к вам... я послан к вам
От Клавдия.

«От Клавдия? О боже,
Он жив?.. Ах, где он?»

— Жив-то жив.

«Так что же?»

— Как вам сказать, не знаю, право, сам:
Довольно трудно, хоть всего два слова.

«Ах, говорите, я на всё готова!»

— Он в полк уехал: срок стал выходить...

«Уехал? Без меня? Не может быть,
Я вас не понимаю».

— Очень ясно:

Уехал в полк.

«И я пойду за ним».

— Послушайте, от вас скрывать напрасно.

Отец его суров, неумолим,

И Клавдий... вас оставил.

«Нет, вы лжете!»

— С чего ж мне лгать пришла охота вдруг?

Вот вам письмо.

«Подложное!»

— Прочтете —

Того не скажете.

«Любезный друг,

Чтоб избежать несносных объяснений,

Мне тягостных, а также и тебе,

Беру перо. Оставь все слезы, пени,

Сообрази и покорись судьбе.

Пора, мой друг, нам наконец расстаться.

Ты — умница, ты всё сама поймешь;
Ты хороша, одна не пропадешь;
Итак, прощай, счастливо оставаться!
Верь, не забуду я любви твоей —
На первый раз вот тысяча рублей».
— Вот видите, каков он?

«Боже, боже!..»

— Я говорил: ни на́ что не похоже
Ты, братец, делаешь; а он свое,
Что надоела, надобно ее
Оставить.

«Изверг!»

— Изверг, и ужасный!

Да что вы плачете? Ей-ей, напрасно!
Слезинки б я не пролил за него.
В его душе — святого ничего!
Он говорит, что женщин только любит,
Пока ему противятся оне;
Что вопль и слезы только в нем сугубят
Презрение... Мария, верьте мне,
Ни ваших слез, ни мыслей он не стоит...
Не знаю, право, что вас беспокоит.
Да плюньте на него. Несправедлив
Он к вам; да вы ужель его не знали?
Он эгоист бескровный и едва ли
Когда любил — быть может, и счастлив
Он оттого бывал у женщин в свете.
Хотите ль знать, каков он? В нем всё ложь,
И доброго и чести ни на грош;
Письмо — всё вздор; резоны эти —
Всё выдумки, всё те же в сотый раз;
Он просто в Царском; пьет напропалую.

Кутит как черт, ведет игру большую.
Я очень рад, что он избавил вас
От объяснений — это труд напрасный.
Вы стали бы тут плакать, он — курить
И в потолок пускать колечки дыма...
Послушайте... вы будете любимы.
Нельзя вас видеть миг и так уйти,
Не полюбить... клянусь, вы так прекрасны...
Не плачьте. Верьте, вы не так несчастны,
Как кажется... Клянусь, вам впереди
Так много в жизни... Маленькая тучка
Примчалась, и чрез миг пройдет гроза,
И эти косы, дивные глаза,
И эта ножка, пухленькая ручка...
Мария! Дайте вашу ручку мне...

(Целует руку.)

Ах, ручка, ручка! Только ведь во сне
Такую видишь... Ангел черноокий,
У ваших ног клянусь любить всегда,
Всю жизнь свою любить, как никогда
Он не любил... Не будьте же жестоки,
Позвольте мне любить вас, век любить!..

И он рукой старался охватить
Марии стан. Его прикосновенье
Вдруг вывело ее из онеменья.
«Стыдитесь, что вы?»

— Ангел милый мой!

Отдайтесь мне.

«Пустите!»

— Ангел милый! —

Отчаянье в ней пробудило силы,

Глаза зажглись обиды полнотой,
И — хлоп пощечина!.. Но наш герой
Нашелся:

— Ну, теперь уж расцелую!
«Подите вон!»

— Нет, расцелую!
«Вон!»

Я вас убью!»

— Ты шутишь шутку злую!
Но полно, мир воюющих сторон,
И руку! Вы не в духе?

«Прочь подите!»

— Вы шутите?

«На шаг лишь подступите,
Я разmozжу вам голову!»

— Уйду-с...

Эк подняла какую ведь тревогу!
Нет, Клавдий, ты надул меня, ей-богу!
Бесенок! Право, лучше уберусь...
«Ах, Клавдий, Клавдий! Где ты?.. Что
со мною?»

Что сделал ты?»

5

И голос ослабел,
Румянец, вызванный обидой злою,
Угас, и лик как будто помертвел.
Недвижная, поникши головою,
Она, казалось, силилась понять,
Что было с ней... Хваталась руками
За голову, как будто удержать

Старалась разум; мутными глазами
Искала всё кого-то... Давит грудь
Степенное, тяжелое дыханье...
О, хоть бы слезы... но — увя! —
в страданьи
И слезы даже могут обмануть...
Потом как бы вернулась сила снова,
И вырвались из уст и стон и слово:
«Он обманул!.. Я всем теперь чужда...
Он прав, все скажут, он ведь никогда
И не любил: она одна любила...»
И горькое рыданье заглушило
Ее слова...

6

Что ж думала она?
Какая мысль в душе свинцом лежала?
Что из груди разбитой исторгало
То стон, то плач, то хохот, то порой
В очах сияло тихою слезой?
Одно: «он разлюбил»... В ней сердце,
разум,
Вся жизнь ее, казалось, были разом
Убиты этим словом роковым.
«О, если б хоть увидеться мне с ним!
Вот деньги... О, палач без состраданья!
Он выкуп дал позора моего!
Ах, где он сам, где низкое создание?
Я б бросила ему в лицо его
Червонцами... Одно, одно осталось!»

И будто светлой мыслию чело
Вдруг просияло; точно отлегло
От сердца. Что-то страшное, казалось,
Она задумала.

7

Мария шла дрожащею стопой,
Одна, с больной, растерзанной душой.
«Дай силы умереть мне, правый боже!
Весь мир — чужой мне... А отец? ..
Старик...
Оставленный... и он... он проклял тоже!
За что ж? Хоть на него взглянуть бы миг,
Всё рассказать... А там — пусть
проклинаят!»

Она идет; сторонится народ,
Кто молча, кто с угрозой, кто шепчет:
«Безумная!» — и в страхе отступает.
И вот знакомый домик; меркнул день,
Зарей вечерней небо обагрилось,
И длинная по улицам ложилась
От фонарей, дерев и кровель тень.
Вот сад, скамья, поросшая травой,
Под ветвями широкими берез.
На ней старик. Последний клоч волос
Давно уж выпал. Бледный, он казался
Одним скелетом. Ветхий вицмундир
Не снят: он, видно, снять не догадался,
Придя от должности. Покой и мир
Его лица был страшен: это было
Спокойствие отчаянья. Уныло

Он только ждал скорей оставить мир.
Вдруг слышит вздох, и листья задрожали
От шорохѣ. «Что, уж не воры ль тут?
А пусть всё кра́дут, пусть всё разберут,
Ведь уж они... они ее украли...»
Старик закрыл лицо и зарыдал,
И чудятся ему рыдания тоже.
И голос: «Что я сделала с ним, боже!»
Не зная как, он дочь уж обнимал,
Не в силах слова вымолвить. «Папаша,
Простите!» — Что, я разве зверь иль жид? —
«Простите!» — Полно! Бог тебя простит!
А ты... а ты меня простишь ли, Маша?..

<1846>

ТРИ СМЕРТИ

Лирическая драма

*Посвящается
Николаю Аполдоновичу Майкову*

Поэт Лукан, философ Сенека и эпикуреец Люций приговорены Нероном к казни по поводу Пизонова заговора.

Комната в античном вкусе: посредине стол с яствами, около него Люций, эпикуреец, один, как следует, возлежит за обедом. Сенека пишет завещание. Лукан в глубокой задумчивости. В углублении сцены группа друзей и учеников Сенеки.

Люций

(омыв после еды руки водою в чаше, поданной рабом, говорит)

Мудрец отличен от глупца
Тем, что он мыслит до конца.
И вот — я долго наблюдаю,
И нахожу, что смерть разит
Всего скорее аппетит.
Я целый час жую, глотаю,
Но всё без вкуса — и не сыт!..

Вина попробуем! Быть может,
Живая Вакхова струя
Желудок дремлющий встревожит...
Ну, кто же пьет со мной, друзья?
Лукан!.. да ты как в лихорадке!
В Сенеке строгий стоицизм
Давно разрушил организм!
И если вы в таком упадке —
Немудрено, что в этот час
Мой здравый разум бесит вас!

Л у к а н

В час смерти шутки неприличны!

Л ю ц и й

Но лучше умереть шутя,
Чем плакать, рваться, как дитя,
Без пользы!

Л у к а н

Мнения различны!

Кто жизнь обжорству посвятил,
Тот потеряет в ней не много!

Л ю ц и й

Э, милый! не суди так строго!
Я, признаюсь, еще б пожил
И неохотно умираю. .
Но чтобы с честью этот шаг
Свершить — в твоих, мой друг, стихах
Себе отваги почерпаю.
«Послание к смерти» помнишь ты?
В нем есть высокие черты!

С скелета смерти снял ты смело
Земной фантазии цветы...

Ты помнишь:

(Декламирует)

«Друзья! нам смерть страшна лишь
чем?»

Всё кажется, что не совсем,
Не разом мы умрем,

Что будем видеть мы свой труп,
Улыбку неподвижных губ,
Глаза с тупым зрачком;

А мухи стаей по лицу,
Без уваженья к мертвецу,
И по лбу поползут;

И с содроганьем от тебя
Родные, близкие, друзья
В испуге отойдут...»

Лука н

Ужасный образ! как я мог!..

Лю ц и й

Позволь! в конце — благой урок.
(Читает далее)

«Что даже из земли сырой
За резвой жизнью земной
Следить твой будет слух;

И между тем как над тобой
Весна покров расстелет свой
И запестреет луг, —

Червь нѣ тебя уж нападет
И жадно есть тебе начнет
И щеки и бока...»

Л у к а н
(перебивая его)

Да перестань!

Л ю ц и й
(продолжает)

«И будешь вечно рваться ты
На свет из душной темноты —
Да крышка-то крепка!

Но, смертный, знай! твой тщетен страх,
Ведь на твоих похоронах
Не будешь зритель ты!

Ведь вместе с дружеской толпой
Не будешь плакать над собой
И класть нѣ гроб цветы;

По смерти стал ты вне тревог;
Ты стал загадкою, как бог,
И вдруг душа твоя

Как радость встретила покой,
Какого в жизни нет земной —
Покой небытия!»

Ведь превосходно! Эпиктетом
Проникнут живо каждый стих!
Прошу покорно — верь поэтам!

Мечты и верованья их
Подвижней тучек золотых!..
Вы все на колокол похожи,
В который может зазвонить
На площади любой прохожий!
То смерть зовет, то хочет жить,
То снова к жизни равнодушен...
Задача, право, вас понять!..

Лука н

(вспыхнув)

Что ж этим хочешь ты сказать?
Что ветрен я и малодушен?

Сенека

(переставая писать, удерживает Лукана)

Оставьте спор! прилично ль вам
Безумным посвящать речам
Свои последние мгновенья!
Смерть — шаг великий!

(К Люцию)

Верь, мой друг,
Есть смысл в Платоновом ученьи —
Что это миг перерожденья.
Пусть здесь убьет меня недуг —
Но, как мерцанье Авроры,
Как лилий чистый фимиами,
Как лир торжественные хоры,
Иная жизнь нас встретит — там!
В душе, за сим земным пределом,

Проснутся, выглянут на свет
Иные чувства роем целым,
Которым органа здесь нет.
Мы — боги, скованные телом,
И в этот дивный перелом,
Когда я покидаю землю,
Я прежний образ свой приемлю,
Вступая в небо — божеством!

Лю д и й

Я спорить не хочу, Сенека!
Но отчего так создан свет,
Что где хоть два есть человека —
И два есть взгляда на предмет?
Твое, как молот, сильно слово —
Но убеждаюсь я в ином...
Существования другого
Не постигаю я умом!
Взгляни на лавры вековые —
Их листья, каждый в свой черед,
Переменяются что год —
Одни спадут, взойдут другие,
А лавр всё зелен, вечно свеж,
И листья будто вечно те ж...
Вот так и мы — Лукан, Сенека,
Слуга покорный ваш — умрет...
Отпадший лист! но заживет,
Как прежде, племя человека!
Иной появится певец,
Другие будут жить и вздорить,
Страдать, любить, о том же спорить,
О чем и мы с тобой, мудрец!..

Но пусть по смерти жить мы будем!
(Тебе готов я уступить!)
А всё себя мы не принудим
Без сожаленья кончить жить!
Нам неприятна перемена.
Вот что мне кто-то говорил:
На острове каком-то жил
Философ секты Диогена.
Он в бедном рубище ходил,
Спал, где пришлось прилечь к сараю,
Босой, с клюкой, нужда кругом...
Каким уж случаем, не знаю,
Всему вдруг вздумалось краю
Его избрать своим царем.
Что ж? Царский пурпур одевая -
И тряпки ветхие скидая,
О них вздохнул он тяжело
И пожалел удел убогой,
Сказав: ведь было же тепло
Под сей циннической тогой!
Не то же ль с жизнью земной?
Достигши вечного предела,
Жалеешь бросить это тело —
Покров убогий и худой!
Ты говоришь, что мы одною
С богами жизнью заживем?
Да лучше ль нам? Ну, как порою,
Смотря, как мы свой век ведем,
Богини с грозными богами,
Как волки, щелкают зубами!
Смотря, как смертный ест и пьет
И с смертной тешится любезной,

Они, быть может, бесполезно
Крепясь, облизывают рот!
Что мне в их жизни без волнений?
Мирами, что ли, управлять?
В них декорации менять
И, вместо всяких развлечений,
Людьми, как шашками, играть
И, как актерами плохими,
Отнюдь не увлекаться ими,
Ни скучной пьесой! .. Нет! Клянусь,
Я в боги вовсе не гожусь. . .

Л у к а н

Нет! не страшат меня загадки
Того, что будет впереди!
Жаль бросить славных дел начатки
И всё, что билося в груди,
Что было мне всего дороже,
Чему всю жизнь я посвятил!
Мне страшно думать — для чего же
Во мне кипело столько сил?
Зачем же сила эта крепла,
Росла, стремилась к торжествам!
Титан, грозивший небесам,
Ужели станет горстью пепла!
Не может быть! где ж смысл в богах?
Где высший разум? Провиденье?
Вдруг человека взять в лесах,
Возвысить в мире, дать значенье,
И вдруг — разбить без сожаленья,
Как форму глиняную, в прах! ..
Ужели с даром песен лира

Была случайно мне дана?
Нет, в ней была заключена
Одна из сил разумных мира!
Народов мысли — образ дать,
Их чувству — слово громовое,
Вселенной душу обнимать
И говорить за всё живое —
Вот мой удел! вот власть моя!
Когда для правды бесприютной,
В сердцах людей мелькавшей смутно,
Скую из слова образ я,
И тут врагов слепая стая
Его подхватит, злясь и лая,
Как псы обглоданную кость, —
Всё, что отвергнуто толпою,
Всё веселилось со мною,
Смотря на жалкую их злость!..
А злоба мрачных изуверов,
Ханжей, фигляров, лицемеров,
С которых маски я сбивал?
Дитя — их мучил и пугал!
Столпов отечества заставить
Я мог капризам льстить моим —
Тем, что я их стихом одним
Мог вознести иль обесславить!
С Нероном спорить я дерзал —
А кто же спорить мог с Нероном!
Он ногти грыз, он двигал троном,
Когда я вслед за ним читал
И в зале шепот пробегал...
Что ж? не был я его сильнее,
Когда, не властвуя собой,

Он опрокинул трон ногой
И вышел — полотна белее?
Вот жизнь моя! и что ж? ужель
Вдруг умереть? и это — цель
Трудов, великих начинаний!..
Победный лавр, венец желаний!..
О боги! нет! не может быть!
Нет! жить, я чувствую, я буду!
Хоть чудом — о, я верю чуду!
Но должен я и — буду жить!

(Входит центурион со свитком в руке.)

Л ю ц и й

(указывая на центуриона)

Вот и спаситель! Ну! покуда
Тут нет еще большего чуда.

(К центуриону)

Какие новости?

Ц е н т у р и о н

(подавая ему свиток)

Декрет

Сената.

Л ю ц и й

Други! шлет привет
Сенат к нам! уважение к власти!

Л у к а н

Читай!

Лю ц и й

Стой! кто решит вперед —
Жизнь или смерть? заклад идет?

Лу к а н

Я б разорвал тебя на части
За эти шутки!

(Вырывает свиток и читает декрет, в котором, между прочим, сказано, что цезарь, в неизреченной милости своей, избавляет их от позорной казни, дарует им право выбрать род смерти и самим лишить себя жизни, сроку до полуночи. Центурион обязан наблюдать за исполнением декрета и о последующем донести.)

Лю ц и й

Недурен слог. Писать умеют.

Лу к а н

Злодеи! изверги!

Лю ц и й

Притом

Приличье тонко разумеют —
Что одолжаться палачом
Неблагородно человеку...

(К центуриону)

Но что ты смотришь на Сенеку?

Лу к а н

Ты тронут! ты потупил взгляд!
В твоём лице следы смущенья!

О, верь мне, то богов внушенья!
Спаси нам жизнь! благословят
Тебя народы! Пред тобою
Мудрец с маститой сединою —
Он чист, как дева, как Сократ!

Центурион

Мой долг...

Лукан

Твой долг! а жить без славы!
Для дикой прихоти губя
Людей, отечество, себя,
Прожить слепцом в грязи кровавой!
О, если долг в твоей груди
Не всё убил, то — отведи
Меня в Сенат! Как с поля битвы
Пред смертью ратнику, сказать
Дай мне последние молитвы!
Дай мне пред смертью завещать
Без лжи, перед лицом вселенной,
Всё, что привык я неизменной,
Святою истиной считать!

*(Центурион, не обращая внимания на Лукана, удаляется
в глубину комнаты. Лукан продолжает в сильном
волнении)*

Я им скажу — в них чести нет!
В них ум какой-то мглой одет!
Для них отечество и слава —
Речей напыщенных приправа!
Величие народа в том,

Что носит в сердце он своем;
Убив в нем доблести величье,
Заставив в играх и пирах
Забыть добра и зла различье,
В сердца вселяя только страх,
От правды казнью ограждаясь
И пред рабами величаясь,
Они мечтают навсегда
Избегнуть кары и суда...
Я им скажу — готовят сами
Свой приговор себе они!
Что, упоенные льстецами
И мысля в мире жить одни,
Себе статуи воздвигают,
Как божества, на площадях...
Но век их минет: разломают,
С проклятием растопчут в прах
Отцов статуи их же дети!
Детей проклятий ряд столетий
Не снимет с головы отцов...

Сенека

Лукан! оставь, оставь слепцов!

Люций

Пришла ж охота на циклопов,
На двуутробок и сорок
Взглянуть пред смертью! взять урок
У них дилемм, фигур и тропов!

Лукан

Но как без боя всё отдать!..

Хотя б к народу мне воззвать!
Певец у Рима умирает!
Сенека гибнет! и народ
Молчит!.. Но нет, народ не знает!
Народу мил и дорог тот,
Кто спать в нем мысли не дает!

Лю ц и й

Да, мил, как бабочка ночная,
Покуда крыльев не ожжет,
Через огонь перелетая...
Народ твой первый же потом
И назовет тебя глупцом.

Лу к а н

(закрыв лицо руками)

Но цезарь!.. мы ведь с ним когда-то
Росли, играли, как два брата!
Он вспомнит время детских игр,
И приговор свой остановит...
В нем сердце есть... ведь он не тигр...
Рим часто попусту злословит...
Что я ему, мои мечты
Да песни — все мои заботы!..

Лю ц и й

Мой бедный мальчик, с жизнью счеты
Еще не кончил, видно, ты!

*(Один из учеников Сенеки входит в комнату. С ним раб.
Он говорит шепотом.)*

У ч е н и к

Друзья, — чур тише, — я с надеждой!

Лукан

Прощенье!..

Ученик

В доме выход есть;

Со мной две женские одежды.

Пробраться к Тибру, в лодку сесть,

И в Остию! беги с Луканом.

А я останусь здесь с рабом.

Лукан с ним сходен видом, станом,

Я сед, гляжу уж стариком...

Бегите! время есть до срока.

И вы уж будете далеко,

Как нас найдут здесь поутру.

Лукан

Я говорил, что не умру!

Сенека

Беги, Лукан! Мне с сединою

Нейдет уж бегать от врагов.

Люций

А жаль! Я б посмотрел, каков

Ты в юбке!..

Ученик .

Гибель пред тобою!

Смерть в каждом доме! Целый Рим —

Что цирк. Людей травят зверями.

Постум убит рабом своим;

Пизон вскрыл жилы. Под досками

Раздавлен Кай. Чего ж вам ждать?

С е н е к а

Мой друг, не дважды умирать!
Раз — это праздник!

У ч е н и к

Но с тобою
Погибнет всё! ты много нам
Не доскәзал!

С е н е к а

Найдешь и сам
Всё, что осталось за мною, —
Лишь мысли истину любя.

Л у к а н

Учитель! я молю тебя!

У ч е н и к

Ведь ты последняя лампада
Во мраке лжи!

С е н е к а

Оставь меня.
Ни просьб, ни лести мне не нәдо.
Верь, каждый шаг свой — знаю я!

У ч е н и к

Я это знал... я знал тебя!
О горе! что же будет с нами!..
Жить в мраке, плача и скорбя,

Что свет мелькнул перед глазами —
И скрылся!.. Ты душой высок!
Ты недоступен нам, Сенека!
Ах! правда! в сердце человека
Есть нечто высшее, есть бог!..
Сейчас я видел — и смущеньем
Я поражен как мальчик был...
Я через форум проходил.
С каким-то диким изумленьем
Народ носилки окружил.
В носилках труп Эпихариды...
(Под видом праздников Киприды
Пизон друзей сбирал к ней в дом.)
Вчера она под колесом,
В жестоких муках, не винулась
И никого не предала!..
Трещали кости, кровь текла...
В носилках петлю изловчилась
Связать платком — и удавилась.
Воскликнул сам центурион:
«В рабынь вселился дух Катонов!»
А Рим? Сенат? весь обращен
Иль в палачей, или в шпионов!

Лука н

Эпихарида!

Ученик

Да, она —

Душа безумных сатурналий.

Лука н

И ты хотел, чтоб мы бежали!

Люций

Быва́ют точно времена
Совсем особенного свойства.
Себя не трудно умертвить,
Но, жизнь поняв, остаться жить —
Клянусь, немалое геройство!

Лукан

И смерть в руках ее была
Для целой половины Рима —
И никого не предала!
А жить бы в золоте могла!
На плащадях боготворима,
В меди б и в мраморе была,
Как мать отечества!.. О, боги!
Сенека! и взглянуть стыжусь
На образ твой, как совесть, строгий!
Да разве мог я жить как трус?
Нет, нет! Клянусь, меня не станут
Геройством женщин упрекать!
Последних римлян в нас помянут!
Ну, Рим! тебе волчица — мать
Была! я верю... в сказке древней
Есть правда... Ликтор! я готов...
Я здесь чужой в гнилой харчевне
Убийц наемных и воров!
Смерть тяжела лишь для рабов!
Нам — в ней триумф.

*(Обнимает Сенеку и друзей и говорит, подняв глаза
к небу)*

О боги! боги!

Вы обнажили предо мной

Виденья древности седой
И олимпийские чертоги —
Затем, чтоб стих могучий мой
Их смертным был провозвещатель!..
Теперь стою я, как ваятель
В своей великой мастерской.
Передо мной — как исполины
Недовершенные мечты!
Как мрамор, ждут они единой
Для жизни творческой черты...
Простите ж, пышные мечтанья!
Осуществить я вас не мог!..
О, умираю я, как бог
Средь начатого мирозданья!

*(Лукан, обняв Сенеку и Люция, уходит сопровождаемый
ликторами.)*

С е н е к а

*(хочет за ним следовать, но останавливается на движе-
ние бросившихся к нему учеников и, проведя рукою
по челу, говорит тихо и торжественно)*

Одну имел я в жизни цель,
И к ней я шел тропой тяжелой.
Вся жизнь моя была досель
Нравоучительною школой;
И смерть есть новый в ней урок,
Есть буква новая средь вечной
И днвной азбуки, залог
Науки высшей, бесконечной!
Творец мне разум строгий дал,
Чтоб я вселенную изведal
И что в себе и в ней познал —

В науку б поздним внукам предал;
Послал он в встречу злобу мне,
Разврат чудовищный и гнусный,
Чтоб я, как дуб на вышине,
Средь бурь окреп в борьбе искусной,
Чтоб в массе подвигов и дел
Я образ свой напечатлел...
Я всё свершил. Мой образ вылит.
Еще резца последний взмах —
И гордо встанет он в веках.
Резец не дрогнет. Не осилит
Мне руку страх. Здесь путь свершен, —
Но дух мой, жизнию земною
Усовершен и умудрен,
Вступает в вечность... Предо мною
Открыта дверь — и вижу я
Зарю иного бытия...

*(Друзья с воплями обнимают колена философа. Смотри
на них, он продолжает)*

Жизнь хороша, когда мы в мире
Необходимое звено,
Со всем живущим заодно;
Когда не лишний я на пире;
Когда, идя с народом в храм,
Я с ним молюсь одним богам...
Когда ж толпа, с тобою розно
Себе воздвигнув божество,
Следит с какой-то злобой грозной
Движенья сердца твоего;
Когда указывает пальцем,
Тебя завидев далеко, —
О, жить отверженным скитальцем,

Друзья, поверьте, нелегко:
Остатки лучших поколений,
С их древней доблестью в груди,
Проходим мертвые, как тени;
Мы как шуты на площади!
И незаметно ветер крепкий
Потопит нас среди зыбей,
Как обесмысленные щепки
Победоносных кораблей...

Наш век прошел. Пора нам, братья!
Иные люди в мир пришли;
Иные чувства и понятия
Они с собою принесли...
Быть может, веруя упорно
В преданья юности своей,
Мы леденим, как вихрь тлетворный,
Жизнь обновленную людей.
Быть может... истина не с нами!
Наш ум ее уже неймет
И ослабевшими очами
Глядит назад, а не вперед,
И света истины не видит,
И вопиет: «Спасенья нет!»
И, может быть, иной придет
И скажет людям: «Вот где свет!»
Нет! нам пора!.. Открой мне жилы!..
О величайшее из благ —
Смерть! ты теперь в моих руках!..
Сократ! учитель мой! друг милый!
К тебе иду!..

(Уходит сопровождаемый учениками.)

Л ю ц и й

Ты кончил хорошо, Сенека!
И славно выдержал!.. Ну, вот —
Героем меньше!.. Злость берет,
Как поглядишь на человека!
Что ж из того, что умер ты?
Что духом до конца не падал?
Для болтовни, для клеветы
Ты Риму разговоров задал
Дня на два! Вот и подвиг твой!
(Смотрит в окно на небо и дальние горы.)

Как там спокойно! Горы ясны...
Вот так и боги безучастно
С небес глядят на род людской!
Да что и видеть?..

(Оглядывается в комнату.)

Здесь ужасно
И жить, не только умирать!
А жить осталось немного...
Что ж пользы Немезиде строгой
Час лишний даром отдавать?
Для дел великих отдых нужен,
Веселый дух и — добрый ужин...
По смерти слава — нам не впрок!
И что за счастье, что когда-то
Укажет ритор бородатый
В тебе для школьников урок!..
До тайн грядущих — нет мне дела!
И — здесь ли кончу я свой век,
Иль будет жить душа без тела —
Всё буду я — не человек!..

Ну, а теперь, пока я в силе,
С почетом отпустить могу
Я тело — старого слугу...
Эй, раб!

(Входит раб.)

В моей приморской вилле
Мне лучший ужин снаряди,
В амфитеатре, под горами.
Мне ложе убери цветами;
Балет вакханок приведи,
Хор фавнов... лиры и тимпаны...
Да хор не так, как в прошлый раз:
Пискун какой-то — первый бас!..
В саду открой везде фонтаны;
Вот ключ — там в дальней кладовой
Есть кубки с греческой резьбой —
Достань. Да разошли проворно
Рабов созвать друзей... Пускай,
Кто жив, тот и придет. Ступай
К Марцеллу сам. Проси покорно,
Хранится у него давно
Гораццианское вино.
Скажи, что господин твой молит
Не отказать ему ни в чем,
Что нынче — умирать изволит!
Ну, всё... ты верным был рабом
И не забыт в моей духовной.

(Раб упадает к его ногам.)

Да не торгуйся, не скупись —
Чтоб ужин вышел баснословный!..

Да! главное забыл... Стучись
В палаты Пирры беззаботной!
Снеси цветов корзины ей,
И пусть, смеясь безотчетно,
Она ко мне, весны светлей,
На ужин явится скорей.

(Раб уходит.)

И на коленях девы милой
Я с напряженной жизни силой
В последний раз упьюсь душой
Дыханьем трав, и морем спящим,
И солнцем, в волны заходящим,
И Пирры ясной красотой!..
Когда ж пресыщусь до избытка,
Она смертельного напитка,
Умильно улыбаясь, мне,
Сама не зная, даст в вино,
И я умру шутя, чуть слышно,
Как истый мудрый сибарит,
Который, трапезою пышной
Насытив тонкий аппетит,
Средь ароматов мирно спит.

ПРИМЕЧАНИЯ

В основу настоящего издания положено шестое, последнее прижизненное «Полное собрание сочинений А. Н. Майкова» в трех томах, вышедшее в 1893 г. В этом собрании произведений А. Н. Майковым были внесены изменения в тексты и в порядок расположения материала. Поскольку во всех изданиях своих произведений А. Н. Майков неизменно сохранял распределение стихотворений по отделам и циклам, то и в данном издании сохраняется это авторское расположение по соответствующим разделам и последовательность стихотворений, принятая в последнем прижизненном собрании сочинений А. Н. Майкова 1893 г. В настоящее издание включены наиболее существенные для творческой характеристики Майкова циклы; все они печатаются не в полном составе.

Датировка стихотворений, за исключением отдельных уточнений, принята по собранию сочинений 1893 г. Орфография и пунктуация приближены к современной, там, где это не нарушает особенностей языка.

Мифологические имена и названия выделены в словарь.

СТИХОТВОРЕНИЯ

В антологическом роде

Антологическими назывались стихотворения, написанные на античные темы и посвященные по преимуществу воспеванию красот древней жизни.

О к т а в а́. *Октава* — восьмистроочная строфа с определенной системой рифм (abababcc). Размер октавы — обычно пятистопный ямб.

Г е з и о д. *Гезиод* (VIII—VII вв. до н. э.) — древнегреческий поэт, автор поэмы «Труды и дни», воспевающей земледельческий труд. Он объединил также в одну поэму, «Теогония», древние сказания и мифы о богах.

«Я в гроте ждал тебя в урочный час...». *Гальциона* — птица из семейства зимородковых.

«На мысе сем диком, увенчанном бедной осокой...» — перевод стихотворения Сафо. *Сафо* (VII—VI вв. до н. э.) — древнегреческая лирическая поэтесса.

Из Андрея Шенье («Я был еще дитя; она уже прекрасна...»). *Андрэ Шенье* (1762—1794) — французский поэт, автор антологических стихов и элегий.

О в и д и й. *Овидий* (43 г. до н. э. — 17 г. н. э.) — римский поэт, автор книг «Метаморфозы», «Наука любви», был сослан императором Августом в город Тома (Понт) на берегу Черного моря.

В а к х а н к а. *Тимпан* — ударный музыкальный инструмент. *Аканф* — декоративное растение.

«Пусть полудикие скифы...». *Скифы* — степные племена, жившие в северном Причерноморье и прилегающих к нему областях.

П о э з и я. *Панорм* (Палермо) — город в Сицилии. *Фалерн* — местность в Италии, известная своим вином. *Пестум* — город в Италии, славившийся своими розами. *Бандузий* — ручей в поместье Горация.

Е. П. М. Стихотворение обращено к матери поэта Евгении Петровне Майковой (1803—1880), сыгравшей большую роль в творческом развитии А. Н. Майкова.

П о д р а ж а н и я д р е в н и м

Сафо

«Зачем венком из листьев лавра...». *Сафо* (VII—VI вв. до н. э.) — древнегреческая лирическая поэтесса. По преданию, Сафо безнадежно

влюбилась в юношу Фаона и бросилась в море. *Эпидавр* — древнегреческий город, в котором был храм и оракул бога врачевания Эскулапа.

Анакреон

«Пусть гордится старый дед...». *Анакреон* (VI—V вв. до н. э.) — древнегреческий лирик, автор любовных стихотворений, прославляющих наслаждение жизнью. Из произведений Анакреона сохранились лишь немногие; впоследствии возникла обширная так называемая анакреонтика, включавшая не принадлежавшие поэту тексты.

Гораций

«Скажи мне: чей челнок к скале сей приплывает?..» *Гораций* (65—8 гг. до н. э.) — римский поэт-лирик, автор любовных и дружеских посланий, од и сатир.

Овидий

Послание с Понта. Находясь в изгнании на берегу Черного моря в городе Томы (Понт), Овидий написал «Понтийские послания», в том числе переведенное Майковым. *Фалерн* — здесь сорт вина. *Авзония* — поэтическое название Италии, по имени древнего племени авзонов. *Эвксин* — древнегреческое название Черного моря. *Пинд* — горная цепь в Греции. *Август* (63 г. до н. э. — 14 г. н. э.) — римский император, расширивший границы империи. *Германик* и *Друз* (I в. до н. э.) — римские полководцы, победители германских племен.

Батавы, тевтоны — германские племена. *Ликторы* — почетная стража, сопровождавшая высших представителей власти в древнем Риме.

Э л е г и и

Исповедь. Сенека (ум. 65 г. н. э.) — римский философ-стоик. *Локк Д.* (1632—1704) — английский философ-материалист. *Кант Иммануил* (1724—1804) — немецкий философ, родоначальник немецкого идеализма.

О чер ки Р и ма

Сатрагна ди Рома. Сабинские горы — горы неподалеку от Рима. *Амфора* — сосуд. *Ристание* — состязание.

«Ах, чудное небо, ей-богу, над этим классическим Римом!...». *Эллада* — название древней Греции. *Тритон* — здесь изображение морского божества на фронтоне. *Альбанка* — женщина из Альбано, предместья Рима.

Нищий. Мурильо (1618—1682) — испанский художник, изображавший бедняков, нищих.

Востерии. Остерия — харчевня, кабачок в Италии. *Андрокл* — римский раб, по преданию, осужденный на растерзание в цирке и поощренный львом.

Антики. Антики — обломки древних статуй. *Афины* — город в Греции, центр древнегреческой культуры.

Древний Рим. Аркада — ряд сквозных арок. Колизей — цирк в древнем Риме. Форум — в древнем Риме площадь для народных собраний, суда и ярмарки. Коринфская капитель — один из стилей, сложным рисунком завершающий верхнюю часть (капитель) колонны. Лициний — здесь обобщенный образ народного героя, прототипом которого послужил трибун Гай Лициний Столон (был трибуном в 377 г. до н. э.), боровшийся за интересы беднейших плебеев. Клавдий (10 г. до н. э. — 54 г. н. э.) — римский император. Учил вселенную, как должно умирать — подразумевается Петроний (ум. 66 г. н. э.), римский писатель-сатирик, автор «Сатирикона»; впав в немилость у Нерона, покончил с собой, вскрыв вены.

Palazzo. Болонская хоругвь — знамя города Болоньи, под которым его жители сражались в 1846—1849 гг. за независимость против австрийцев. Сократ (469—399 гг. до н. э.) — древнегреческий философ-идеалист.

Житейские думы

Отрывок («Над прахом гения свершать святую тризну...»). Стихотворение посвящено памяти А. С. Пушкина. Старый клеветник — Ксенофонт Алексеевич Полевой (1801—1867), младший брат издателя журнала «Московский телеграф» Н. А. Полевого. Стихотворение Майкова вызвано клеветнической статьей К. Полевого о Пушкине, напечатанной в «Северной пчеле» в связи с выходом

сочинений Пушкина под редакцией П. В. Анненкова.

На смерть М. И. Глинки. Хороший знакомый Майкова, композитор М. И. Глинка умер 3 февраля 1857 г.

Старый хлам. *Фрины*, *Лиды* — здесь в смысле куртизанок, гетер. *Мессалина* — первая жена римского императора Клавдия (I в.), известная своим развратным поведением и жестокостью. *Вандалы* — германское племя, совершавшее в V в. опустошительные набеги на Римскую империю. *Сократ* (469—399 гг. до н. э.) — древнегреческий философ-идеалист. *Клеопатра* (69—30 гг. до н. э.) — последняя царица Египта, отличавшаяся умом, красотой и развращенностью.

Ф а н т а з и и

Сон в летнюю ночь. Стихотворение посвящено критику и поэту Аполлону Александровичу Григорьеву (1822—1864), переводчику комедии Шекспира «Сон в летнюю ночь».

К а м е н и

Анакреон. Иван Александрович Гончаров (1812—1895) был давним другом семьи Майковых, преподавал будущему поэту историю литературы. Анакреон — см. стр. 446.

Алкивиад. *Алкивиад* (451—404 гг. до н. э.) — афинский полководец и государственный деятель, славился красотой и разгульным образом

жизни в молодости. *Фриня* — афинская куртизанка. *Сатрап* — начальник провинции в древней Персии. *Софисты* — древнегреческие философы (V в. до н. э.), учившие искусству «мудрости» и красноречию. *Архонты* — правители афинской республики.

Аспазия. *Аспазия* (V в. до н. э.) — одна из знаменитейших женщин древней Греции, гражданская жена Перикла — вождя афинской демократии. Аспазия отличалась красотой и образованностью, у нее в Афинах собирались замечательные по уму и дарованиям люди. *Фригийский колпак* — головной убор древних фригийцев в виде колпака с ниспадающим вперед верхом.

Претор. *Претор* — верховный судья в древнем Риме. *Ликторы* — военная стража, сопровождавшая высших представителей власти в древнем Риме. *Форум* — см. стр. 448.

П о с л а н и я

Я. П. Полонскому. *Полонский* Яков Петрович (1819—1898) — поэт, друг А. Н. Майкова. *Австерия* (остерия) — харчевня, кабачок в Италии. *Вазари* (1511—1574) — художник и историк искусства, автор жизнеописаний художников, скульпторов, архитекторов. *Тацит* (55—120) — римский историк. *Сладостный певец Тибура и Пестума* — речь идет о Горации. *Феокрит* (III в. до н. э.) — древнегреческий поэт, автор буколических поэм и идиллий. *Штернберг* Василий Иванович (1818—1845), *Иванов* Александр Андреевич

(1806—1858), *Ставассер* Петр Андреевич (1816—1850) — русские художники, жившие в Италии, знакомые и друзья Майкова.

М. Л. Михайлову. *Михайлов* Михаил Ларионович (1829—1865) — поэт, прозаик и переводчик, примыкавший к лагерю революционной демократии, сподвижник Чернышевского. В 1857 году, когда было написано это стихотворение, М. Л. Михайлов вернулся из поездки на Урал, из так называемой «литературной экспедиции», в которой принимали участие многие писатели. Путешествуя по Уралу, Михайлов изучал местный фольклор.

И. А. Гончарову. Послание связано с кругосветным путешествием Гончарова, результатом которого явилась книга путевых очерков «Фрегат „Паллада“». Первые очерки начали печататься с 1855 года.

Д о ч е р и

«Она еще едва умеет лепетать...»,
«Не может быть! не может быть!..»
Стихи посвящены младшей дочери А. Н. Майкова, умершей в детском возрасте.

И з с т р а н с т в и й

«Здесь весна, как художник уж славный, работает тихо...». *Пантеон* — усыпальница великих людей, «храм славы».

*

Неаполитанский альбом

Два карлина. *Карлин* — старинная итальянская монета. *Ладзароны* — нищие, бродяги (итал.). *Галлы* — древние народы, обитавшие на территории Италии и Франции, здесь — в значении французы. *Арагонцы* — жители Арагонии (Сев. Испания), здесь — в значении испанцы.

Тарантелла. *Тарантелла* — итальянский народный танец. *Капуцин* — католический монах нищенствующего ордена.

«Душно! иль опять сирокко?..». *Сирокко* — южный ветер, дующий на острове Сицилия. *Гарибальди* (1807—1882) — возглавил борьбу итальянских патриотов против австрийского господства, положившую начало освобождению и объединению Италии в единое государство.

«Народный вождь вступает в город...». Стихотворение посвящено вступлению Гарибальди в 1860 г. в Неаполь. *Мери* — вымышленная героиня цикла «Неаполитанский альбом», который имеет подзаголовок «Мисс Мери».

Страны и народы

«Сидели старцы Илиона...». *Илион* — город Троя.

Рыцарь. *Бертран де Борн* — французский поэт-трубадур XII века.

Из *Петрарки* («Когда она вошла в небесные селенья...»). *Петрарка, Франческо* (1304—1374) — итальянский поэт, гуманист эпохи Возрождения, автор книги сонетов, воспевающих любовь к Лауре.

Из *Гафиза*. *Гафиз* (XIV в.) — персидский лирический поэт.

Сон негра. *Лонгфелло, Генри* (1807—1882) — американский поэт. В эпоху борьбы за освобождение негров от рабства создал «Песни о рабстве» (1842), куда входит стихотворение «Сон негра».

Из «Крымских сонетов» *Мицкевича*.

Аккерманские степи. *Аккерман* — город на Днестре.

Байдарская долина. *Байдарская долина* — местность в Крыму по дороге из Севастополя в Ялту.

Переводы и вариации Гейне

Гейне (Пролог). Это стихотворение является прологом к циклу переводов из Гейне, осуществленных Майковым в 1850—1860 гг.

Excelsior

«О царство вечной юности...». *Лизипп* и *Пракситель* — греческие скульпторы IV в. до н. э.

Excelsior. Перевод из американского поэта Лонгфелло. *Excelsior* (латинск.) — достигший вершины, наивысшей точки.

Акварели

Айвазовскому. *Айвазовский* Иван Константинович (1817—1900) — художник-маринист, с которым Майков был близко знаком. Майков посвятил выставке картин Айвазовского специальную статью, помещенную в «Отечественных записках» в 1847 г.

Олимпийские игры. *Олимпийские игры* — спортивные празднества-соревнования в древней Греции (VIII—IX вв. до н. э.). *Музыкальный* — от слова музыка (музыка).

Века и народы

Савонарола. *Савонарола* Джироламо (1452—1498) — итальянский проповедник, монах-аскет, захвативший власть во Флоренции. Он обличал развращенность католического духовенства и светских властей. Выступая против этой развращенности, он устраивал публичные сожжения пред-

метов роскоши. Обвиненный в ереси, Савонарола был казнен по приказу папы. *Медичи* — знаменитая во Флоренции XIII—XVI вв. фамилия, представители которой стояли во главе Флорентийской республики. *Кантилена* — лирико-эпическая песня.

П о с л е д н и е я з ы ч н и к и. *Константин* (274—337) — император римский, основатель Константинополя. Константин покровительствовал христианам, а в конце жизни принял христианство. *Эвксин* — древнегреческое название Черного моря.

П р и г о в о р. Констанцский собор был созван в г. Констанце в 1414 г. папой Иоанном XXIII для суда над чешским национальным героем и реформатором Яном Гусом (1369—1415) обвиненным в ереси. Ян Гус был сожжен на костре. *Сорбонна* — старинный французский университет в Париже, основан в XIII веке. *Прелат* — высший духовный чин в католической церкви. *Ратман* — член городского совета.

П а с т у х. *Гранды* — знатные испанские дворяне.

М е н е с т р е л ь. *Менестрель* — средневековый странствующий певец.

С т а р ы й д о ж. *Дож* — правитель Венецианской республики. *Веспер* — вечерняя звезда. *Дога-ресса* — жена дожа. *Аттила* (V в. н. э.) — вождь гуннов, разрушивших Восточную римскую империю. *Лагуна* — залив. *Лев св. Марка* — герб Венеции.

Новогреческие песни

В издании «Новые стихотворения» А. Н. Майкова (1864) циклу предшествовало следующее примечание автора: «Мотивами из народной поэзии нынешних греков» (так первоначально назывался цикл. — *Ред.*) я назвал предлагаемый ряд стихотворений, потому что было не совсем верно назвать их переводами, по крайней мере некоторые из них. Я более старался передать поэтический характер новогреческих песен, общее впечатление, жертвуя буквальною точностью; в выборе своем руководствовался какою-нибудь поэтической чертой, имеющей общее значение, например старался сохранить эту любовь к жизни и чувство красоты природы, и именно природы Греции; поэтому из богатого собрания исторических или клефтских песен взял весьма немногие — да это было бы и лишнее, многие из них превосходно переведены Гнедичем и Бергом. Впрочем, некоторые из помещенных здесь песен переведены мною вернее прочих; разнятся с печатным текстом иногда только тем, что из множества мелких вариантов разных сборников я брал те черты, которые мне более нравились, а таких вариантов приведено чрезвычайно много в редком у нас издании Томазо: *Canti popolari toscani, greci, illirici*, к сожалению, много пострадавшем от австрийской цензуры. . . Не мне судить, передал ли я поэзию этих песен, открывающую светлые архипелажские горизонты, поражающую красотой древней греческой антологии, представляющую чудную смесь древнеязыческих и христианских элементов,

между которыми нередко дает себя чувствовать и элемент славянский: по крайней мере только это и соблазнило меня на труд».

П о ц е л у й. *Клефты* — вольнолюбивые горцы Северной Греции, Македонии и Албании. Они вели борьбу за освобождение от турецкого владычества и сыграли большую роль в греко-турецкой войне в 1821—1829 гг.

Д е с п о. *Кьяфа* — город в Греции.

З а в е щ а н и е. *Паликары* — солдаты-греки, боровшиеся с турками.

Ч у ж б и н а. *Амарант* — декоративное тропическое растение.

О т з ы в ы ж и з н и

Р ы б н а я л о в л я. *Аксаков Сергей Тимофеевич* (1791—1859) — писатель, автор «Записок об ужении рыбы». *Майков Николай Аполлонович* (1796—1873) — отец поэта. *Дудышкин Степан Семенович* (1820—1866) — критик, редактор «Отечественных записок». *Халанский Андрей Иванович* (1795—1864) — сенатор, знакомый Майкова. *И грек не приобщил к парнасскому союзу* — шутовское сетование на то, что древние греки, наряду с прочими музами, обитавшими на Парнасе, не имели музы — покровительницы рыбной ловли.

Отзывы истории

Емшан. *Батырь* — богатырь, наездник. *Мономах* — киевский князь Владимир Мономах (1053—1125), один из выдающихся собирателей русской земли, изгнавший половцев и татар. *Кунак* — приятель.

В Городце в 1263 году. Стихотворение посвящено деятельности Александра Невского (1220—1263). *Схима* — здесь монашеское одеяние. *Отец! смертный пот на челе* — отец Александра Невского, великий князь Суздальский Ярослав Всеволодович, не имея сил вести борьбу с татарами, признал власть хана и вынужден был поехать в Золотую Орду к Батыю на поклон, а оттуда к великому хану в Монголию, где и умер (в 1246 г.). *Князь Михаил перед ставкой стоит у дверей* — Михаил, князь Черниговский (1225—1246), был замучен в Золотой Орде за отказ поклониться идолу. *Снится ему Ярослав в Новгороде двор*. Во время княжения в Новгороде князь Александр Невский отстоял русскую землю от вторжения немецких рыцарей и шведов, разгромив в 1240 году шведов у Невы (отсюда и прозвание Невский), а в 1242 году разбил немецких рыцарей Ливонского ордена на льду Чудского озера у Новгорода. *Угорская земля* — Венгрия. *Ганза* — торговый союз прибалтийских городов (XIII—XIV вв.). *Биргер* — шведский военачальник, под руководством которого шведы в 1240 г. предприняли поход против Новгорода. *Памятен им поот-*

таявший лед — речь идет о Ледовом побоище на Чудском озере в 1242 г., когда Александр Невский нанес решительное поражение немецким рыцарям. *Баскаки* — татарские сборщики податей. *Ломятся тьмами ордынцы на Русь*. Став великим князем Владимирским, Александр Невский, подобно своему отцу, умелой политикой удерживал татар от новых разорительных набегов. Он поехал в Орду улаживать возникшие конфликты и скончался в 1263 году в Городце на Волге, возвращаясь из этой поездки. *Гроб с корабля*. Александру представляется перенесение будущим царем Петром I гроба с прахом Александра Невского в Петербург в Александро-Невскую лавру.

У гроба Грозного. Стихотворение посвящено характеристике деятельности Ивана Грозного (1530—1584), ознаменованной жестокой борьбой царя с феодальным боярством. Майков видит в Грозном выдающегося государственного деятеля, упрочившего Русское государство, умалчивая об отрицательных сторонах его деятельности. *Архангельский собор* — в Московском кремле. *Венецианский яд, незримый, как чума* — намек на отравление ядом матери Грозного и ряда других лиц из его окружения. *Схима* — высшая монашеская степень в христианской церкви. У московских великих князей и царей существовал обычай перед смертью принимать схиму. *Шуйские, Бельский, Мстиславский* — Грозный перечисляет князей-врагов, боровшихся против него. *Под Серпуховом кто безбожного навел*. В 1534 году князь С. Ф. Бельский и

Иван Лядкий, защищавшие Серпухов от крымских татар, изменили России и бежали в Литву. Курбский Андрей (1528—1583) — политический деятель, вначале близкий Ивану IV, а в 1564 году изменивший ему и бежавший в Литву, автор известных обличительных писем, направленных против царя. Ярославский князь — Андрей Курбский являлся Ярославским князем, как он и называет себя в письмах к Грозному, который не признавал права его на этот титул, как, впрочем, и других удельных князей. *Псарей ли возвести в боярство* — речь идет об организации опричины, личного войска царя, из неродовитых людей, которым Грозный давал боярские должности. *Но моря я хотел!* — речь идет о стремлении Грозного укрепиться на Балтийском море. *Сам кесарь взор возвел* — имеется в виду император Священной Римской империи Максимилиан I (1459—1519).

Кто он? Стихотворение посвящено характеристике Петра I.

«На белой отмели Каспийского моря я...». Стихотворение не включено Майковым в полное собрание сочинений и поэтому помещается в настоящем издании вне циклов. Оно обращено к Тарасу Григорьевичу Шевченко (1814—1861), который в 1850 году был сослан царским правительством в форт Новопетровск на берегу Каспийского моря; ему было запрещено писать стихи. В 1858 году он вернулся в Петербург, где, видимо, и познакомился с Майковым.

МАШЕНЬКА

Поэма напечатана в 1846 г. в «Петербургском сборнике» Н. Некрасова с цензурными пропусками, восстановленными по автографу. *Пески* — бедный, чиновничий район в старом Петербурге. *Ламартин Альфонс* (1790—1869) — французский поэт-романтик. *Грез Жан-Батист* (1725—1805) — французский живописец, автор чувствительных семейных сцен. *Омир* — Гомер. *Бабель* — Вавилон. *Пальмира* — древний город в Сирии. *Прованс* — провинция на юге Франции. *Брента* — река в Италии. *Блонды* — шелковое кружево. *Остракизм* — осуждение на изгнание в древней Греции.

ТРИ СМЕРТИ

«Лирическая драма» в стихах, как ее назвал сам поэт, написана была А. Н. Майковым в 1851 г.; запрещенная царской цензурой, она была напечатана только в 1857 г. Продолжением этой поэмы является лирическая драма «Смерть Люция» (1863). Поэма «Три смерти» посвящена Н. А. Майкову — отцу поэта. Сюжет основан на действительном историческом событии времен римского императора Нерона (I в. н. э.) — заговоре Гая Кальпурния Пизона против Нерона. Философ *Сенека* и его племянник поэт *Лукан* за участие в этом заговоре были приговорены к смерти. *Эпиктет* (I в. н. э.) — греческий философ-стоик. *Платон* (V—IV вв. до н. э.) — древнегреческий философ, основоположник философского идеализма. *Диоген* (V—IV вв.

до н. э.) — древнегреческий философ школы циников. *Центурион* — начальник сотни в римской армии. *Сократ* (469—399 гг. до н. э.) — древнегреческий философ. *Тибр* — река, на которой стоит Рим. *Остия* — город, расположенный в устье Тибра. *В носилках труп Эпихариды...* Эпихарида — участница заговора против Нерона, принесенная после тяжелых пыток на носилках, предпочла самоубийство новым мучениям. *Катон* (234—149 до н. э.) — римский государственный деятель, стойкий по своим убеждениям. *Волчица-мать* — по преданию, волчица, выкормившая основателей Рима — Ромула и Рема. *Ликтор* — см. стр. 450. *Тимпан* — см. стр. 445. *Сибарит* — человек, живущий в неге и удовольствиях.

СЛОВАРЬ МИФОЛОГИЧЕСКИХ ИМЕН И НАЗВАНИЙ

Аврора — утренняя заря, богиня рассвета (римск.).

Амброзия — пища богов, дававшая им вечную юность и бессмертие.

Аония — местность в древней Греции, где обитали музы (аониды).

Аркадия — горная область в древней Греции, населенная пастухами. Служила поэтическим символом идиллической страны.

Астартa и Ваал — вавилонские божества. При капищах Ваала существовал культ священных блудников и блудниц. Эти божества олицетворяли собой разврат.

Ахилл — главный герой «Илиады» Гомера, один из предводителей древних греков при осаде Трои.

Вакх — бог плодородия и виноделия (греч.).

Вакханки — жрицы Вакха. Увенчанные плющом, с жезлом, они повсюду сопровождали своего бога (греч.).

Венера — богиня любви и красоты, мать Амура, царица нимф и граций (римск.).

Геба — богиня юности, служительница богов, разносящая им нектар (греч.).

Гелиос — бог солнца и поэзии (греч.).

Геликон — гора в Беотии (Греция), посвященная Аполлону и музам.

Даждьбог — бог солнца в славяно-русской мифологии.

Див — языческое божество, олицетворение враждебных сил в славяно-русской мифологии.

Дриады — лесные нимфы (греч.).

Елена Прекрасная — дочь Зевса и Леды, жена царя Спарты Менелая; славилась своей красотой. Похищение ее Парисом послужило поводом к Троянской войне.

Зевс — верховное божество древних греков, бог грома и молнии, отец смертных и бессмертных (греч.).

Ифигения — дочь Агамемнона, полководца, стоявшего во главе греков против Трои. Прорицатель Калхас предсказал, что для удачного исхода войны Ифигения должна быть принесена в жертву богине Артемиде.

Камены — музы, покровительницы наук и искусств (римск.).

Кефал — мифический герой-охотник, в которого влюбилась Эос — богиня зари (греч.).

Киприда — одно из названий Афродиты, богини

зи и красоты; изображалась летящей на голубе.
Отсюда — «Кипридины голубки» (греч.).
Юпитон — бог любви (римск.).

Иры — духи умерших предков, покровители домашнего очага (римск.).

Аидалина — согласно христианской легенде, женщина, уверовавшая в Христа, раскаявшаяся и едовавшая за ним.

Метия — дочь царя Колхиды, волшебница. Метия мужу Язону за измену, отравила соперницу и жертвила своих детей (греч.).

Менеды — жрицы Вакха (греч.).

Мурзы — богини покровительницы искусств и наук (греч.).

Мурды — нимфы рек и источников (греч.).

Мезида — богиня возмездия, карающая за преступления; олицетворяла правосудие (греч.).

Мурмы — богини, живущие в морях, реках, горах и олицетворяющие живые силы природы (греч.).

Мур — гора в Греции, местопребывание высших богов — олимпийцев.

Мурды — горные нимфы (греч.).

Мур — бог пастухов и горных пастбищ, с козлиными ногами и рогами (греч.).

Плеяды — семь дочерей Атланта, превращенные Зевсом в созвездие (греч.).

Помона — богиня садоводства (римск.).

Сатиры — спутники бога Вакха, лесные и горные божества, изображались с маленькими козьими рожками и козьими хвостами (греч.).

Сатурн — бог покровитель земледелия и садоводства. В честь бога Сатурна в древнем Риме устраивались веселые праздники — сатурналии.

Силен — спутник Вакха. Изображался в виде старого, лысого сатира, всегда пьяного, веселого и добродушного (греч.).

Сильван — бог пастухов, хранитель лесов, полей и рек (римск.).

Сирены — морские существа, полуженщины-полурыбы, заманивавшие пением мореплавателей (греч.).

Стрибог — славяно-русский языческий бог ветра. *Стрибожьи внуки* — ветры.

Тирс — жезл, увитый виноградной лозой, с кедровой шишкой на конце. Тирс и чаша-кубок составляют атрибуты Вакха.

Тритон — морской бог с человеческим туловищем и рыбьим хвостом, спутник Нептуна. Он трубит в раковину, возвещая приближение владыки моря (греч.).

Фавн — бог лесов и полей, покровитель пастухов (римск.).

Феб — одно из имен Аполлона, бога света и поэзии (греч.).

Фетида — старшая из морских нимф-нереид, мать легендарного героя «Илиады» Ахилла (греч.).

Филомела — дочь афинского царя, превращенная богами в соловья (греч.).

Церера — богиня земледелия и плодородия (римск.).

Циклоп — одноглазый великан (греч.).

Эмениды — богини-мстительницы, находились при входе в подземное царство. Исполняя волю верховных божеств, терзали преступников (греч.).

Эреб — божество, олицетворяющее мрак, первобытную тьму; также и сама окутанная мраком преисподня (греч.).

Эхо — горная нимфа, зачахнувшая от безнадежной любви к Нарциссу, легендарному юноше, очарованному собственной красотой. В лесах и горах остался только ее голос (греч.).

Юпитер — верховный бог у древних римлян, громовержец, охранитель Римского государства (римск.).

ОСНОВНЫЕ ИЗДАНИЯ ПРОИЗВЕДЕНИЙ А. Н. МАЙКОВА

Стихотворения, СПб., 1842.

Стихотворения, изд. 2, кн. 1—2, СПб., 1858.

Новые стихотворения (1858—1863), М., 1864.

Полное собрание сочинений, изд. 6, кн. 1—3, СПб., 1893.

Полное собрание сочинений, изд. 9, под ред. П. В. Быкова, СПб., 1914.

Стихотворения, «Советский писатель» (Библиотека поэта. Малая серия). Вступительная статья, редакция и примечания Н. Степанова. 1937.

Избранное. «Советский писатель» (Библиотека поэта. Малая серия, изд. 2.) Вступительная статья, подготовка текста и примечания Н. Гайденова. 1952.

СОДЕРЖАНИЕ¹

А. Н. Майков. — <i>Вступительная статья</i>	5
Н. Степанова	

СТИХОТВОРЕНИЯ

В антологическом роде

Октава	61 444
Раздумье	62
Сон	63
«Вхожу с смущением в забытые па- латы...»	64
Воспоминание	65
Гезиод	66 444
Эхо и молчание	67
«Я в гроте ждал тебя в урочный час...» .	68 444
«На мысе сем диком, увенчанном бедной осокой...»	69 444
«Все думу тайную в душе моей питает...»	70

¹ Первая цифра обозначает страницу стихотворения, вторая (курсивом) — страницу примечания.

(Из Андрея Шенье) («Я был еще дитя; она уже прекрасна...»)	71	445
Овидий	72	445
Искусство	73	
«Муза, богиня Олимпа, вручила две звуч- ные флейты...»	74	
Вакханка	76	445
Эпитафия	77	
Мысль поэта	78	
Вакх	79	
Зимнее утро	80	
Дума	82	
Сомнение	83	
Свирель	84	
«Я знаю, отчего у этих берегов...»	85	
Диония	86	
На памятнике	87	
«Дитя мое, уж нет благословенных дней...»	88	
«Пусть полудикие Скифы, с глазами, на- литыми кровью...»	89	445
Поэзия	90	445
Барельеф	91	
Е. П. М.	92	445

Подражания древним

Сафо

1. «Зачем венком из листьев лавра...» . 93 445
2. «Звезда божественной Киприды!..» . 94

Анакреон

«Пусть гордится старый дед...» 95 446

Гораций

1. «Скажи мне: чей челнок к скале сей
приплывает?..» 96 446

2. «Легче лани юной ты...» . 97

Овидий

Послание с Понта . 98 446

Элегии

Исповедь 101 447

«О чем, в тиши ночей, таинственно ме-
чтаю...» 102

Мраморный фавн 103

Очерки Рима

На пути 106

Campragna di Roma 107 447

«Ах, чудное небо, ей-богу, над этим клас-
сическим Римом!..» 110 447

Amogoso 112

«На дальнем севере моем...» 114

Нищий 115 447

В остерии 117 447

Fortunata 118

«Скажи мне, ты любил на родине
своей?..» 119

Художник 121

Fiorina 122
Logenzo 123
Антики 125 447
Древний Рим 126 448
Palazzo 129 448

Житейские думы

После бала 132
«Над прахом гения свершать святую тризну...» 134 448
На смерть М. И. Глинки 136 449
Филантропы 137
Мать и дочь 138
Старый хлам 142 449
Приданое 145

Фантазии

Розы 147
Допотопная кость 148
Импровизация 149
Сон в летнюю ночь 152 449

Камен

Анакреон 154 449
Юношам 155

Алкивиад	156	449
Аспазия	158	450
Претор	160	450
Аркадский селянин путешественнику . .	162	

Послания

Я. П. Полонскому («Полонский! суждено опять судьбою злою...»)	164	450
М. Л. Михайлову	168	451
И. А. Гончарову	169	451

На воле

Весна («Голубенький, чистый...»)	170
«Весна! выставляется первая рама...»	171
«Боже мой! вчера — ненастье...»	172
«Поле зыблется цветами...»	173
Под дождем	174
Звуки ночи	175
В лесу	176
«Маститые, ветвистые дубы...»	177
Голос в лесу	178
«Все вокруг меня, как прежде...»	179
Журавли	180
Болото	181
Пейзаж	183
Ласточки	185
«Осенние листья по ветру кружат...»	187
Осень	188

«И город вот опять! Опять сияет бал...»	190
Мечтания	192

Из дневника

«Люблю, если, тихо к плечу моему голо- вой прислонившись...»	193
«Истомленная горем, все выплакав слезы...»	194
«Порывы нежности обуздывать умея...» .	195
«Точно голубь светлую весною...» . . .	196

Дочери

«Она еще едва умеет лепетать...» . .	197 451
«Не может быть! Не может быть!...» .	198 451

Из странствований

На берегах Нормандии	199
Альпийские ледники	201
«Здесь весна, как художник уж славный, работает тихо...»	202 451

Неаполитанский альбом

Народная песня	204
Два карлина	205 452

Тарантелла	208 452
«Душно! иль опять сирокко?..»	211 452
«Народный вождь вступает в город...» .	212 452

Дома

Мать	213
Весна («Уходи, Зима седая...»)	215
Летний дождь	216
Сенокос	217
Ночь на жнитве	218
В степях	
1. Ночная гроза	220
2. Рассвет	221
3. «Мой взгляд теряется в торже- ственном просторе...»	221
4. Полдень	222
5. Стрибожьи внуки	222

Страны и народы

«Сидели старцы Илиона...»	224 452
Рыцарь (<i>Из Bertrand de Born</i>)	225 452
Из Петрарки	226 453
Из Гафиза	227 453
Из испанской антологии	228
Две белорусские песни	
1. Петрусь	230
2. «Ой, сынки мой, соколы мой...»	233
Сон негра (<i>Из Лонифелло</i>)	234 453
Купальщицы (<i>Мелодия с бергеск Гачис</i>)	236

Из крымских сонетов Мицкевича

Аккерманские степи 237 453
Байдарская долина 238 453
Алушта днем 239

Переводы и вариации Гейне

Гейне (<i>Пролог</i>) 240 453
«Осеннего месяца облик» .	. 241
«Ее в грязи он подобрал...»	. 243
«Краса моя, рыбачка...»	. 244
Лорелея 245

Excelsior

«О царство вечной юности...» 247 454
Excelsior (<i>Из Лонгфелло</i>) 248 454
Художнику 251
«Есть мысли тайные в душевной глу- бине...» 252
«Возвышенная мысль достойной хочет брони...» 253
«Не отставай от века» — лозунг живый...» 254
Перечитывая Пушкина 255
«Мы выросли в суровой школе...»	. 256
«Мысль поэтическая — нет!...» .	. 257

Акварели

Айвазовскому	258 454
Мертвая зыбь	259
Олимпийские игры	260 454
Гроза	261
У Мраморного моря	
1. «Все — горы, острова, все утрен- него пара...»	263
2. «Румяный парус там стоит...»	263

Века и народы

Савонарола	264 454
Последние язычники	270 455
Приговор (<i>Легенда о Констанцском со- боре</i>)	274 455
Конь (<i>Из сербских песен</i>)	281
Пастух (<i>Испанская легенда</i>)	283 455
Менестрель (<i>Провансальский романс</i>)	287 455
Старый дож	289 455

Новогреческие песни

Колыбельная песня	292
«Ласточка примчалась...»	293
«Я б тебя поцеловала...»	294
Поцелуй	295 457
Молодая жена	296
«Птички-ласточки, летите...»	298
Деспо	299 457

Завещание	. 300 457
Чужбина	. 301 457

ОТЗЫВЫ ЖИЗНИ

Барышне 302
Дурочка (<i>Идиллия</i>)	. 313
Рыбная ловля .	. 320 457
Бабушка и внучек	. 329

ОТЗЫВЫ ИСТОРИИ

Емшан 335 458
В Городце в 1263 году 339 458
У гроба Грозного 344 459
Кто он? 349 460
«На белой отмели Каспийского поморья...» 352 460

МАШЕНЬКА (<i>Поэма</i>)	353 461
-------------------------------------	---------

ТРИ СМЕРТИ (<i>Лирическая драма</i>). . .	. 415 461
---	-----------

ПРИМЕЧАНИЯ	. 441
------------	-------

Словарь мифологических имен и названий 463
Основные издания произведений А. Н. Майкова 468

Редакционная коллегия

*В. Н. Орлов (главный редактор), М. О. Ауэзов,
А. Г. Дементьев, В. П. Друзин, В. О. Перцов,
А. А. Прокофьев, М. Ф. Рыльский, В. М. Саянов,
А. А. Сурков, А. Т. Твардовский, Н. С. Тихонов,
И. Г. Ямпольский (зам. главного редактора)*

Майков Аполлон Николаевич

ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Редактор *С. А. Рейсер*

Художник *Л. С. Хижинский*

Худож. редактор *М. Е. Новиков*

Техн. редактор *С. И. Брусиловская*

Корректор *А. Г. Рабинова*

Сдано в набор 21/V 1957 г. Подписано
к печати 17/IX 1957 г. Бумага 84×108¹/₆₄.

Печ. л. 15¹/₂ (12,35). Уч.-изд. л. 14,0.

Тираж 50 000. Цена 5 р. 25 к.

Заказ № 464.

Ленинградское отделение
издательства «Советский писатель»

Ленинград, Невский пр., 28

Типография № 5

УПП Ленсовнархоза

Ленинград, Красная ул., 1/3

В ЧАСТИ ТИРАЖА ЗАМЕЧЕНЫ СЛЕДУЮЩИЕ
ОПЕЧАТКИ:

<i>Стр.</i>	<i>Строка</i>	<i>Напечатано</i>	<i>Следует читать</i>
192	9 св.	бесприветный.	бесприветный,
382	15 св.	всей	всех

А. Н. Майков. Избранные произведения

